

ГОСУДАРСТВЕННАЯ СТАРОИ
КНИЖНИЦА

Дагестанский
сборник

т. 3

1927

Д-14

ИЗ ФОНДА РЕДКОЙ И СТАРОЙ
КНИГИ

72/3P-83

Д-14

ЧИТАЛЬНЫЙ
ЗАЛ

Recueil du Daghestan
داغستان مجموعهسى

Дагестанский ≡ Сборник ≡

Редакционная коллегия:
А. А. Тахо-Годи, Б. Г. Малла-
чиханов, Д. М. Павлов.

1966

Том III-й.

В издании Сборника принимают участие:
Даг. Научно-Иссл. Институт; Дагнаркомпрос; Дагмузей;
Дагсовнархоз; Дагнаркомздрав; Дагнаркомзем; Дагкуст-
промсоюз; Даг. Гос. Научная Библиотека; Совет
обследования и изучения Дагестана

17046
885

Махач-Кала.
1927 г.

Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН

instituteofhistory.ru

Предисловіе.

«Дагестанские Сборники», обязанные возобновлением инициативе Дагестанского Научно-Исследовательского Института, выходят не как ведомственное издание, а как коллективный орган Дагестанских учреждений и организаций, причастных к обследованию и изучению Края.

Задача «Сборников» в их настоящей форме-быть одним из камней в фундаменте объединения научно-исследовательской и научно-исследовательской работы в Дагестане, с возможной полной отображать и эту работу и ее результаты.

В «Сборниках» будут помещаемы: а) материалы, — т. е. записи и документы, б) научные краеведческого содержания монографии, статьи и заметки, в) обзоры, г) и рецензии новой, касающейся Дагестана, научной литературы.

Издание возобновляется в надежде, что, в случае поддержки его заинтересованными учреждениями и организациями, оно со временем сможет заменить обособленное опубликование ведомствами имеющихся в их распоряжении научных трудов и приобрести популярность среди широких слоев местного населения.

В последних видах наиболее ценные работы „Сборников“ предполагается переводить на местные языки и выпускать отдельными оттисками.

«Сборники» предполагается издавать не реже раза в год.

1954

Отдел первый

Материалы

Исторические мемуары
Народная словесность
Обычное право

Предания о Хаджи Мурате.

Предисловие.

В бытность мою в январе 1925 года в ауле Хунзах, Аварского округа, я узнал, что там проживают сын и внук знаменитого наиба Шамиля Хаджи Мураата, которые с любовью собирают все народные сказания о своем мятежном предке.

Узнав, после нашего знакомства, о предмете моего интереса, они были до того расстроены, что у внука Х.-Мураата, Казанбия, я увидел на глазах слезы, вызванные, повидимому, волной воспоминаний о том, кто, уже мерзавый, так много места занимал в их жизни.

Договорившись, что все, что знают о Хаджи-Мурате, они будут «сказывать» более их грамотному Гамзату Ясулову, а последний будет производить запись этих сказаний—я покинул Хунзах.

Печатаемые странички и являются переводом Ясуловских записей (на аварском языке) того, что сказали сын об отце и внук о деде.

А. Тахо-Годи.

I.

Хунзахский Хаджи Мураат, сын Гипино-Магомы, родился в 1830 году. Отец его Гипино-Магома был из узденей с средним состоянием. Он участвовал во всех боях и стычках, где всегда отличался своей отвагой и храбростью. Род его, т. е. Тухум, назывался „Тавудал“. Хаджи Мураат в малолетстве изучил: Коран, Мухтасар и Тасриф. Чинать и писать он мог только на одном аварском языке, т. е. „Ажам“, других языков не знал. Работал в своем хозяйстве, исполняя все крестьянские работы, и тем прокармливался. С молодых лет любил лошадей и оружие, ездил верхом в полном вооружении. Как разрешилась мать от родов, на теле его была видна замечательная метка: оба локтя его были кровавого цвета, что прошло по испечению одного года. На обе ноги он немного прихрамывал (хромота и после не увеличилась), ростом был ниже среднего, на вид не был красив.

В 1850 году Хаджи Мураат с своим старшим братом Османом и вместе с другими заговорщиками решил убить Гоцаплинского имама Гамзата, что и совершил в том же году в Хунзахской сельской мечети. В это время Хаджи Мураат был уже женатым.

Причина убийства имама Гамзата такова: Гимринский имам Кази-Мулла убит в 1838 году. После него стал имамом Гоцаплинский Гамзат, сын Алескандера. Названный Гамзат происходил из рода «Нуцаби*»), был известен как хороший ученый арабист (алим). В этот период Баху-бике-Ума-Хан-Кизы управляла Аварским ханством: она вдовствовала после смерти мужа своего Султан-Ахмеда. Кроме Баху-бике для управления ханством подходящего человека из рода ханов не было. В сел. Сиухе жил Сурхай Хан Гебек Хан оглы. Последний был сыном Ума-Хана, рожденным от невольницы (гарабан), а потому Сурхай Хану нельзя было наследовать ханством.

У Баху-бике было 3 сына: 1) Ума-Хан 16 лет, 2) Нуцал-Хан 14 л., 3) Булач-Хан 7 л., и одна дочь—Салпанат. Баху-бике, как женщина, не могла стать во главе войск и посещать места сражений, так как женщине это не приличествовало.

Верный и надежный ханам Гитино Магома был убит в сражении с Кази-Муллой. Сын его Осман, он же старший брат Хаджи Мураата, от лица Баху-бике управлял ханством.

Имам Гамзат пожелал уничтожить Хунзахское ханство и утвердить там свое имамство. Хань и хунзахцы на это не согласились, кроме Хаджиясул-Магомы, хлебосольного кунака Гамзата Халида, Алибека Гусейн оглы и немногих подобных им.

Главными зачинщиками проекта взять имама Гамзата в Хунзах, уничтожить ханство и убить ханов были хунзахцы вышепоименованные Хаджиясул Магома и его дядя Алибек оглы из рода Хаштихилал. Поводом приглашения ими Гамзата в Хунзах было следующее: дочь Баху-бике—Салпанат—просил выдать ему в жены Кази-Кумухский Аслан-Хан. Последний был большой кляузник и обманщик. Баху-бике отказала ему в руке своей дочери по той причине, что народ Хунзахского ханства был очень бедный и голодный. Салпанат просили плоскостные хань-богачи; Баху-бике желала выдать ее замуж туда, думая от них получить помощь, потому и отказала Аслан-хану, хотя последний был ей родственник. Аслан-Хан сильно обиделся на Баху-бике за отказ и задумал разыграть следующее: он написал письмо в Хунзах на имя Баху-бике следующего содержания:

— «Зачем ты боишься рода Хаштихилал? Зачем ты дала им право управлять ханством? Ты пришла ко мне из них самого храброго, чтобы убить его, остальных убей сама».

Баху-бике доверилась письму, так как, действительно, Хаштихилал жили как им угодно, и решила отправить Хаджиясул Магому с запечатанным письмом в Кази Кумух к Аслан Хану, в уверенности, что последний покончит с ним. Письмо было следующего содержания:

*Нуцаби—множественное число от нуцал—князь, дворянин.

— «Я отправила к тебе Хаджиясул Магому, чтобы убить его, а я в свою очередь убью его 2-х двоюродных братьев—Гази Магому и Магому и детей Кудияу Алибека».

Когда приехал Хаджиясул Магома к Аслан-Хану, последний прочел ему письмо Баху-бике и сказал:

— «Я не желаю убивать такого храброго человека. Ты вернись назад, отомсти за кровь убитых Баху-бике твоих двоюродных братьев».

Пока Хаджиясул Магома возвращался назад, Баху-бике убила его вышеозначенных братьев. Хаджиясул-Магома и Алибек, сильно обозленные за это убийство на Баху-бике, решили уничтожить ханство, убить ханов до последнего человека, а потому составили заговор с целью водворения в Хунзахе имама Гамзата.

По зову их имам Гамзат с своим большим скопищем мюридов прибыл в Хунзах и расположился около речки «Тобоп». Он попросил от ханов управления ханством, согласно шариата. Когда хань дали на это полное согласие, имам Гамзат пригласил к себе их и немногих почетных людей под видом угощения по случаю радостного мирного соглашения обеих сторон. Главная-же его цель была совершить убиение ханов и сопровождавших их людей.

Баху-бике послала к Гамзату своих двух сыновей в сопровождении старшего брата Хаджи-Мураата Османа и Хунзахского кадия Нур-Магомы с несколькими другими подобными лицами.

Прибыв к имаму Гамзату, они уселись в его палатке. Когда Осман вышел из палатки, один из мюридов Гамзата передал Осману, что они приглашены не на угощение, а для совершения над ними убийства и посоветовал им вернуться домой.

— «Иначе ты будешь убит!»—сказал он. Осман стал думать над тем, как спасти себя и своих товарищей, но придумать ничего не мог, сел верхом на свою лошадь и помчался домой. Не доезжая еще до селения, он слышал ружейные выстрелы, которыми были убиты хань и сопровождавшие их лица.

Убийство ханов было совершено так: имам Гамзат вышел из палатки, взяв рукомойник с водой, якобы за естественной нуждой. В момент выхода имама из палатки снаружи был сделан залп, коими были убиты: сыновья хана, Хунзахский кадий Нур Магома, Хидрил Даидбек, Мирзал Хаджиов и другие.

Дело было в начале лета.

В этот же день имам Гамзат прибыл в селение Хунзах с своими мюридами и остановился в доме ханов. Поднявшись на лестницу, он прочел во всеуслышание слич корана, где говорится:

— «Бог дает власть желанному и отнимает у нежеланного».

В ответ на это присутствовавший тут хунзахец алим (ученый) Халимбек, сын Раджаба, рассерженный, сказал громко такой стих:

— «И эти судьбы мы изменим!».

Имам Гамзат тут же приказал разыскать его и убить за эти слова, но Халимбек скрылся среди присутствовавшего народа и остался не обнаруженным.

После этого имам Гамзат поднялся на балкон, поребовал к себе Баху-бике, приказал связать ее веревкой и поставить на навозную кучу, бывшую тут же во дворе, где она и была убита одним из мюридов ударом топора.

Все, что принадлежало ханам, имам передал в «байтул-мал», т. е. в распоряжение мюридизма, как военную добычу, а оставшегося не убитым сына Баху-бике, малолетнего Булача, приказал отправить в селение Гимры, так как убить его, малолетнего, шариат не позволял.

Местожительством селение Гимры было ему назначено нарочно, потому что в климатическом отношении оно было самым плохим, жарким местом: думали, что здесь он вскоре заболет малярией и умрет. Кроме того сел. Гимры было родиной имамов, и народ был ярким сторонником тариката и шариата, строго их придерживающимся. Поэтому надеялись, что гимринцы вскоре найдут предлог для умерщвления Булача. Имам Гамзат написал Джамаату приказ принять все меры, чтобы покончить с Булачем как можно скорее.

Гимринцы отпускали Булачу ежедневно по одной галушке (хинкал) в супки, в самое жаркое время посылали его в лес с ишаками за дровами. Однако, видя, что Булач продолжает быть здоровым, написали письмо имаму в Хунзах, что принятые все возможные меры не действовали на Булача и что он остается невредимым. Запрашивали: что с ним сделать.

Имам написал ответ: завлечь его купаться в Койсу и постараться утопить там.

Гимринцы взяли из аула мальчиков, хорошо умеющих плавать, взяли и Булача и пошли на берег Койсу. Гимринские мальчики стали купаться в реке, а Булач сплывал на берегу.

Гимринцы ему сказали:

— «Мальчики наши могут купаться, а ты, разве не можешь? Ну ка попробуй присоединиться к ним!».

Булач, думая, что они говорят без умысла, прыгнул в воду, пошел вниз по течению и утонул там.

В это время имам Гамзат жил в Хунзахе в доме ханов с своими мюридами, числом в 50 человек.

Старший брат Хаджи Мураата похоронил Ума-Хана, сына Баху-бике. Сидя на могиле его, он зарядил свой пистолет и

покаялся, что зарядил его только выстрелом в имама Гамзата. Пистолет он зарядил, насыпав горсть пороха, 2-мя пулями, а сверху добавил крупинки полченого кремня.

Спустя 3 месяца Осман выполнил свой замысел.

Имам Гамзат никуда не выходил из своего дома. В день пятницы лишь приходил он в мечеть совершать намаз с караулом своих мюридов. Мечеть была во дворе ханского дворца. Причина невыхода имама из дома была та, что не верил он хунзахцам, потому что хунзахцы были взволнованы и огорчены убиением ханов, в виду того, что последние очень жалели своих подданных и завели справедливые порядки. Хотя хунзахцы не проявили враждебных отношений и послушания к имаму Гамзату, но они впайне были единомышленниками Османа.

Осман составил заговор с надежными удалцами, храбрыми людьми в числе 15 человек. Когда им не удалось выполнить своего решения на стороне, то они решили привести его в исполнение в день пятницы в Хунзахской мечети, куда имам приходил, окруженный караулом мюридов, вооруженным ружьями.

В день четверга Осман и Хаджи Мураат совместно с своими поварами приняли клятву под страхом развода с женами:

— «Завтра в день пятницы, когда имам Гамзат придет в мечеть молившись—убьем его».

Объявили своим женам, что если они выдадут их тайну то они разведутся с ними.

Хотя было сделано такое предупреждение, одна из них—жена Таймасхана, по имени Ханича, в тот же вечер пошла к своему брату Акилау Гасану и передала ему:

— «Завтра в день пятницы в мечети будут убивать имама Гамзата. Смотри, береги себя от несчастия!».

Также другая женщина,—жена Исбаги, по имени Паши-мат, передала тоже своему брату мупалиму.

А эти люди—братья предательниц,—подробно передали о заговоре Хаджиясул Магоме,—самому близкому к имаму Гамзату человеку.

В день пятницы утром рано Хаджиясул Магома передал все подробно имаму Гамзату, предупредив, что на него готовятся покушение, что его собираются убить в мечети—Осман и Хаджи Мурад с их 15 товарищами.

Он посоветовал имаму сегодня не ходить в мечеть а также поименовал всех участников заговора. Видя, что имам Гамзат не верит этому, Хаджиясул Магома клятвой подтвердил свои слова. Тогда имам Гамзат приказал позвать к себе одного из соучастников,—самого старшего по летам,—Дибиросул Хаджи, который работал на своем гумне,—молотил хлеб,

причем на нем не было ни оружия, ни обуви. Это было сделано нарочно: посмотреть как он придет—вооруженным или без оружия, или же откажется от зова,—чтобы на основании этого вынести какое-либо заключение.

Хаджиов посланному за ним ответил, что сейчас придет, а сам зашел к соседу Осману, чтобы получить от него совет. Осман ему сказал:

— «Иди к имаму без оружия, без обуви и папахи, как ты был на гумне на работе».

Осман это сделал для того, чтобы имам подумал, что человек, имеющий совершить над ним убийство, не пришел бы так просто—без оружия.

Когда Хаджиов вошел во двор, имам увидел, что он идет без всякого оружия и сказал Хаджиясул Магоме, что он не верит заговору: человек, намеревающийся совершить убийство, не мог бы прийти без оружия. Имам крикнул Хаджиову:

— «Ты можешь вернуться домой. Имел к тебе дело, а сейчас нужды нет».

Хаджиов, вернувшись домой и передав Осману то, что ему сказал имам, спал попрежнему работать на своем гумне. После ухода Хаджиова, Хаджиясул Магома сказал имаму, что приход Хаджиова без оружия есть хитрость Османа, имеющая целью уничтожить подозрение.

— «В голове Османа есть мозг, а у тебя, вероятно, саман,—сказал Хаджиясул Магома.—Клянусь, тебя убьют люди из рода Тавулал!».

На это имам Гамзат ответил:

— «Из страха перед смертью я не имею права отказаться от посещения мечети в пятничной день, в противном случае по правилам шариата я подлежу смертной казни. Как же мне быть и что предпринять?».

На это Хаджиясул Магома ответил, что нужно приказать объявить населению, чтобы пришли в мечеть без всякого оружия, в противном случае с виновного будет взят штраф—бык. Имам на это согласился и глашатая оповестил народ о приказе имама.

После объявления этого приказа Осман предупредил своих товарищей по заговору не вооружаться сверх одежды, а иметь оружие под одеждой, ружья заряженными оставив у жен, приказав им, как услышат выстрелы, поспешить к месту нахождения мужей и притом никому не передавать оружия, кроме как из числа сговорившихся лиц, а если кто попытается отобрать у них оружие—спрелять тому в живот и убить. Цель будет достигнута кто бы ни спрелял: мужчина или женщина.

Осман приказал также поварицам прийти в мечеть раньше имама по 3 человека вместе.

— «Иначе будут нас подозревать. Ждите спокойно пока я не начну первым, а вслед за мной начните делать каждый по мере своих сил».

Приказ Османа был исполнен. Все соповарищи пришли в мечеть до прихода имама и спокойно сидели в ожидании его прибытия. Хунзахский джамаат также был в мечети в полном сборе. Пришел и имам Гамзат в мечеть в сопровождении мюридов с ружьями в руках.

Когда имам Гамзат вошел в мечеть, Осман, сидевший в первом ряду, встал и громко сказал:

— «Когда идет имам, почему вы не встаете из уважения к нему?»

После этих слов джамаат встал.

Имам, по обыкновению, шел к мимбару, где всегда занимал место. Он был очень доволен оказанным ему почетом и приближался к Осману. Последний, готовясь привести в исполнение свое намерение, пошел к имаму навстречу.

Имам думал, что Осман хочет поздороваться с ним за руку и, довольный, протянул свою.

Осман в это время вытащил свой пистолет и произвел выстрел в грудь имама, проговорив:

— «Скушай ты это!».

Имам Гамзат тут же скончался.

Сопровождавший имама Хаджиясул Магома убил Османа, Хаджи-Мурат убил кунака имамского его же кадия Халида Нур Магому.

Убив Османа, Хаджиясул Магома бежал в ханский дом и заперся в башне. Башню окружили и держали в таком положении 7 дней, после чего подожгли сено и наполнили все дымом, чем заставили Хаджиясул Магому выскочить из башни.

Хаджи-Мурат убил его.

Хаджиясул Магома приходился Хаджи-Мурату проюродным братом.

II

После убийства имама Гамзата мюриды его разбежались. В течение года в Хунзахе не было власти—ни имамской, ни ханской, не было и русских. В продолжение этого периода в Хунзахе орудовала организовавшаяся из молодежи партия (шайка), именовавшаяся «абурикзаби» *). Партия эта не составляла соединения членов какого-либо одного рода. «Абурики» своевольничали, производили насилия, у кого хотели—отбирали быков, лошадей и хлеб.

*) Множественное число от единственного «абурик»—абрек.

В числе членов этой партии Хаджи-Мурата, не было, но там находился его двоюродный брат по имени Хедарас Гасан оглы.

У убитого Баху-бике Гази Магомы Халильбек оглы оставалась жена Зайнаб, сестра Хаджиясул Магомы. У Зайнаб была сестра, состоявшая замужем за Казанбием. Была еще другая сестра — вдова Катурай, у которой Зайнаб всегда жила. У них не было никого из мужского пола, кто бы мог предпринять что-либо в защиту их.

«Абурики» предложили Зайнаб выйти замуж за Хедараса, но она не согласилась. Партия решила похитить ее насильно.

Зайнаб узнала это и не выходила из дома сестры, даже не гоняла своего скота на водопой, выпуская его лишь со двора на улицу. Молодые люди ловили скотину женщин и подрезывали ей хвосты, думая этим заставить Зайнаб ходить за скотом к водопою. Зайнаб все-таки не выходила.

Тогда «абурики» напали на дом Зайнаб. В это время здесь не было никого из мужчин, кроме работника Ангучилау. В доме имелось два ружья. Женщины взяли их в руки и стали обороняться. Загорелась огнеспрельная борьба. Катурай неустанно заряжала ружье и передавала Ангучилау для спрельбы, при чем говорила ему:

— «Лучше бы мне умереть, чем надвяться на тебя! Спреляй Ангучилау!».

«Абурики» отступили от дома:

Когда наступило ночное время, Казанбий, муж сестры Зайнаб, — накинул на Зайнаб бурку, надел папаху, увел в свой дом, и там стал оберегать ее от нападения.

III

Когда стал имамом Гимринский Шамиль, он спал проводил свою власть в Койсубулинском участке согласно шариата. Хунзахец Гимбат, сын Карагиши, разведав о распространении шариата, отправился в Шуру и привел с собой в Хунзахскую крепость солдат. Командиром их был Дженгутаевский Ахмед Хан. Как раз в это время имам Шамиль укрепился на Ахульго. До начала военных действий между русскими и имамом Хаджи-Мурат сидел у себя дома.

В 1839 году, вместе с солдатами, Хаджи-Мурат пошел на Ахульго, чтобы воевать с Шамилем. Ахульго был взят русскими. За храбрые подвиги Хаджи-Мурат был произведен в офицеры.

После взятия Ахульго, имам Шамиль бежал в Дарго (Ведено). Ахмед Хан и солдаты вернулись в Хунзахскую крепость.

Ахмед Хан назначил Хаджи-Мурата наемником на участке

Хабдалаль, но часть этого участка, состоящую из 10 селений, присоединил к Хунзахскому участку. Хунзахским наемником был назначен Карагиши Гимбат, который с давнего времени враждовал с Хаджи-Муратом из-за участка земли. Нуцалы имели на Хунзахской земле, под названием «Чачан», сенокос и пастбище; близ этого участка Хаджи-Мурат тоже имел пахотное поле, доставшееся ему по наследству. Если поле это оставалось незасеянным, нуцалы на нем пасли свой скот, как на пастбище. Хаджи-Мурат всегда засеивал поле, чтобы нуцалы не могли пользоваться пастбищем на его земле. Скот, принадлежащий нуцалам, часто производил поправы его хлебов и из-за этого между сторонами часто возникали споры, и отношения между ними были очень плохие.

IV

Хабдалальский наемник Хаджи-Мурат однажды получил приказ от командира Ахмед Хана доставить в Хунзахскую крепость дров гарнизону для топки по одному ишацкому вьюку с каждого дома со всего участка. После объявления такого приказа население названного участка обратилось к Хаджи-Мурату с жалобой на то, что в их крае нет леса и потому выполнить обращенное к ним требование нет возможности. Оно просило у Хаджи-Мурата совета. Хаджи-Мурат написал письмо Ахмед Хану такого содержания:

— «Приказ ваш относительно доставки дров населению моего участка показался очень трудным и обременительным для выполнения. Оно заявляет, что не сможет доставить дров».

Письмо это Ахмед Хан показал Хунзахскому наемнику Гимбату. Последний, как состоявший в неприязненных отношениях к Хаджи-Мурату из-за вышеупомянутого пахотного участка, сказал Ахмед Хану:

— «Само население Хабдалальского участка никогда не посмело бы возразить против вашего приказа. Оно никогда не отказалось бы выполнить требование. Это подучивает Хаджи-Мурат. Мы не должны полагаться на верность Хаджи-Мурата: он находится в тайных сношениях с имамом Шамилем».

Дело было в то время, когда Шамиль находился в Дарго (Ведено) и весь народ до границ Аварского округа был на стороне имама.

Поверив клеюзе Гимбата, Ахмед Хан вызвал в Хунзах Хаджи-Мурата и арестовал его в Хунзахской крепости, поставив сильный караул. После семи суток ареста Ахмед Хан отправил Хаджи-Мурата в гор. Т.-Х.-Шуру, чтобы оттуда выслать в Сибирь. Из Хунзахской крепости узника вывели в позднее ночное время в сопровождении 7 человек. Платком завязали ему

рот, между зубами вложили дощечку, крепко накрепко перевязали руки веревкой, при чем два солдата держали концы этой веревки.

Причиной такой осторожности было опасение, что хунзахцы узнают, что Хаджи-Мурата отправляют под арестом в Шуру, услышат разговоры или крики и сделают попытку к освобождению его, тем более что род Хаджи-Мурата отличался храбростью и отчаянностью, что особенно сказалось во время убийства имама Гамзата.

Когда отошли от Хунзаха далеко, так что там все равно не слышали бы ни крика, ни зова, из зубов Хаджи-Мурата дощечку вынули. Дорога в Шуру проходила через селение Буцра Хунзахского участка. Не доходя до Буцры имеется гребень хребта. Конвой с Хаджи-Муратом ночью же поднялся на эту вершину. Ночь была очень темная, дорога от ветра была занесена снегом, солдаты сбились с дороги и заблудились. Не находя другого способа они приказали Хаджи-Мурату идти вперед. Руки у Хаджи-Мурата остались связанными, и солдаты по прежнему держали концы веревки в своих руках.

Хаджи-Мурат знал дорогу хорошо, но он пошел по линии гребня, объясняя солдатам—что это и есть дорога. Обувь на Хаджи-Мурате была старинного образца, что носили предки, с подковами и острыми гвоздями (в тогдашнее время такую обувь носили состоятельные люди.) Все время он искал удобного места для бегства, и вдруг, воскликнув слова: — „Ла Хаула-Вала Куввата Илла Билла*)“ — он, как птица, ринулся вниз по тому склону горы, который обращен к селению Буцра. Место, где он спустился, было очень опасное для жизни. Можно было ежеминутно ожидать смерти, потому что по пути встречались высокие скалы, пропасти и сильно крутые склоны. Ему очень помогли подковы с острыми гвоздями, которые позволяли скользить. Когда Хаджи-Мурат рванулся от солдат—последние, поскользнувшись, упали и выпустили веревку из рук. Отойдя на порядочное расстояние от солдат, Х.-Мурат нашел кустарниковый лес, остановился тут и стал прислушиваться (так рассказывал он сам).

— «Слышал я,—говорил он—, как солдаты, в поисках за мной катились, падали и ругались по моему адресу»..

Сидя тут Хаджи-Мурат думал: куда бы ему лучше укрыться. В селении Гоцатль жил его родственник по имени, «Арцу Меер»**), изгнанный Канлыем за убийство. Хаджи-Мурат решил в эту же ночь бежать туда,—в расчете, что родственник окажет ему помощь. Он поднялся обратно на вер-

*) Во имя всемогущего и всеильного Аллаха.

**) Серебряный нос.

шину Горы и пошел в сел. Гоцатль. Все это время руки его были связаны.

Придя в селение, он направился в дом родственника Арцу Меера и разбудил его. Последний с радостью принял беглеца и развязал ему руки. После короткого отдыха Хаджи-Мурат собрался дальше. Арцу Меер вооружил его своим оружием, дал ему свою лошадь, оседлав ее, и отправил в селение Гонода Гунибского округа.

Прощаясь с Арцу Меером, Хаджи-Мурат сказал:

— «По всей вероятности наши родственники думают, что я и теперь сижу в крепости, так как меня отправили ночью секретно. Иди завтра в Хунзах, расскажи им все, что случилось со мной, а также скажи им, что я поеду к имаму Шамилю в Дарго. Если кто пожелает повидаться, то пусть придет туда».

На другой день Арцу Меер отправился в селение Хунзах и передал все порученное в точности всем близким надежным людям.

V.

Хаджи-Мурат в ту же ночь прибыл в селение Гонода, день провел там, а ночью до рассвета выехал в сел. Бахлук, где переночевал, и в следующую ночь поехал в аул Карата (Андийского округа), находившийся в подчинении имама Шамиля. На другой день ночью он поехал в аул Ботлих Андийского округа, тоже находившийся в пределах имама, в следующую ночь поехал в Дарго к имаму.

Хаджи-Мурат рассказал последнему все, что с ним произошло и цель своего приезда. Имам Шамиль не поверил словам Хаджи-Мурата. Он подумал так: „Хаджи-Мурат—надежный наиб Ахмед Хана, на войне награжден русским чином офицера, не может быть чтобы Ахмед Хан его арестовал. Хаджи-Мурат наверное пришел с какими либо обманными целями“.

На границе Аварского и Андийского округов есть селение Тлох. Им ни Шамиль, ни русские не распоряжались. Имам нарочно назначил туда наибом Хаджи-Мурата, чтобы там испытать его. Тлохцы обрадовались приезду Хаджи-Мурата и назначению его шариатским наибом. Они покорно подчинились ему, а затем стали добровольно подчиняться и другие окрестные Хиндаляльские селения в том числе и селение Цельмес.

Приезд Хаджи-Мурата в селение Тлох через несколько дней стал известен в Хунзахе, и оттуда бежали к нему 3 человека: Таймасхан Магома, Али Магома, и Сагипилау. Хаджи-Мурат взял их с собой, поехал с ними в селение Цельмес и стал там жить.

Даже в это время имам Шамиль не верил Хаджи-Мурату. Между тем в селение Целъмес прибыли к Хаджи-Мурату новые беглецы: Таймас Хан, Хаджияу Дебирасулау, брат его Амагилау Дебирасулау и уроженцы селения Шопота: Хочбар и Казанбий.

VI.

Один из жителей селения Мушули (в наивысшем Хаджи-Мурата), некто Гасан, бежал к Ахмед Хану и жил в Хунзахе. Ахмед Хан решил отправить этого Гасана в селение Целъмес с целью убить Хаджи-Мурата. Ахмед Хан дал ему своего жеребца и научил что сделать:

— Ты поезжай к Хаджи-Мурату в сел. Целъмес, он тебя подозревать не станет, так как ты из его участка. Скажи, что, вот, мол, я украл у Ахмед Хана жеребца и бежал к тебе, а как только подойдет удобный момент—убей Хаджи-Мурата и беги ко мне обратно в Хунзах.

Гасан поехал к Хаджи-Мурату и сказал ему все так, как научил Ахмед Хан. Между тем его секретное поручение стало известно родственникам Хаджи-Мурата, и они тайно предупредили о том Хаджи-Мурата, так что последний еще до прибытия Гасана знал обо всем.

Гасан каждый день верхом на жеребце Ахмед Хана приезжал в селение Целъмес и вечером возвращался домой в сел. Мушули. Таким образом прошло много дней. Хаджи-Мурат не заметил ничего подозрительного в действиях Гасана и написал своим родственникам в сел. Хунзах, что он не придает веры тому, чтобы Гасан замыслил покушение на его жизнь.

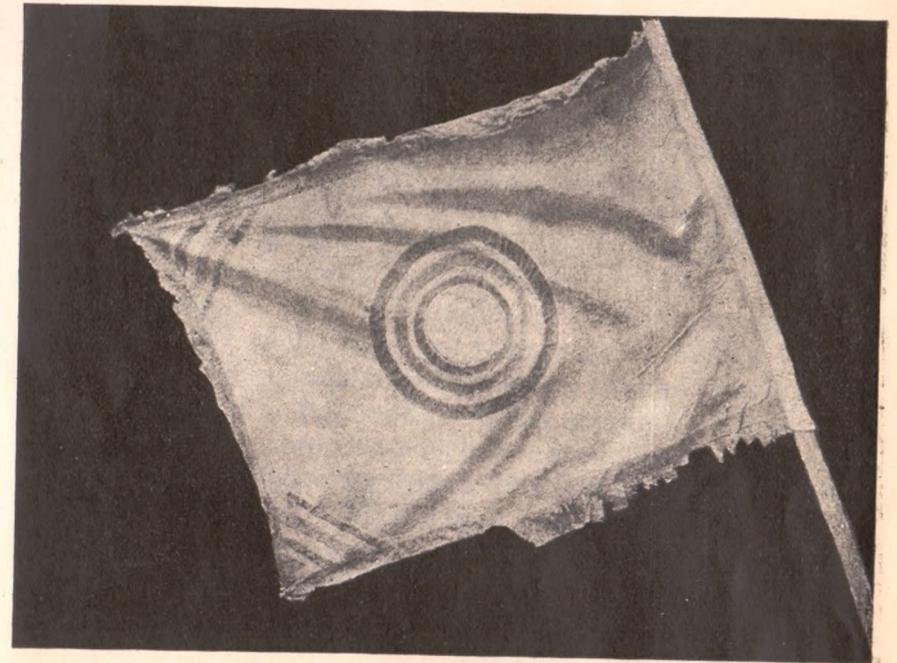
Ахмед Хан в свою очередь запрашивал Гасана: почему он не возвращается назад, исполнив поручение в отношении Хаджи-Мурата. ✓

Гасан ответил на это Ахмед Хану, что убить Хаджи-Мурата и поехать потом в Хунзах он боится из страха перед Хаджи-Муратовскими родственниками, а потому раньше всего Ахмед Хану нужно бы покончить с наиболее опасными из них. Тогда Ахмед Хан вызвал в крепость родственников Хаджи-Мурата: двоюродных братьев Хедараса и Хаджияу и троюродного брата Исбаги. По приказу Ахмед Хана вышеуказанных лиц убили жители сел. Ках—Сулейман и Курбан и житель селения Дженгупай Осман Андиялау.

Об этом убийстве подробно дали знать Хаджи-Мурату другие его родственники. После получения такого известия Хаджи-Мурат убил в селении Целъмес Мушулинского Гасана.

VII.

Ахмед Хан заметил, что народ постепенно переходит на сторону Хаджи-Мурата, имеющего намерение напасть на Хун-

Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН

instituteofhistory.ru

ПОХОДНЫЙ ЗНАЧЕК ХАДЖИ-МУРАТА

Из экспонатов Дагестанского Музея

зах. Он собрал отряд из жителей Хунзахского плато, подготовил своих солдат и ночью пошел походом на Цельмес. Еще до рассвета русские окружили селение, а хунзахцы были поставлены на охранение, чтобы не допустить какой либо помощи Хаджи-Мурату со стороны.

Хаджи-Мурат со своими 8 поварищами находился в селении, ничего не подозревая. На рассвете начался бой. Жители Цельмеса все бежали из селения. Хаджи-Мурат и его поварищи бились до вечера. Вечером солдаты овладели селением за исключением 2 домов и мечети. Горсть храбрецов защищалась отчаянно. Пали убитыми оба сына Дебирасулау: Хаджияу и Амагилау. Хунзахское войско в бою не участвовало, оно лишь стояло в стороне на спорожевой службе.

После заката солнца по одиночке спали приходил на подмогу жители Хиндаляльских селений, т. е. участка Хаджи-Мураата. Когда об этом стало известно солдатам, они отступили и спали бежать с большим уроном убитыми. Ночью Хаджи-Мураатовское скопище спало преследовать их с обнаженными шашками до селения Цалкита. Множество солдат было убито. Так много было убитых, что приходилось ходить по трупам не наступая ногами на землю. Такого серьезного сражения в Дагестане до этого еще не было *).

VIII.

После Цельмесинского боя в район Хаджи-Мураата прибыл Шамиль. Он остановился в селении Ороа, вызвал к себе Хаджи-Мураата и его поварищей, передал им свою благодарности и раздал подарки. Только тогда имам стал вполне верить Хаджи-Мурату и его товарищам. Одному из поварищей Хаджи-Мураата — Таймасхану — имам задал вопрос:

— « Когда ты спал мусульманином? ».

Таймасхан ответил, что он спал мусульманином после Цельмесинского боя, завершившегося поражением русских.

Имам Шамиль поехал обратно в Дарго.

После этого Хаджи-Мурат со своим войском поднялся на местность „Матлас“, начал сражение с русскими солдатами, сбил их, а оттуда двинулся на сел. Обода. После боя русские бежали и в руки Хаджи-Мураата попало много пленников. В числе этих последних оказался житель селения Ках — Сулейман, убийца и палач одного из родственников Хаджи-Мураата — Хедараса. Его тут же убили.

Хотя вся земля ниже селения Обода находилась под властью Ахмед Хана, Хаджи-Мурат ночью поехал в сел. Ках, с несколькими товарищами с целью убить Курбана, — брата Сулеймана.

*)Здесь имеется несомненное преувеличение.

Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН

instituteofhistory.ru

Этот Курбан тоже участвовал в убийстве родственников Хаджи-Мурата, он всегда ожидал мести и, боясь быть постигнутым облавой, имел обыкновение уходить из своего дома и прятаться в чужих домах. В эту ночь Курбана также не было дома: он находился в селении у одного из односельцев.

Курбана не могли найти, взамен убили его родственника Мусу, жену и сына взяли с собой и вернулись обратно в Ободу.

Будучи уверен в том, что Хаджи-Мурат непременно возьмет крепость и опасаясь быть убитым в крепости, Ахмед заложил под крепость порох, для того чтобы ее взорвать, взял своих солдат и бежал. С ним вместе бежали Карагиши Гимбат, который привел в Хунзах Ахмед Хана и солдат, наклеветал Ахмед Хану на Хаджи-Мурата, и немногие хунзахцы, — сторонники его и Годинский Доногонал Магома (он же нудалчи)*.

Хаджи-Мурат об их бегстве дал знать в Дарго имаму Шамилю, который после этого приехал в Хунзах.

IX.

Аул Хунзах имел 3 квартала: Хорих, Тлярак-Чшопота и Самиял.

Имам Шамиль сказал Хаджи-Мурату:

— Ты с сегодняшнего дня будешь Хунзахским наибом. Высели хунзахцев на новые места, хорихцам укажи местность „Канабата“, пляракшопотинцам — местность „Колониб“, или же „Када-Иц“, а самиялцам местность „Тобпита“, так, чтобы между новыми поселками было бы по 3 версты расстояния друг от друга».

Затем Шамиль приказал убить 25 человек хунзахцев, указав их поименно. Все эти лица были неблагонадежными для имама людьми.

Потом он сказал Хаджи-Мурату:

— Если ты в точности не выполнишь эти распоряжения — наши дела и шариат не упрочатся».

Хаджи-Мурат не согласился с распоряжениями имама и, недовольный, сказал:

— Выселять хунзахцев не буду, также не убью и названных лиц. Я не такой человек, чтобы мучить и стеснять бедный народ. Если приказа нельзя отменить и его необходимо выполнять, я наибом быть не согласен, — назначь другого человека, который выполнит бы намеченное. По истечении 3-х лет я возьму на себя управлять Хунзахским наибством».

Имам назначил Хунзахским наибом Танусинского Магома Маллачи оглы с условием, чтобы он выполнил вышеозначенный приказ, а Хаджи-Мурата отправил на должность Хебдаляльского найба.

Новый наиб-Танусинский Магома-выселил хунзахцев на равные места, разрушил в Хунзахе дома, за исключением постройки над могилой Шейха Абу Муслима. Из намеченных имамом 25 человек ежедневно кого либо убивали. Многие из них по предупреждению, сделанному Хаджи-Муратом, бежали в Шуру. Как их жен, так и жен лиц, ранее бежавших к русским, выдали замуж. По отношению к родителям „мунафиков“ (т. е. изменников религии, гяуров) поступили еще строже: их сбрасывали с кручи в овраг.

Русские, ушедшие из Хунзаха, устроили крепость в Зирани и стояли там. Хаджи-Мурат со своим войском из Хебдалаля пошел на них, взял с боя крепость. Ахмед Хан со своими солдатами бежал в Шуру. Другая крепость в руках русских была Аймаки. Фронт простирался до сел. Гергебеля. Между селениями Гергебель и Кикунь есть местность под названием „Ули“.

Оттуда после боя солдаты бежали. ✓

В это время исполнилось как раз 3 года, как Хаджи-Мурат пробыл Хебдаляльским наибом, поэтому он теперь уже был назначен Хунзахским наибом.

X.

Будучи Хунзахским наибом Хаджи-Мурат предпринял следующее.

Так как население его участка было очень бедное, он, желая улучшить его положение, считал необходимым делать набеги в год 2 раза, при этом насильно с собой никого не брал, населению заранее объявлял, что готовится иппи в набег, приглашал прибыть к себе тех, кто пожелает; пеших с собой не брал, не допускал в конницу лошади с впалой спиной, так как такая бывает очень невynosлива; не позволял брать в поход лошадей, имеющую все 4 ноги белые, так как таковая предвещает неблагополучие. Перед выступлением в набег Хаджи-Мурат раздавал милостыню сиротам и вдовам, посещал могилу Шейха Абу Муслима. После возвращения он так же выдавал бедным часть всей военной добычи (так называемый „хумс“). Шариатская доля также выделялась и отправлялась в Дарго — имаму. Хаджи-Мурат не был гордым и сстрогим для товарищей. Из добытого достояния он пользовался равной с товарищами частью, за богатством не гнался, довольствуясь имуществом, доставшимся по наследству от родителей. С собою в набег Хаджи-Мурат не брал свыше 100 человек и от них требовал не причинять ущерба кому либо из мусульман.

1-й набег был сделан ночью на Т.-Х.-Шуру. Тут столкнулись с войсковой частью. В происшедшем бою обе стороны имели потери убитыми. Наездники вернулись назад с добычей.

* Годинский не был нудалчи, — автор ошибся.

2-й набег был сделан на селение Дургели с целью разгромления еврейского имущества. В этот раз взяли в плен евреев и захватили много имущества и скота. Пленных вернули назад за выкуп.

3-й набег был сделан на Гирей Авлак для угона Шуринаского скота. Уничтожили один взвод солдат, карауливших скотину, и угнали весь скот.

4-й набег был сделан на селение Гелли, где жила вдова, княгиня Райанат, родственница Ахмед Хана. Хаджи-Мурат похитил ее и привез в Хунзах, отобрав все имущество, которое она имела. Через 8 месяцев он ее вернул назад за выкуп, выданный ее родственниками в размере 1500 рублей.

XI.

5-й набег был сделан на укрепление Дешлагар, где стояли казаки, охранявшие этот район. Хаджи-Мурат имел целью угнать казачьих лошадей. Перед въездом он приказал подковать всех лошадей подковами наоборот, чтобы обмануть преследователей. Дорога следовала через селения Салты, Куппа, Ходжал-Махи, Леваша. На 2-ю ночь прибыли в овраг, находящийся на земле мекегинцев.

Один из отряда, некто Адалау Гусейн, без ведома Хаджи-Мурата и товарищей пошел на близ стоявший хутор с целью что либо себе пограбить. Когда Адалау Гусейн проник внутрь сакли хозяин ее, сидевший внутри, распорол ему живот кинжалом на смерть. Хаджи-Мурат не наказал убийцу, так как Адалау Гусейн был послушником приказа—не грабить мусульман.

От упомянутого оврага Дешлагар находится не очень далеко. Переночевали в овраге и двинулись к Дешлагару. Табун казачьих лошадей, в виду лучшего времени, пасся возле крепости под охраной караульного взвода. Доехав до Дешлагара на следующий день утром часов в 7, наездники уничтожили казачий взвод и погнали табун не по той дороге, по какой они ехали сюда, а по направлению к морю. Хотя казаки узнали об этом, но, оставшись без лошадей, преследовать не могли.

Нападавшие, достигнув берега моря, повернули свой путь в сторону запада и доехали до окрестностей „Анжи“^{*)}. Так как в Анжи стояли казаки и солдаты, то наездники должны были искать себе более безопасного пути, а потому они повернули к югу, оставив Анжи на правой стороне. Через купан „Елген“ они поехали к „Талгину“ и достигли на 2-ю ночь леса Талгинского, где нашли удобное для стоянки место.

После того как расположились там, Хаджи-Мурат дал приказ зарезать жеребят и изжарить их в пищу. Кругом был поставлен дозор для наблюдения за тем: нет ли преследования.

^{*)} Махач-Кала.

Когда отряд проезжал через купан „Елген“, он был замечен, о чем сейчас же было дано знать майору Шамхалу—Хану, жившему в Анжи.

Шамхал собрал войско из жителей, взял солдат, казаков и выступил в догонку.

Не прошло и одного часа на отдыхе, как дозорные дали знать о приближении большой погони.

Хаджи-Мурат приказал своим не поропиться, покушать до сыта, а затем собрать валежный лес, старые гнилые пни и деревья и устроить завалы, сам же взял в руки подзорную трубу и стал высматривать преследователей. Увидев их в большом количестве, Хаджи-Мурат предупредил товарищей быть наготове.

Убой жеребят и приготовление жареного мяса продолжались своим чередом.

Хаджи-Мурат приказал своим:

—«Пока я не сделаю первый выстрел, вы все сидите спокойно за завалами в ожидании приближающегося шамхальского войска».

Наступающие без единого выстрела приблизились к завалам, расположившись цепью.

Хаджи-Мурат первый выстрелил в командира, поднимавшегося на завал, прострелил ему живот и убил наповал. Наездники открыли стрельбу и убили очень многих. В панике и замешательстве, враг пустился в бегство.

Хаджи-Мурат, обнажив свою шашку, сказал: „— Ла Хавла вала—Куввапа Илла биллах“—и бросился вместе с своими товарищами за бегущими.

Противник рассеялся, спасаясь в одиночку по различным направлениям. С убитых сняли одежду и оружие, голые трупы собрали на одно видное место, чтобы противник, если вздумает снова наступать, остановился в испуге. Со стороны Хаджи-Мурата был убит лишь один человек: житель селения Баплачи-Магома Гусейн оглы. Сам же Хаджи-Мурат был легко ранен в руку. Все это дело было окончено до заката солнца.

После сумерок победители пронулись дальше, имея с собой большую добычу.

Кратчайшая дорога шла через селение Дженгутай, но, боясь засады, поехали по другой дороге через купан „Каркар“, что позади Кафир-Кумуха, по направлению „Ярум Поч“ и дальше к „Сары-Гамыш“. Проводниками были эмигранты (мухаджирь), бежавшие к Хаджи-Мурату: житель селения В. Дженгутай-Чантика Магома, сел. Н. Дженгутай-Джанакай, сел. Гелли-Гаирбек, сел. Муселим-аул—Шангирей,—все хорошо знакомые с дорогами на плоскости.

Когда дошли до Сары—Гамыша, в виду большой темноты проводники заблудились и сказали:

— «Мы потеряли дорогу и даже не можем сказать: где именно теперь находимся».

Стоять здесь было опасно, из страха очутиться в окружении противника. Хаджи-Мурат остановился и спросил товарищей: нет ли среди них кого либо знающего дорогу. Отозвался один буцринец—Омар Шамиль оглы, раньше пастушествовавший и бывавший на плоскости. Он взялся указывать дорогу но предупредил, что спрадает сонливостью и потому просил по временам расталкивать его в спину.

Проводник Омар повел отряд по направлению к селению Чиркей. Дошли до кутана, под названием „Бухараб кутан“, поехали по направлению к селению Ахатль. На рассвете приехали до Ахатлинской речки.

Между тем до самого утра за ними была погоня из Анджи и разных селений.

У Ахатлинской речки сделали привал, чтобы немного отдохнуть и помолиться. Отсюда двинулись по направлению к Каранаевским горам. Хунзахец Исбаги заснул никем незамеченный и остался на месте. Погоня застала его спящим, но он не сдвинулся и был убит.

Хаджи-Мурат приехал через Каранаевские горы в селение Ирганай. Во время переправы через Койсу погиб житель селения Хунзах—Апалау. Через Балаханы, Моксох и далее по Арактау, наконец, прибыли в Хунзах.

Из этого набега Хаджи-Мурат вернулся в Хунзах на 7-е сутки с добычей, состоящей из 150 лошадей, одежды и оружия снятых с убитых врагов в местности „Талги.“ Хаджи-Мурат потерял в этом деле 4 товарищей. В печении 6 суток никто из участников набега не спал.

XII.

6-й набег Хаджи-Мурат сделал на селение Н. Дженгутай, где жила вдовствующая после смерти мужа Ахмед Хана знаменитая княгиня Нух-бике, имевшая детей от Ахмед Хана дочь Нафисат (жена Кайтагского Амир-Чопана) и сыновей: старшего Ибрагим Хана и младшего-Рашид-Хана (оба они учились в гор. Т.-Х.-Шуре).

Хаджи-Мурат решил сделать этот набег с целью похитить княгиню Нух бике и ограбить ее имущество. Причиной этого решения служило то, что муж Нух-бике—Ахмед Хан—причинял Хаджи-Мурату обиды и притеснения. Кроме того нужна была добыча для войска.

В качестве проводников для указания дороги взял он с

собой из лиц, участвовавших в набеге на Дешлагар: Шангирея, Джан Акая, Чанцикал-Магому и Гаирбека.

Выехали из селения Хунзах и до заката солнца приехали в селение Аракань, где остановились ждать приезда всех своих товарищей и совершить намаз (бақанил как *). Выехали из селения Аракань с таким расчетом, чтобы прибыть в селение Н. Дженгутай в глухое время ночи.

Так как Хаджи-Мурат часто делал набеги и ограбления из боязни пред ним Н. Дженгутай был укреплен: кругом селения был вырыт канал шириной в сажень, который наполнялся водою; во внутрень он канала был сделан забор, плетеный из хвороста, высотой приблизительно в один этаж. В нескольких местах были устроены ворота для хождения народа, — днем они отворялись, а ночью запирались. Кроме того ставили ночной караул для предупреждения набега.

Нух бике, боясь набега Хаджи-Мурата, не жила в своем доме, а находилась в доме Шихша Бека. Хаджи-Мурат заранее знал где находится Нух бике: он имел своих шпионов, переодетых нищими, которые подробно сообщали ему, что видели и слышали.

Приблизительно в 11 часов ночи, не доезжая до селения Н. Дженгутай, на 1/2 версте расстояния, Хаджи-Мурат, остановившись выбрал из среды своих товарищей самых проворных и отчаянных 10 человек молодежи для разведки и очищения дороги, обещал им дань каждому по 10 рублей лишних против своих товарищей, еще 10 рублей обещал награды тому, кто первый зайдет в селение и в дом, где жила Нух бике и поймает ее.

Разведчики, прибыв к окраине селения, застали ворота закрытыми. На внутренней стороне ворот, у разведенного огня сидели 3 человека стражи с ружьями. Когда они услышали топот, крикнули: — „Эй, кто ты такой?“—и взяли свои ружья в руки,—в то время Магома Таймазхан произвел выстрел из ружья и убил одного караульщика. Двое других убежали. Тут Магома Таймазхан оглы влез на плечо товарища, прыгнул во внутрень забора и отворил ворота. Тотчас он послал одного товарища дать знать Хаджи-Мурату, что убит один караульный и что отворены ворота. Хаджи-Мурат немедленно прибыл.

Между тем разведчики уже были в селении и подошли к дому где жила Нух-бике. Ворота были закрыты, внутри стоял один караульный. Магома Таймазхан оглы приказал одному товарищу стать верхом у ворот, а сам полез на его плечо, поднялся на крышу, выстрелом из ружья убил караульщика и

*) Молитва на закате солнца.

поспешно спал отворять ворота. Ворота, однако, оказались на запоре и он не мог отворить их. Тогда он разыскал лестницу и поставил ее для Хаджи-Мурата и его верных поварищей, часть же остальных поварищей осталась на улице с лошадьми.

Хаджи-Мурат с поварищами обыскали комнаты, но Нух-бике не нашли. Они стали собирать и брать ее добро. В одной комнате нашли много тюфяков, одеял и пуховых подушек. Среди них виднелась пола хорьковой шубы (гишил тимуг). Хунзахец Имахо Гусейн оглы схватил ее и стал пнуть. Вместе с шубой вытащил наружу и княгиню Нух-бике, которая стала уверять, что она не Нух-Бике, а ее рабыня (гарабаш). Однако бывшие здесь знающие ее лица признали ее. Тогда взяли княгиню и спустили на улицу по лестнице, посадили верхом позади Хаджи-Мурата, взяли все ее имущество и пустились в обратный путь.

В селении Н. Дженгутай стояла одна сотня милиции Дагестанского полка. Набег Хаджи-Мурата, похищение Нух-бике и ограбление ее имущества — все это было известно милиции и Дженгутаевскому обществу, тем не менее никто не попытался принять какие-либо меры; сделано было только неизвестно кем и где два выстрела, а преследовать никто не думал.

На рассвете наездники приехали на Араканскую землю под названием «Шерширек». Здесь был произведен дележ всей добычи участникам набега по равной части. До общего раздела было роздано условное вознаграждение лицам, которые вошли в селение, отперли ворота и похитили Нух-бике.

Время было холодное и морозное. Товарищи Хаджи-Мурата были очень плохо одеты: по бедности они не могли иметь под черкеской бешмета, сверх рубашки одевали черкески из простого сукна, а для защиты от холода многие затыкали сено между рубашкой и черкеской.

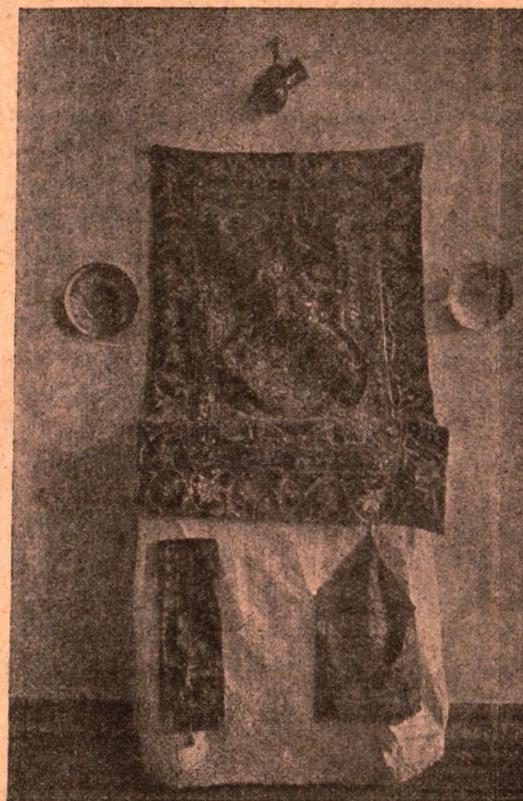
Нух-бике прожила в Хунзахе один год, после чего брат ее Шамхал взял ее, заплатив выкуп в 3000 р.

XIII.

7-й набег. В селении Улуу Буйнаке жил другой хан по имени Шахвали, двоюродный брат Нух-бике. Шахвали был очень сердит на Хаджи-Мурата за то, что последний похитил Нух-бике.

Выражался он такими гордыми словами по адресу Хаджи-Мурата:

— «В сеннике, где нет кошек, крысы и мыши свободно гуляют и играют. Похоже на это и похищение женщины отсюда, где не было мужчин для защиты. Хаджи-Мурату, если

Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН

КОВРИК, СУМКИ, ТАРЕЛКИ,
КУВШИН ХАДЖИ-МУРАТА

Из экспонатов Дагестанского Музея.
Подарок Д. Коркмасова

instituteofhistory.ru

он большой храбрец, не подобало совершать подобных дел».

Хаджи-Мурат не мог оставить без внимания слов Шахвали и отправился в селение Уллу Буйнак, с целью убить или взять в плен обидчика и ограбить его имущество.

Выехав из селения Хунзах, партия Хаджи-Мурата прибыла на Гергебельские земли, отсюда далее через селение Ходжал-Махи и Леваша достигла местности „Деко-Майдан“. Ходжал-махинцы на дороге сделали засаду. Здесь был убит знаменщик Хаджи-Мурата,—хунзахец Али Кебедасулау.

Хаджи-Мурат дал себе клятву, что он отомстит ходжал-махинцам за этот поступок.

Отдохнув до вечера на Деко-Майдане, ночью поехали дальше. На другой день утром прибыли в селение Уллу Буйнак и прямо приехали в дом Шахвали Хана. Последний, заметив их прибытие, бросился бежать, чтобы спрятавшись в уборной, но был убит. Взяли все его имущество, жену, а также двух сыновей близнецов, семилетних: Зубaira и Укаила.

У Хаджи-Мурата план обратного возвращения был такой: проехать через „Чирак Меер“ (Чирак-гора) по земле общей селений Кумух и Акуша, под названием „Гортло-бак“, и продолжать далее.

Солдаты, догадавшись, что Хаджи-Мурат будет держаться такой маршрута (по опыту того, что он обычно не возвращался по той дороге, откуда приезжал), устроили засаду на горе Чирак. Ночью, когда Хаджи-Мурат с товарищами проезжал через названную гору, он наткнулся на засаду. Произошел бой, где был убит знаменщик Хаджи-Мурата—хунзахец Али Зарбишилау *). Сидевшая верхом на лошади Кебеда Али оглы, жена Шахвали, спрыгнула с лошади, бежала к солдатам и осталась там.

Хаджи-Мурат, отступая через селение Ходжал-Махи, вернулся в селение Хунзах. По истечении одного года и четырех месяцев сыновья Шахвали были выкуплены матерью.

XIV.

8-й набег. Селение Ходжал-Махи занимало в то время нейтральное положение между селениями, из коих одни были на стороне имама, а другие на стороне русских. Ни с чьей стороны селение не получало никаких распоряжений и поручений.

Большую часть своих набегов Хаджи-Мурат совершал через это селение, так как оно было расположено на самой дороге. Ходжал-махинцы неоднократно крали и отбирали добычу у товарищей Хаджи-Мурата. Были даже случаи

*) Зарбиш-оглы.

убийства как, например, при возвращении из 7-го набега когда из засады был убит Али Кебедасулау (знаменщик) Хаджи-Мурат не забыл своей клятвы-наказанья за это ходжал-махинцев, а потому он решил сделать набег на них и отомстить убийством нескольких человек.

Выехал Хаджи-Мурат из Хунзаха со своими спарыми поварищами и остановился бивуаком на местности „Деко-Майдан“, находящейся между селениями Куппа и Ходжал-Махи, не далеко от последнего. Здесь Хаджи-Мурат выбрал из среды поварищей 15 самых проворных удальцов, приказал, чтобы они поехали в селение Ходжал-Махи с таким расчетом, чтобы прибыть туда утром, когда народ будет на годекане. Посланным он приказал:

— «Нанесите шашками ходжал-махинцам удары и пешно вернитесь обратно к нам: за вами последует погоня и мы воздадим им по заслугам».

Отправив их, Хаджи-Мурат приказал остальным поварищам спрячься в овраге, находящемся на том же „Деко-Майдане“, чтобы напасть на ходжал-махинскую погоню, когда она будет там проезжать.

Посланные 15 человек в точности исполнили на них возложенное, убили, поранили ходжал-махинцев и бросились бежать. Погоня стала преследовать их. Когда погоня проехала через названный овраг, Хаджи-Мурат и товарищи его пустили в ход сабли, убили 5 человек, в плен взяли 22 человека, которых тоже убили, когда прибыли в местность „Куммы-Корипли“.

Из товарищей Хаджи-Мурата никто не получил даже простого ранения.

XV.

9-й набег. Хаджи-Мурат поехал в Грузию с целью захватить там добычу. Там за большою рекою Алазанью находится большой город Циландар*), где живет много князей, богачей,—многолюдный город, где находится и сад царя. Желанием Хаджи-Мурата было: 1-ое, взять в плен князей; 2-е, завладеть их богатством.

С Хаджи-Муратом была молодежь из Ансуха и Глебелал хорошо знающая все местности Кахетии, освоившаяся с этим районом. Поехал Хаджи-Мурат по Аварио-Кахетинской дороге через Анцухо-Капучинский участок, через селение общества Томрода и через Кабак-Чельскую землю под названием Каршуман“. Селение „Кабак-Чель“ населено магомешанами. Проводники Хаджи-Мурата хотели в этом селении произвести грабеж, но Хаджи-Мурат воспретил им это. Проводники

Циландарь. *)

очень рассерженные на Хаджи-Мурата, на зло ему, не поехали по той дороге, где можно было проехать через мост по реке Алазань, а поехали там, где нужно было переправляться прямо в брод. Переправляясь через реку пришлось ночью, что очень было трудно, пришлось приложить большие усилия. Выбившись из сил и измучившись, поварищи Хаджи-Мурата, однако, в эту же ночь прибыли в гор. Циландар.

Князья и богачи, узнав о прибытии скопища Хаджи-Мурата, убежали из города, бросив свои дома и оставив там все свое богатство: золото, серебро, оружие и всю домашнюю утварь, женские и мужские платья. Товарищи Хаджи-Мурата стали грабить, взяли только ценное, сколько каждый мог взять с собой, но не могли захватить в плен ни одного князя или богача.

Возвращаясь назад, наездники переправились через реку Алазань, поехали по другой дороге через селение Кавази-Куралиб*). Проехали очень счастливо, погони не было, засады не нашли, и с большою добычей вниз по реке Ганжа (начало аварского Койсу) вернулись домой.

XVI.

10-й набег. Хаджи-Мурат со своими поварищами поехал в селение Казанищи с целью угнать табуны лошадей и скота. Поехали через селение Ирганай, приехали в 11 часов дня к табуну и стадам, угнали их и вернулись назад. В это время поднялась тревога и похитителей стала преследовать сотня милиции Дагестанского полка (стоявшая в селении Казанищи) совместно со всеми жителями этого аула. Хотя погоня была доведена до Аркас—Горы, но не было принято каких-либо серьезных мер для отбития скотины и табуна, почему Хаджи-Мурат со всей своей добычей имел возможность благополучно вернуться в селение Хунзах.

11-й набег. Хаджи-Мурат со своими товарищами поехал в селение Дженгутай с целью угнать скот. Выехав из Хунзаха к вечеру он приехал на гору Аркас, на другой день прибыл туда, где пасся Дженгутайевский рогатый скот. В этот день скот пасся очень близко к селению; его охраняло много людей. Зная, что Хаджи-Мурат очень часто делал и делает набеги и ожидая последних, весь народ был на страже; кроме всего этого, тамошние жители были очень обозлены на Хаджи-Мурата со дня похищения княгини.

Люди, охранявшие скотину, заметив приближение скопища Хаджи-Мурата, сейчас же, подняв тревогу, дали знать в аул. Жители и милиция Дагестанского полка в скором време-

*) Гавази Кварели.

ни прибыли туда. Оставив скотину на месте, нападавшие бежали. Погоня преследовала их до горы Аркаса. Хаджи-Мурат с боем отступил. Убитых не было, раненых оказалось 9 человек, Дженгутаевцы потеряли много людей убитыми. Был взят в плен житель селения Дженгутаи Осман Андия оглы и путь же убит. Он, Осман, был убийца Хедераса, — двоюродного брата Хаджи-Мураата (по приказу Ахмед-Хана, о чем было подробно изложено раньше).

В этот день в Дженгутае была свадьба, где сельчане пьивствовали и веселились, — в пьяном виде вышли они на тревогу и потому Хаджи-Мураату удалось многих убить и ранить. С убитых и раненых сняли одежду и оружие, взяли их лошадей. Наездники с хорошей добычей вернулись домой.

XVII.

В это время на стороне имама было только общество селений: Суграпль, Чох, Муху и Обох, а остальные селения и весь Кази-Кумухский округ были на стороне русских. В Кумухе постоянно стояли солдаты, там же жил знаменитый князь Агалар-Хан.

В селении Суграпле в месяц раз бывал базар, куда собирались мюриды, солдаты и все жители Кази-Кумухского округа. Там мюриды покупали провизию и прочее.

Агалар-Хан собрал войска из Казикумухского округа и решил сделать наступление на мюридов и взять их селение, установив свою власть. Хаджи-Мурат в свою очередь экстренно вызвал в селение Чох Шамилевских наивов с их войсками. Агалар-Хан сделал наступление на селение Чох.

Произошло большое сражение, было много убитых, — в том числе был убит Хаджи-Муратом шашкой любимец и писемоводитель Агалар-Хана по имени Шелул Абдурахман. Хаджи-Мурат тоже получил небольшую рану шашкой.

Войско Агалар-Хана отступило и сражение кончилось.

После этого приехал в селение Хунзах к Хаджи-Мурату в гости Каратинский наив сын Шамиля — Гази Магома. Это совпало со временем, когда Хаджи-Мурат оправился после излечения раны, полученной в Чохе. В ознаменование большой радости: приезда сына имама Шамиля — Гази Магомы и собственного выздоровления — Хаджи-Мурат приказал устроить скачки и разослал повсюду объявления о том, что 1-й приз был, 2-й — 10 рублей. Расстояние было назначено от селения Геничупль до селения Обода.

Ко дню скачек собралось множество зрителей, приведено было много хороших скакунов. 1-й приз взяла лошадь самого Хаджи-Мураата. Последний приказал зарезать быка и мясо раздать своим Ободинским сиротам, как пожертвование.

Так как Хаджи-Мурат очень часто делал набеги, то князь Шамхал-Хан, боясь оставаться в селении Кумух, выбрал место на краю селения на скале, построил там башню и стал жить в ней.

Хаджи-Мурат, действительно, думал убить Шамхала и завладеть его имуществом. Был приготовлен точный план как взять башню Шамхала. Ввиду возникших интриг и неприязненных отношений между Хаджи-Муратом и имамом Шамилем, как это будет ниже описано, набег на Шамхала остался невыполненным.

XVIII.

Еще раньше Чохского сражения истекло 20 лет, как Хаджи-Мурат служил наивом у имама Шамиля. В это время Шамиль созвал на съезд всех своих наивов, алимов (ученых) и умных людей. Причина созыва съезда была такова: сын Шамиля, Гази Магома, был женат на дочери одного Елисуйского князя — Даниял-бека, жившего при Шамиле как мугаджир (эмигрант), и считавшегося его надежным человеком. Даниял-бек ненавидел Хаджи-Мураата за его набеги на ханов и причиненные им большие убытки.

Будучи 20 лет наивом, Хаджи-Мурат сделал много хорошего и полезного для народа, в особенности помогал беднякам, всем давал чем одеться и кормиться. Народ очень любил Хаджи-Мураата и был предан ему, все имамские наивы ненавидели Хаджи-Мураата за его храбрость и удачно совершаемые им набеги. Наивы стали кляузничать на Хаджи-Мураата Елисуйскому Даниял-беку, чтобы последний передал кляузы имаму Шамилю. Они говорили:

— «Весь народ на стороне Хаджи-Мураата, народ хочет провозгласить его имамом, и сам Хаджи-Мурат желает и ждет этого».

Даниял бек, как недоброжелатель Хаджи-Мураата, все это, с добавлениями от себя, передавал имаму. Последний поверил клевете, и для испытания народа и Хаджи-Мураата, имея в виду узнать, что у них на душе, созвал упомянутый съезд в Дарго, где присутствовал сам Хаджи-Мурат, его кади Дебир Инкачилов и четыре человека из товарищей.

Шамиль открыл съезд и сказал примерно такую речь:

— «Я теперь стал стар, мне очень трудно стало исправлять обязанности имама. Я нахожу лучшим с сегодняшнего дня возложить эту обязанность на сына моего, — Гази Магому которому предполагаю передать имамство».

Все присутствовавшие члены этого съезда, за исключением Хаджи-Мураата, одобрили намерение имама. Хаджи-Мурат

не высказал своего мнения. Имам, заметив это, спросил его

— «Что ты на это скажешь?»

Хаджи-Мурат ответил:

— «Ты не так стар, чтобы не мог исполнять обязанностей имама. Теперь ты сиди спокойно, приказывай своему писмоводителю писать указы, больше трудных дел у тебя нет. Ты был сын бедняка, по своим знаниям и умению занял высокий пост имама. Если ты сейчас и не передашь имамства своему сыну Гази Магоме, ему и после твоей смерти нетрудно будет добиться имамского сана. Обязанности имама сохрани ты за собой пока жив».

Выслушав возражение Хаджи-Мурата, все члены съезда единогласно подтвердили то же: имамом оставили Шамиля, и съезд был распущен.

На другой день, когда возвращались домой, на дороге между поварами произошел разговор относительно имамства при чем Хаджи-Мурат сказал:

— «Шамиль при своей жизни хотел передать имамство своему сыну, — но разве Денгау (отцу Шамиля) принадлежало право на имамство? После смерти Шамиля обязанности имама примет на себя один из храбрых, у кого будет острее шашка».

В тот день вечером они приехали в селение Анди и здесь остались ночевать. На другой день утром, когда собирались выехать домой, Дебир Инкачилов прислал своего кунака к Хаджи-Мурату сказать, что у него болит живот, и что он поэтому выедет немного позднее и нагонит их.

Хаджи-Мурат выехал из селения Анди, оставив там Инкачилова и думал, что он догонит их. Вскоре после въезда Хаджи-Мурата, Дебир Инкачилов сел верхом и поехал обратно в Дарго к Шамилю рассказать то, что говорил Хаджи-Мурат по дороге и много кое-чего прибавил от себя. Дебиру Инкачилову было нужно устранить Хаджи-Мурата и получить его место. Передав имаму все, что было нужно, Дебир Инкачилов вернулся обратно в Хунзах и отсюда посылал к имаму несколько раз людей с кляузами на Хаджи-Мурата.

В свою очередь Хаджи-Мурат, узнав, что Инкачилов вернулся обратно в Дарго и клеветал на него имаму Шамилю, уволил его от должности кадия и писмоводителя и на его место назначил баглаичинца Шихша.

После этого Инкачилов и Даниял-бек неоднократно клязничали имаму. Последний поверил им, и дал приказ уволить Хаджи-Мурата, а на его место назначил Фатали Хана.

Согласно этому приказу Хаджи-Мурат сдал свое наместничество Фатали Хану. ✓

XIX.

После такой перемены Хаджи-Мурат решил воевать с Шамилем. Он обратился к Баглаичинскому обществу с просьбой разрешить ему жить в селении Баглаиче, так как он думает воевать с имамом Шамилем. Баглаичинский джамаат дал согласие Хаджи-Мурату сейчас же переселиться в сел. Баглаич.

Это было в 1266 году хиджры.

Перед уходом из Хунзаха в сел. Баглаич, Хаджи-Мурат, выбрав самых хороших молодцов из 3-х кварталов, объявил им, что они будут жить в селении Баглаиче и спанут воевать с Шамилем, почему он приглашает их следовать за ним в Баглаич. Хунзахская молодежь в большей половине пошла за Хаджи-Муратом и спала жить в указанном селении.

Наиб Фатали Хан об этом подробно донес имаму Шамилю. По получении такого донесения последний послал приказ всем своим набам немедленно собрать войско воевать с Хаджи-Муратом. Войско было собрано и расположилось в селении Танусе.

В это время был губернатором Аргунинский, живший в Шуре.

Когда Аргунинский узнал о происходящем между Хаджи-Муратом и имамом Шамилем он сейчас же секретно послал к Хаджи-Мурату в Баглаич жившего в это время в Шуре бегенца, взводного офицера, жителя селения Гоцатль Саида Али Хаджиова (он же хлебосольный кунак Хаджи-Мурата) с письмом следующего содержания:

— «Я узнал, что между Шамилем и тобою возникла вражда, и что между вами разыгрываются враждебные военные действия. Если ты нуждаешься в помощи, я вышлю с вечера к утру на местность „Ала Арт“ столько солдат и казаков чтобы эта местность была ими наполнена».

Хаджи-Мурат на это ответил:

— «Хотя у меня лишь маленькая сила, но между нами произойдет то, что суждено Богом. Твоей помощи мне не нужно, Имам Шамиль подумает так: Хаджи-Мурат воевал раньше с русскими и гнал их от себя, а теперь, испугавшись его, пригласил к себе на помощь русских».

Прошло много дней в ожидании боя. Шамилевское войско не решалось сделать наступление на сел. Баглаич, а Хаджи-Мурат не выходил из селения, ожидая встречи в ауле. В это время собрались многие алимбы (ученые), хаджи, умные люди и старики, заключили мир и прекратили войну между враждовавшими. Шамиль навсегда потерял надежду на Хаджи-Мурата, а последний был в сильной обиде на имама.

XX.

Шамиль поехал обратно в Дарго, а Хаджи-Мурат, не желая вернуться в Хунзах, переселился в селение Цельмес, где он первоначально воевал с русскими и где имел немного пахашной земли. Взял он туда свою семью: 1) мать-85 лет, 2) жену Сану, 3) сына Абдулкадыра 7 л., 4) дочь Симисхан 9 лет, 5) дочь Баху 13 л., 6) дочь Бахтика 5 лет, 7) дочь Китлилай 3 л., 8) сына Гулла 11 лет. Абдулкадыр, Симисхан, Баху, Бахтика, Китлилай были от жены Сану, а сын Гулла был от первой жены.

С Хаджи-Муратом переселились в Сел. Цельмес жипели селения Хунзах: 1) Микки Гайдарбек, 2) Али Магома, 3) Гамзалау 4) Эльдар, 5) Хаджи Магома, 6) из селения Гонох-Замир, 7) из селения Геничупль-Будагилау и 8) Хан-Магома.

XXI.

Но все же сердце Хаджи-Мурата в Цельмесе не успокоилось и он решил поехать в сел. Гихи Грозненского округа, — на родину его жены Сану, — и жить там до тех пор, пока стихнут клязвы, возводимые на него имаму Шамилю, в надежде, что последний поймет в конце концов его ценность. В то время селение Гихи не находилось в подчинении ни русских, ни Шамиля. Гихи расположено недалеко от Грозного.

Хаджи-Мурат свое намерение держал в секрете от народа и Шамиля. С собой он брал всех вышепоименованных лиц, а семью оставлял в Цельмесе.

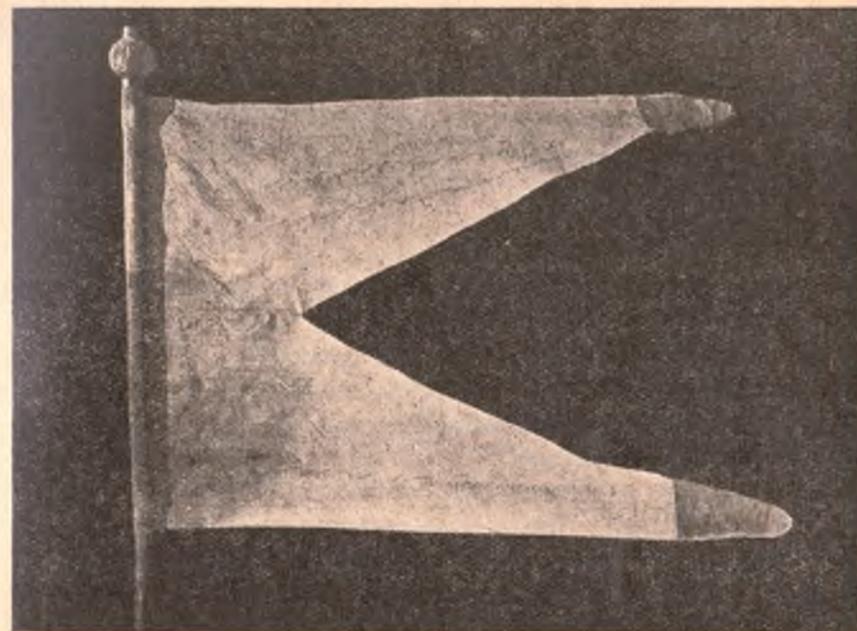
До въезда своего Хаджи-Мурат за день вперед отправил серебро, золото, одежду и прочее необходимое с товарищем Али Магомой, сделав ему наставление и рассказав по какой дороге он должен ехать, где остановиться на ночлег у кунаков. Добавил, что завтра ночью выедет и он сам.

Али Магома поехал не в селение Гихи, а прямо к наибу Фатали-Хану, передал ему все, что было у него и рассказал, что Хаджи-Мурат со своими товарищами едет в селение Гихи.

Наиб Фатали-Хан сейчас же послал в Дарго к имаму нарочного с донесением, где было сказано, что Хаджи-Мурат с 8 товарищами секретно едет в селение Гихи. Он просил имама по всем дорогам поставить караулы.

Имам Шамиль, по получении донесения, сделал экстренное распоряжение поставить по дорогам караулы, обязав их зорко следить за появлением Хаджи-Мурата.

На вторую ночь Хаджи-Мурат с товарищами выехал в селение Гихи. О том, что сделал Али Магома ему ничего не было известно. Не доезжая до селения Анди в Мунином овраге, Хаджи-Мурат встретил Оркачинского Муртазу, бывшего казначеем в сел. Дарго у имама, и ехавшего домой.

Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН

instituteofhistory.ru

ЗНАМЯ ХАДЖИ-МУРАТА

Из экспонатов Дагестанского Музея

Муршаза сообщил Хаджи-Мурату, что имам получил донос от наиба Фатали-Хана, что по всем дорогам поставлен караул для поимки его и поварищей, причем самый большой и строгий караул поставлен на местности «Харайчо-Кал» *).

К утру Хаджи-Мурат приехал в селение Анди и остановился у кунака. От него он узнал, что Али Магома не проезжал через Анди. Из этого Хаджи-Мурат убедился в измене своего поварища.

До наступления ночи весь день он с поварищами, не выходя из дома, пробыл у кунака, а ночью поехал. Минувя Харайчо-Кал по направлению к Тад-Бурни, приехал в селение «Маккаиш», где и пробыл целый день, спрятавшись у кунака. Ночью выехал, взяв с собой своего кунака для указания дороги, приказав ему поехать по тропам, а не по большой дороге. Кунак знал, что для поимки их устроена засада, но не дал Хаджи-Мурату знать об этом и хотел прямо ввести своих гостей в западню. Хаджи-Мурат по лицу кунака догадался, что тот хочет сотворить что-то плохое, а поэтому тот же убил его шашкой.

Ночь была очень темная. Дороги они не знали. После убийства кунака вернуться обратно в селение было невозможно. Насторожившись, поехали дальше по той же дороге.

Спустя некоторое время они увидели огонь, разведенный сидевшими в засаде караульщиками (их видно было при человеке). Подъехав на близкое расстояние Хаджи-Мурат приказал товарищам спрятаться в лесу, не слезая с лошадей, а сам сделал один выстрел из ружья прямо в караульщиков. Последние ответили ему залпом. Хаджи-Мурат и товарищи поскакали прямо на них и пока те еще не зарядили своих ружей проехали беспрепятственно. Хаджи-Мурат убил одного ружейною пулей. Караульные растерялись и неподвижно остались на месте.

Наездники ехали целую ночь и на следующий день безостановочно по той же дороге, по лесом. К вечеру приехали в селение Шали, остановились у кунака Хаджи-Мурата Бурщика (он же наиб Шамяля). Бурщик принял их вежливо, угостил очень хорошо.

Отдохнув немного, в эту же ночь выехали они из Шали. Бурщик дал им проводника до реки Аргун, чтобы показать им где удобная переправа.

Проехав около двух верст от селения Шали, на самой дороге они встретили сопенного командира имама Шамяля. Чиркеевского безрукого Магому. Последний, по приказу имама, ездил повсюду поставив караул для поимки Хаджи-Мурата. Выполнив возложенное на него дело, он возвращался обратно

* Ущелье Харачой

к Шамилю. Хаджи-Мурат дал ему салам и оспановил. Как своим поварищам, так и нукерам наиба он приказал уйти подальше от них. Сам он остался вдвоем с наибом и между ними произошел секретный разговор.

Хаджи-Мурат начал так:

— «На то, о чем я сегодня тебя спрошу, ты должен дать мне самые точные ответы без лжи, иначе я тебя убью».

Магома поклялся, что он не будет врать.

Хаджи-Мурат спросил его:

— «Где имам находится?»

Тот ответил, что имам находится в сел. Шаали.

Второй вопрос:

— «Ты где был?»

Магома ответил, что по приказу имама ездил по всем дорогам ставить караулы для поимки Хаджи-Мураата.

Третий вопрос:

— «Где имеется свободная дорога без караула, чтобы можно было беспрепятственно проехать?»

Магома указал ему безопасную дорогу.

Хаджи-Мурат, прощаясь с ним, предупредил Магому, чтобы он и его нукеры не смели разглашать об этой встрече, в противном же случае пока он будет жив рано или поздно он убьет его.

Хаджи-Мурат не поверил Магоме, не поехал той дорогой которая была им указана, как свободная от караула, а поехал прямо, где был поставлен караул. Оставалось небольшое расстояние до реки Аргун, когда беглецы наехали прямо на караул, который встретил их залпом. Хаджи-Мурат с товарищами поскакал по другой дороге к реке Аргун. Последний Буршиком проводник убежал после ружейных выстрелов.

Приехав на берег реки Аргун, наездники без поисков удобной переправы прямо пустились в реку и вышли на другой берег. Приблизительно около 12 часов ночи они доехали до края леса и туш под деревом нашли разведенный огонь. Хотя они не знали дороги, все же поехали дальше по направлению, где, как они думали, находится селение Гихи, которое отстояло от этого места верст на тридцать. Ехали они безостановочно до самого рассвета и оказались опять у того самого дерева, где ими был найден огонь. Они убедились в том, что ездили всю ночь напрасно.

Целый день пришлось сидеть в лесу. Ночью пронулись по направлению к Гихи. За час до рассвета они приехали на большую равнину „Кудияб Майдан“, где было скошено и частью собрано в стоги сено. Они не знали чья эта местность но все же продолжали ехать. Косари—солдаты крикнули им:

— «Кто идет?»

Товарищ Хаджи-Мураата—Замир, знавший немного по русски, ответил солдатам:

— «Казачи!».

Здесь они, не зная куда ехать и боясь попасть в худшие места, будучи очень голодными и уставшими и к тому же при утомившихся лошадях, сделали привал, пустили лошадей пастись и пробыли до утра. Утром они узнали, что находятся на сенокосе войск, стоящих в крепости Шах-Герей *) приблизительно на расстоянии одной версты от этого пункта.

Тут они потеряли всякую надежду, не зная на какой стороне и где находится сел. Гихи, не зная и дороги туда. Не желали они и боя, боясь попасть в плен солдатам.

Хаджи-Мурат долго думал, как и что сделать, наконец решил сдатьсь и отправил товарища Замира в Шах-Герей с соответствующим уведомлением к полковнику.

XXII.

Замир явился к полковнику и сказал ему, что Хаджи-Мурат приехал сдатьсь. Полковник очень обрадовался и, взяв всех солдат и музыку, поехал встречать Хаджи-Мураата, посадил его с товарищами в фаэтон и с большим почетом привез в крепость.

Жили они здесь прое суток, потом отправили их в крепость Сунж (г. Грозный). Здесь жили они десять дней, после чего, по приказу Наместника, отправили их в гор. Тифлис, где жили они по дворце Наместника 20 дней в большом почете. Однажды Наместник сказал Хаджи-Мурату:

— «Я Вас приму на службу хотите здесь, хотите в Вашем же Дагестане, выбирайте сами».

Микки Гайдарбек и Замир изъявили желание поступить на службу. Наместник их обоих отправил в Шуру в Дагестанский полк. Хаджи-Мурат и остальные его товарищи не желали поступить на службу. Как они хотели, их отправили в селение Яхсай, Терской области, в сопровождении одного офицера и девяти казаков, которым был дан приказ быть всегда и всюду с ними, зорко следить за тем, что они будут делать и куда будут ходить, не препятствовать им ни в чем, удовлетворяя все их требования и аккуратно доносить обо всем.

Хаджи-Мурату назначили суточные по одной золотой монете, а его товарищам по одному рублю.

XXIII.

Когда узнали, что Хаджи-Мурат приехал в селение Яхсай к нему прибыли беженцы от мюридов, жившие тогда на плоско-

*) Воздвиженской.

сти: жипели сел. Баплаич Хаджиов Онгосов и хунзахец Ха-
жи-Магома Дебиркади.

Истек уже год как Хаджи-Мурат, оставив все семейство, въехал из селения Целъмес и никаких сведений о своей семье не имел. Хаджи-Мурат отправил в селение Хунзах жипеля сел. Баплаич Хаджиова Онгосова, дал ему денег для передачи семье, поручив ему узнать в каком положении семья находится и как она живет. Вместе с тем он поручил разведать о положении имама и о настроении народа. Хаджиов был отправлен переодетым в нищего.

Прибыв в Хунзах, Хаджиов Онгосов не нашел там семьи Хаджи-Мураата. Он пошел в селение Целъмес, но и там не нашел. Пошел в сел. Харахи. Семья Хаджи-Мураата оказалась тут под надзором Харахинского наиба Магомед Амина. Хаджиов Онгосов передал секретно деньги по принадлежности, собрал все нужные сведения и вернулся обратно к Хаджи-Мураату.

Со дня въезда Хаджи-Мураата семья его находилась в очень плохом положении: не было ни хлеба, ни одежды, так как при уходе Хаджи-Мураата все его имущество было, по приказу имама, конфисковано и передано в байшулмал как бы от неверующего гяура.

В то время когда Хаджи-Мурат со своими товарищами жил в селении Яхсай, там начальствовал русский наиб по имени Муса Хасаев, происходивший из рода ханов. Хасаев стал опиноситься к Хаджи-Мураату враждебно за то, что последний убивал, брал в плен ханов и грабил их имущество.

Хаджи-Мурат со своими товарищами всегда ходил в мечеть совершать молитву раньше всех других молящихся. Селение Яхсай было очень большое и имело очень грязные улицы. Большинство жипелей в пятницу приезжало в мечеть верхами.

В один из дней пятницы Хаджи-Мурат с своими товарищами ранее всех приехал в главную мечеть. По приказанию Мусы Хасаева мечеть оказалась запертой на замок и у дверей стоял часовой, с целью не пускать в этот день молящихся. Хаджи-Мурат приказал караулившему снять замок и отворить двери. Караульщик ответил ему отрицательно, объяснив, что двери заперты по приказу наиба, и что есть распоряжение дверей ему не открывать. После такого ответа, Хаджи-Мурат, обнажив шашку, хотел убить караульщика, сказав:

— «Ты и Муса Хасаев что-ли воспретите мне ходить в мечеть?».

Бывшие тут люди удержали Хаджи-Мураата от убийства. Испуганный караульщик снял замок и отпер дверь.

Все, что произошло, узнал Муса. Хаджи-Мурат, помолвившись, вышел первым из мечети. Казаки с лошадьми ждали у

ворота его выхода. Хаджи-Мурат, сопровождаемый своими товарищами, направился во двор дома Мусы Хасаева.

Он крикнул:

— «Вот я, Хаджи-Мурат, которого ты не хотел пустить в мечеть. Я вот приехал к тебе во двор. Ты нужен мне, выходи ко мне».

На этот вызов вышла жена Хасаева и ответила, что Мусы нет дома, между тем товарищи Хаджи-Мураата заметили, как Муса выпрыгнул из окна на улицу и бежал с целью спрячься, чтобы его не могли найти. Все это видели и казачий офицер с казаками.

После всего этого Хаджи-Мурат всегда аккуратно ходил в эту самую мечеть мимо дома Хасаева, хотя в ауле были и другие мечети. Цель его была встретиться с Мусой и убить его. Муса Хасаев с того дня не выходил из дома из боязни Хаджи-Мураата. Не стал он даже выполнять своих служебных обязанностей, от чего стали сбиваться порядки всего наместничества.

В глазах народа он потерял уважение.

XXIV.

В виду такого положения Хаджи-Мураата вызвали в Грозный и просили его на короткое время остановиться в Грозном, если это возможно, так как из боязни перед ним Муса Хасаев не выходит из дому, и в наместничестве идут беспорядки.

Хаджи-Мурат согласился на это и со своими товарищами стал жить в Грозном.

Прошло после этого немного времени и Наместник Кавказа вызвал Хаджи-Мураата в Тифлис. Он поехал туда с пятью своими товарищами и с находившимися при нем казаками. Поехали они верхами через гору „Казбек“. Наместник дал Хаджи-Мураату и его товарищам хороший приют и все, что им нужно. Ежедневно приглашаемые на обед и ужин, жили они тут в большом почесте.

XXV.

Проживши в Тифлисе 15 дней, Хаджи-Мурат просил разрешить ему поехать посмотреть Нуху, Шемаху и Джары. Наместник, уважив его просьбу, разрешил ему ехать туда, куда он хочет.

Хаджи-Мурат перед въездом отправил двух товарищей Хаджи Магому и Будагилау обратно в горы Грозный, сказав:

— «Живите там, смотрите за нашими вещами до тех пор пока получите от меня какуюнибудь весть, я же поеду в Нуху и Шемаху познакомиться с местностями. Это для нас будет очень полезно: мы же не будем все время жить в чужой стране».

Хаджи-Мурат со своими товарищами: Гамзалау

Эльдаром и Хан Магомой верхами на лошадях поехали в Нуху. Не доезжая до Нухи на дороге скоропостижно умер Хан Магома.

XXVI.

Приехав в Нуху, Хаджи-ураш с двумя своими товарищами остановился у Нухинского хана.

Нухинский хан славился в своем округе очень богатым и гордым человеком. Ему хорошо был известен Хаджи-Мурат по народным похвалам и отзывам о его подвигах и удали. Когда он увидел в лицо самого Хаджи-Мураша, то не оказал ему особого внимания, потому что внешность его не была красива. Хаджи-Мураш почувствовал некоторое пренебрежение в разговоре хана. Ему это было как нож в горло, все же он не выдал себя ничем.

В один день он сказал хану:

— «Пойдем сегодня на Большой Майдан (равнина) прогуляться, посмотрим: не найдем ли там зверя поохотимся».

Хан, послушав Хаджи-Мураша, взял с собой восемь человек своих нукеров. При Хаджи-Мураше были два товарища. Они поехали.

Когда приехали на Майдан, Хаджи-Мурат сказал хану:

— «Ты счел меня за низкого человека, — сегодня здесь узнаешь Хаджи-Мураша. Ты — гордый хан — сейчас будешь мною убит. Защищайся как можешь».

Хан не мог ответить ни слова: у него они испуга начались судороги.

Хаджи-Мурат обнажил шашку, ударил ею и убил хана, а затем совместно с товарищами истребили семерых ханских нукеров.

Один нукер спасся бегством и поднял тревогу. Моментадно собралась большая погоня, но до ее приближения Хаджи-Мурат с товарищами бросился бежать, не зная, однако, куда. Когда погоня стала приближаться, тогда они поскакали в лес, принадлежащий обществу селения Дайгены. Преследователи окружили их и в течение трех суток непрерывно обстреливали. Те также отвечали залпами им.

Хаджи-Мурат и двое товарищей его были здесь убиты.

Спустя лишь три дня убийцы решились подойти к телам убитых: думали, что имеют дело с приговоренным, при чем при приближении к убитым гнали перед собой стадо буйволов.

На телах убитых оказалось множество ран, заткнутых лоскутками, опорванными от бешметов.

Дело это произошло в 1275 году.

Жители селения Дайгены подобрали тела павших геройской смертью храбрецов и похоронили на своем кладбище.

XXVII.

После того, как имам Шамиль уволил Хаджи-Мураша от должности наиба все мюриды обеднели, пошому что прекратились набеги и добыча. С Хаджи-Мурашем мюриды шли на бой с охотой: они не оставались голодными и холодными. С того дня, когда ушел Хаджи-Мурат набегов не было, за исключением одного, который был сделан Шамилем на Грузию. Вследствие этого народ обеднел и мюридам надоело воевать с русскими.

Находясь в осажденном Гунибе, последнем своем прибежище, Шамиль сказал:

— «Если бы я снял головы тем, которые клаязничали на Хаджи-Мураша и держал бы последнего, как товарища, около себя, — я не был бы заперт теперь на Гунибе».

История эта есть самая верная и точная. Она взята из рассказов и слов соплеменника Хаджи-Мураша, участвовавших с ним во всех боях, набегах и повсюду: Магомы Таймаса Ханоглы, Арцу Меера, Хаджи-Магомы Хедерас оглы.

Обо всем этом поведали: сын Хаджи-Мураша — Гулла и сын последнего — Казанбий.

Писал Гамзаш Ясулов.

Перевел Койсубулинец Кацарилов.

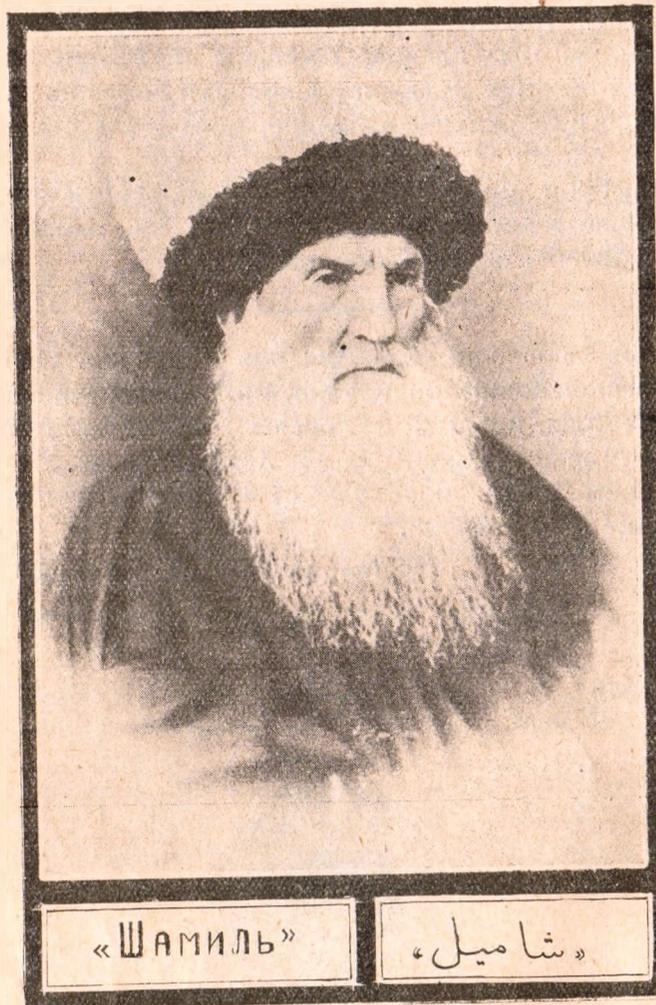

ХАДЖИ-МУРАТ.

С литографии Тимма.
Подлинник в Даг. Музее.

instituteofhistory.ru

ПОРТРЕТ ИМАМА В СТАРОСТИ

*С редкой фотографии
Подлинник в Даг. Музее.*

Исторические песни

Песня о Надир-Шахе.

Слушайте люди, расскажу Вам
хан ханов Надир-Шах пусть умрет!
Серебром украшены Каджары,
и лошади в золоте убранны у них.
Пушки на повозках выставив впереди,
пронулись Каджары завоевать свет.
Ганджинского Хана к обеду скушать порешили —
скушали к обеду Ганджинского Хана.
К обеду не стало Кизихского войска.
Все эти страны Каджары покорили,
покоренных людей взяли с собой.
Тронулись Каджары на Тифлис.
Как достигли они окрестностей Тифлиса,
пал ниц Тифлисский Хан¹.
Наложили дань на Тифлис.
Все этой земли страны покорились.
Покоренных погнали впереди себя
Направились Каджары в „Голода“².
Голодinceв если и пощадит Шах, —
убийцам Ибрагим-Хана воздаст.
Убийц Ибрагим-Хана предали огню³.
Огнем сожгли камышевые дома,
опозорили у очагов девушек.
Тронулись Каджары в „Кибуда“⁴

1. Тифлисский Хан — царь Грузии.
2. «Голода» — означает «на склоне» Это первое селение аварцев на южном склоне Кавказск. хребта. Ныне существуют развалины этого селения, служившего базой для продвижения аварцев в долину Алазани.
3. Ибрагим-Хан, брат Надир-Шаха, — персидский военный начальник, убитый Джарцами в 1151 г. Хиджры. Песня говорит об историческом факте жестокой кары, постигшей их за это со стороны Надира. Интересно, что в наши дни у Джарцев существует горделивая легенда о том, будто ими был убит сам Надир-Шах, тело которого де они сожгли, а пепел развеяли по ветру.
4. «Кибуда» — так называли в старину соседние аварцы сел. Казикумух. Кебет — по аварски означает мастер по железу, меди серебру, вообще по металлу.

испытать Кибудского Сурхая.
 Земель-сипран больших владетель безрукий Сурхай
 еще до полудня уже сдался.
 Известна на всю округу Айшан жена Сурхая—,
 соединил Шах с ее поселью посель свою.
 Разбиты шатры между Муху⁵ и Чалда⁶.
 Пошел клич по Дагестану,
 по собралась сила между Муху у Чалда.
 Только дошла эта весть до Хунзаха—
 снарядились хунзахские „Дайтилал“⁷,
 оделись в панцыри Билала,⁸
 перекинули через плечо Андийские бурки,
 взяли кремневки в чехлах из волчьего меха,
 оседлали лошадей седлами из Гиляса⁹,
 подпоясались саблями, разсекающими лошадей с человеком,
 сели на коней, опережающих на скаку дичь.
 Выступили в поход соколы Индийские¹⁰.
 Когда выступили в поход соколы Индийские,
 спустились на землю ангелы,
 окружили воинов гурии.
 Просиравая руки, моляш они:
 —„Да посчастливишься соколам Индийским!“
 В Бухты и Суграшль¹¹—зажжены огни.
 Когда сражались огненным боем—
 вдруг подоспели хунзахцы Дайти.
 Нашли они там Муртазаали¹².
 Большие столбы дыма упирались в небо.
 Саблю напоил кровью, опьянел Муртазаали
 —„Погляди, погляди, безрукий Сурхай,—
 на твои скопища, на мои войска!
 Погляди со вниманием, горный Сурхай,
 на моих копов, на твоих мышей!“..
 —„Не говори, Каджар, таких слов:
 за день возвращается солнечный мир —
 волчий нрав имеют горцы эши,

5. Муху или Мухи—название селения Гунибск, округа.

6. Чалда—название селения.

7. Дайтилал—Дайтиевы от собственного имени Дайти, известный род храбрецов Хунзаха.

8. Билал—сподвижник пророка(?).

9. Гиляс—в другом произношении Хиляс. Объясняют, что в шарину арчаки украшались кожей гиляса—некоего животного. Какого именно—выяснить не удалось.

10. Сокол Индийский—хвалебный эпитет.

11. Бухты и Суграшль—названия селений Гунибск, округа.

12. Муртазаали—сын Сурхай-Хана Кази Кумухского, бежавший с небольшим количеством верных ему людей в соседнее Андалаяльское общество.

к завтраму узнаешь каковы они“.
 В то время как они переговаривались
 раздались выстрелы Джазаил¹³—ружей,
 выстрелили также и Стамбульские.
 Лишь взвевется дымок—по два убивают,
 убитых лишь уберут—по пяти падают.
 —„Продлится жизнь твоя, безрукий Сурхай.
 Откуда подоспел пришедший опряд?
 Кто бы это был всадник на вороном коне?“
 —„Подоспевший опряд —Хунзахские Дайти,
 огнем ружей своих спалившие мир.
 Не слыхивал разве о хороших храбрецах?
 Всадник на вороном коне—мой Муртазаали,
 Да опвалялся опрезанными обе его руки“.
 —„Пусть твои опвалятся, безрукий Сурхай!
 Не грешно ли этого желать такому храбrecу!
 Дагестан и Гурджистан были бы твоими, Сурхай,
 а мне бы—взамен твои Хунзахские Дайти, Сурхай.
 Серебро мое и золото твои пусть будут, Сурхай,
 а мне бы—твоего имель Муртазаали, Сурхай“.
 —„Погляди, Каджар, на своих копов,
 погляди со вниманием на моих мышей!“
 Из уважения, верно, к храбрецам
 покинула уже посель Айшань.
 На земле „Хициб“¹⁴, не запяпанной каплей пщичьей крови,
 кровь Каджаров проделала промоины.
 —„Агиласул Хур¹⁵—место игр Ваших,—
 стреляйте молодцы из Стамбульских кремневок!
 Эбул Раал¹⁶—Ваше стрелбище для метания стрел,—
 разите молодцы саблями Египетскими!
 Кто сегодня ослабевает —да сториш в нем мужчина.
 Слабо сражающегося да восплачет жена!

Запись Суграшлинца **М. Шамхалова**
 Перевод и примечания **Б. Маллачиханова**

13. Джезаир—арабское название Месопотамии.

14. «Хициб»—название местности, принадлежащей Суграшлю.

15. Агиласул-кур—поле Агилы—название местности принадл. Суграшлю.

16. Эбул Раал—название местности, принадлежащей Суграшлю.

Песня о предводителе Кази Ашильтинском.

Песня эпоса воспевает предводителя Кази, родом из селения Ашильта в Аварии. Описываемое здесь событие относится к 1774 г.

Хайдакский уцмий Амир-Хамза, Казаницкий владелец, известный у кубанцев под именем Тишек (беззубый), Кази-Кумухский хан Магомед, табасаранцы и аварцы пошли походом на Фет-Али-Хана Кубинского, во власти которого в это время находились Дербент, Куба и Сальяны. После кровопролитного сражения на Кедушанской равнине Фет-Али-Хан потерпел поражение и бежал в Сальяны.

Кубу занял Магомед-Хан Кази-Кумухский. В упомянутом сражении были убиты Тишек и Эльдар. Последний, приходившийся племянником Хану Кази-Кумухскому, был правителем Дербента со стороны Фет-Али-Хана.

Слушайте люди! Расскажу Вам
про того, кто пил кровь из желобка копья.
Здравствуйте, не говорите! Спою про подвиг
того, кто едал куски мяса, опскачившие от сабли.
Разве не пишие крови из желобка копья—
если он,—выпив кровь Эльдара,¹ победно дрался?
Разве не еда кусков мяса, опскачивших от сабли—
если, уничтожив полу Каджаров,² прославился в народе?..
Получил письмо от Кайдахского Уцуми³
находящийся в Казанищи „Беззубый“,
чтобы, взяв с собой Кази, готовился в поход.
Вызван через посланца эпом Ашильшинец.
Одежды такие, что удивление людям,
лошади выбраны в Индире,⁴
седла выбраны в Черкесии,
в руках кремневки, испробованные в стрелбе,
опаясаны все саблями испытанными.
Три тысячи таких конных ведя с собой,
прибыл Кази в Казанищи.
—„Асалам Алейкум, город Казанищи!“
—„Во Алейкум Салам, Кази богатырь!“
Да будет благославлен твой путь,
в здравии да вернешься домой.
Добыча из Цора⁵ пусть тебе достанется,
вместе с добычей да возвратишься домой благополучно!“
Ликование устроили Казанищенцы:
—„Пришел к нам Кази, —чего нам больше?“
Взяв Саламгеря и Таймаз-Хана (?)

1. Эльдар, Эльдар-хан—правитель Дербента.
2. В оригинале Ярми-Каджар. Ярм-половина. Повидимому такой эпипет автора основан на том, что противная сторона состояла из шиитов из сунитов.
3. Уцуми—уцмий, титул Хайдакского владетеля.
4. Индир—Эндрей (аул Хв асав-Юртовском округе.)
5. Цор—аварцы так называют Закавказскую низину.
6. Исфаган—г. Персии. Исфаганец в устах автора—хвалебный термин.

Исфаганца⁶ выступили в путь.
Все живущие в небесах сказали:—„Аминь“.
Обратившись к Творцу сущего
просили небожители позволить льву⁷ испребишь Каджаров.
Мягшедший их проводит Казаницкий Кадий
вернулся, утирая рукой слезы.
—„Уверен, сказал, что не вернется:⁸
Под ними обоими стоип сияние“...
Поведя мощную рать с собой,
остановился Кази около Худата.⁹
Славно идет Кубинский Хан (да умрет он!)
с пушками на запряженных лошадью повозках,
с орудиями, навьюченными на катерах.
—„Посмотрим на тебя, осмелившегося войти в мои владения!“
Но увидев снаряжение рати Кази,
стал кричать Кубинский Хан (да помрет он!):
—„Если золотна хочешь—навьючу им катеров,
владений если хочешь—половину дам.
Иди, говориц, младший брат, на мир со мной!“
—„Твоего и моего отца мир—
то друг другу направляемые свинцовые пули!
Теперь же между нами прочный мир—
то спальные сабли, которыми будем биться.
Они—между нами посредники!“
Сказав эти слова в ответ,
как орел бросается на курочек,
ударил Кази на Казильбашей¹⁰.
Убил Эльдархана, вдохновляющего войско,
и, отрезав голову и ноги его, привязал к седлу своему.
Кубинский Хан, (да умрет он!), которого боялся Хоросан,
загнан на самый край войска. Он в смятении.
Сальяны-Баку, перевозившиеся до небес,
принуждены были просить у него пощады,
а Дербентские ворота, всему миру известные,
с боя взял и дал войску Хаджи—Мамалау¹¹.
Во времена пророков,
когда Али бросил свой Зурфукан¹² в море,
были перерезаны все живущие в нем животные,—
большое море оптого сделалось красным.

7. Имеется в виду Кази.
8. Кадий как бы предчувствует, что «беззубый» будет убит.
9. Селение, возле нынешней жел.-дор. станции того же наименования.
10. Казильбаш—так называли персиян со времени Сефевидов.
11. Хаджи-Мамалау—отчество героя.
12. Зурфукан—арабское Зюльфукар-сабля Али (зять пророка).
13. Чирахский проход—путь из Южного Дагестана в Кази Кумух.

Богатырь Кази, испребив Кизиль-башей,
изменил цвет у реки Самура:
там у Чирахского прохода¹³,
где нет воды даже для курочки,
купались в крови спальные сабли.
Текущую вниз реку Самур
сделал красной Ашилшинец...

Перевод с аварского и примечания
Б. Маллачиханова

Исторический
отдел Даг Музея

داغستان موزه نك
تاريخي شعبه سي

Сказки и анекдоты.

Сказки 1, 2, 3, 4, 5, 6 записаны Б. Бушкевичем (перевод с Аварского); анекдоты 9, 10 записаны К. Данилиной (перевод с Даргинского); сказки 7, 8, 11 переведены с Аварского. Две предпоследние — в обработке П. Вержейской.

Теймир-Хан.

Теймир-Хан любил переодеваться дервишем и странствовать по аулам, а на ночь у когонибудь заночевывать. Таким образом он мог выведавать все тайные козни против него.

Однажды, переодевшись дервишем, он вошел в дом, где жила всего лишь одна женщина и попросил у нее разрешения переночевать. Ее муж в это время куда-то уехал. Она разрешила ему и он лег.

Поздно ночью приехал муж и так как он сильно устал с дороги, то быстро уснул. Спустя некоторое время жена впустила в комнату, в которой спала с мужем, любовника.

Теймир-Хан не спал и все время следил за ними. Любовник выпалил кинжал и отрезал голову мужа. После пресупления хозяйка выпустила любовника и подняла крик на весь аул. На ее крик сбегались сельчане и она рассказала им что на их дом напали разбойники, ограбили их, убили мужа и скрылись.

Спало рассветать. Теймир-Хан распрощался с хозяйкой и, не подавая виду, что он знает о случившемся, ушел.

Вернувшись во дворец, он приказал своим воинам разделиться на два отряда и вырезать всех женщин того селения, в котором он ночевал. Резню приказал начать с дома, где произошло убийство. Одному отряду было указано резать всех женщин в домах по правую сторону, а другому — по левую.

Оба отряда немедленно приступили к делу.

Когда почти половина всех женщин была перерезана, один отряд направился к большому дому. Из этого дома вышел старик, который спал просить начальника отряда приостановить резню до тех пор, пока он съездит к хану и вернется обратно. Начальник знал, что этот старик в милости у хана и поэтому согласился. Старик хорошо знал, что раз хан задумал, то не отменил своего решения, а потому очень мало надеялся на его милость, но все же пошел к нему.

Теймир-Хан в этот день велел никого не впускать к нему. Он сидел на балконе.

Старик заметил хана и, желая к нему попасть, решил применить хитрость. Он сказал:

— „Великий человек! Я пришел выразить тебе благодарности за столь разумное решение, которое ты предпринял по отношению к нашим женщинам“.

Хану доставили удовольствие эти слова и он пригласил спарика к себе.

Войдя в дом, старик сказал:

— „Великий Повелитель! Я хотел сказать тебе несколько слов о своих женах“.

Хан, полагая, что старик будет рассказывать об изменах своих жен, сказал, радуясь:

— „Начинай!“

Спарик стал рассказывать:

— „Однажды в молодости я сильно уснул после полевых работ, пришел домой и уснул. Вдруг среди ночи меня разбудил чей-то голос. Кто-то кричал на улице. Я вспал и хотел в нижнем белье выглянуть и спросить, что и кому нужно от меня.“

Только схватился я за дверь, как жена меня остановила и сказала:

— „Ты кто зовешь ночью, если он твой друг, то приходи за помощью, если же он твой враг, то хочешь убить себя. Поэтому ты должен одеться и вооружиться, а я пойду на двор и оседлаю коня“.

Я оделся, взял свой кинжал, ружье и вышел на двор. Сел на коня и выехал из ворот на улицу.

Когда я очутился за воротами, то увидел незнакомца, сидящего верхом на лошади. Он велел мне ехать за ним. Я поехал вслед. Ехали мы долго и я был в недоумении: зачем он тащит меня с собой неизвестно куда.

Весь путь он молчал. Проехав несколько верст от аула, мы подехали к какой-то избушке, которую я видел впервые. Слезли с лошадей. Мой спутник передал мне узду своей лошади, велел держаться ее и не входить в избу до тех пор, пока он не позовет меня.

Меня это очень озадачило и я решил подойти ближе к двери, посмотреть в щель и узнать в чем дело.

Приоткрыв дверь, я увидел подземелье, в глубине коего горел костер, а вокруг спали разбойники. На стенах висели шкурбы диких козлов.

Мой незнакомец стал срезать кинжалом головы разбойников. Мне спало жутко и я отошел от двери в то время, когда он срезал голову последнему разбойнику.

Я стоял у лошадей. Незнакомец вышел, сел на коня, прикинул мне поже садиться и ехать вслед за ним. Мы пронужились в путь и вернулись обратно в аул.

Остановились у какого-то дома. Таинственный спутник опять подал мне узду и велел его подождать, а сам вошел в саклю. Я опять спал, смотря в щель, которая была в двери.

Вижу—в комнате лежит труп молодого человека. Незнакомец спал на колени перед трупом и стал говорить:

— „Дорогой мой брат! Я за тебя отмстила твоим кровникам. Я не хоронила тебя, потому что поклялась отмстить за тебя и самой умереть около твоего холодного трупа. Теперь меня не радуешь ни что и я больше не хочу жить на этом свете, а хочу соединиться с тобой.“

После этих слов незнакомец вытащил кинжал и лезвие вставил себе в грудь. Я испро вбежал в комнату и, схватив его сзади, сказал:

— „Какой ты неблагородный человек! Не поблагодарил меня и не посвятил меня в свою тайну. Сделай сначала все по долгу чести, а потом делай с собой все, что хочешь“.

После этих слов мой спутник бросил на пол кинжал и стал говорить:

— „Ты прав! Я должен тебе все рассказать“.

Он сорвал с себя папаху и передо мной предстала красавица девушка.

Она сказала:

— „Я девушка, а этот покойник—мой двоюродный брат и жених. Он был убит этой шайкой разбойников, я узнала об этом и после его смерти дала клятву отмстить им. Я все исполнила и теперь покончу с собой. Я много думала: каким образом я смогла бы им отмстить и решила, что без чужой помощи мне сделать это трудно, а поэтому я обратилась за советом к сельчанам. Мне многих рекомендовали и я вызывала их девять ночей по одному человеку, но они оказывались не мужчинами, потому что выходили в нижнем белье. А ты оказался храбрым и на мой зов вышел вооруженным. Поэтому в благодарность тебе я хочу, чтобы ты взял меня в жены“.

— „Конечно, я женился на ней,—сказал старик,—и живет она у меня до сих пор вторюю младшею женой“.

Кончив свой рассказ, старик обратился к Теймир-Хану и сказал:

— „Великий Повелитель! Скажи будет-ли справедливо, если за какую-нибудь нечестную женщину перерезать всех,—в том числе и моих,—жен?“

Хан ответил:

— „Ты — умный старик! Благодарю тебя за мысль, на которую ты меня навел. Твоим женам и ославшимся еще в живых я дарую жизнь“..

О верности жен.

Жил был мюрид с женой. Жена у него была легкого поведения. Однажды он ее выгнал и взял себе жену, которой было всего один год. Она была рабляня. Взяв ее к себе, он стал держать ее в пемнице, куда не проникал свет. Лишь в редких случаях там зажигали лампу. Так и жила она не зная ни о чем на свете. Только хлеб и вода ей были хорошо известны: на них она выросла. В таком положении достигла она четырнадцати лет.

Однажды мюрид ушел по делам и велел ей никуда не выходить. Когда он ушел, ей спршно захотелось побывать на улице. Рано утром, когда солнышко только показалось из-за гор, она вышла. Воздух ее опьянил, у нее закружилась голова, но это скоро прошло и она только вечером вернулась домой.

Поздно вечером пришел мюрид и заметил, что у жены цвет лица изменился. Однако пока он ничего не сказал и даже не заподозрил.

На следующее утро он ушел на базар. После его ухода жена опять вышла на улицу. В это время проходил юноша. Она позвала его к себе и поцеловала. Он ей о многом рассказывал, показывал орехи и яблоки, которые нес. Потом они расцеловались и расстались.

Она уже сидела дома, когда вернулся мюрид.

— „Яблока хочу!“ были ее первые слова, когда мюрид вошел к ней в пемницу.

Мюрид сразу же обо всем догадался, но ничего не сказал. Он сходил, принес яблоко и ушел на полчаса.

К ней пришел юноша и они пополам съели яблоко.

В это время постучался в дверь мюрид. Она спрякала своего возлюбленного в сундук. Войдя и найдя кожу от яблока в двух местах, мюрид спросил:

— „Почему кожа лежишь в двух местах?“

Она отвечала:

— „Я тебя так сильно люблю, что твою половину яблока съела на своем месте, а свою половину на своем“.

После этого она стала просить мюрида, чтобы он принес ей орехов. Он сходил за орехами, принес ей и опять ушел. Вернувшись поздно вечером, он нашел скорлупу от орехов в двух местах.

Он в конце концов узнал, что она имеет возлюбленного и всегда прячет его в сундук.

Однажды он сказал ей, чтобы она приготовила хлеба на три дня, так как ему необходимо сходить в город к кади.

Взяв хлеб, он вышел из дома и, пройдя две версты, сел на землю, чтобы отдохнуть.

Вдруг он видит: какая-то женщина идет с мужчиной. Недалеко от него они сели под деревом. Едва мужчина опшел от женщины в сторону, она достала волшебный платок, прянула им и из него вышел молодой человек. Она спала целованная с ним, а когда увидела, что ее муж возвращается, немедленно спрякала платок. Молодой человек исчез, она встала и пошла с мужем дальше.

Мюрид встал и, подойдя к ним, спросил их: откуда они родом и пригласил к себе в гости.

Когда они пришли к нему в дом, он велел своей жене приготовить плов. Она приготовила плов и, по приказанию мюрида, принесла его на трех тарелках.

Он сказал ей:

— „Пусть твоя возлюбленная вылезает из сундука и ест с тобой из одной тарелки“.

После мюрид обратился к жене незнакомца:

— „Достаньте свой платок и ешьте с Вашим возлюбленным из одной тарелки, а я с Вашим мужем буду есть тоже из одной тарелки“.

Все было сделано так, как велел мюрид.

После того, как плов был съеден, мюрид обратился к незнакомцу и сказал:

— „У меня была жена. Она мне изменяла. Я ее выгнал и приобрел себе жену одного года. Все время держал ее в пемнице и, несмотря на это, она все таки завела возлюбленного. Точно также и твоя жена. А потому, чтобы не мешать им, я отдаю им свой дом, а мы вместе с тобой уйдем от них.“

Мужчина согласился. Женщины теперь живут со своими возлюбленными в доме мюрида, а их прежние мужья оба спрывают по белому свету и по сие время.

Чалтык Ахмед.

Жил был на свете некий бедняк по имени Чалтык Ахмед. У него была худая лошаденка, вся покрытая ранами. Ему очень хотелось излечить ее и поэтому в течение двух недель он на ней не работал, а на ночь пускал ее в поле.

Прошли две недели, но лошадь все не поправлялась: наоборот, она еще больше похудела и у ней спало гораздо больше ран, чем прежде.

Чалтык Ахмед был спршно этим обезпокоен.

Однажды он решил всю ночь следить за лошадыю. Он думал, что ей вредит ктонибудь из его врагов.

Выгнал он лошадыю, а сам спрятался за ближайшим камнем.

Когда настала полночь, вдруг откуда-то явились звери. Их было четверо: волк, дикий кабан, медведь и лисица. Они все время играли с лошадыю, поочереды забирались ей на спину и своими когтями царапали ей кожу, отчего после и получались раны.

Чалтык Ахмед не мог долго смотреть на происходившее, выскочил из-за камня и переловил всех зверей. Звери стали умолять его, чтобы он их выпустил на свободу.

Волк за это обещал в благодарность пригнать целое стадо овец. Кабан обещался вспахать землю. Медведь—показать в лесу дерево, в котором всегда водится мед.

А лисица сказала Чалтыку Ахмеду:

— „Я худа и костлява. Если ты меня убьешь,—то никакой пользы не получишь. Отпусти меня! За это в трудную для тебя минуту я помогу тебе!“

Чалтык, недолго думая, решил отпустить ее и всех остальных зверей.

На следующий же день волк пригнал целое стадо овец, дикий кабан вспахал всю землю Ахмеда своими копытами, а через неделю пришел медведь и стал звать Чалтыка в лес за медом.

Чалтык взял с собой топор, бурдюк и, вместе с медведем, отправился в лес.

Медведь завел его в самую чащу леса, подвел к большому дереву, откуда сочился мед, и сказал:

— „Здесь я тебя задашу и съем!“.

Чалтык Ахмед сильно испугался и побледнел.

Едва медведь схватил его, как раздался голос:

— „Чалтык Ахмед, Чалтык Ахмед!“.

Он опоздался.

— „Чалтык! Скажи, где здесь находится медведь? Царь женился и ему нужна медвежья шкура. Свища сейчас же придет с царем на охоту.“

Медведь испугался и зашептал на ухо Чалтыку:

— „Ради бога, скажи, что не знаешь!“.

— „Не знаю!“—сказал Ахмед.

— „А что перед тобой?“—спрашивает лиса.

— „Скажи: чурбан!“—говорит медведь Чалтыку.

— „Чурбан!“—отвечал Ахмед.

— „А разве у чурбана бывают уши?“—спросила лиса.

— „Ради бога, скажи, что это сучья!“—говорит медведь Чалтыку.

— „Это сучья!“—отвечал Ахмед лисе.

— „Возьми топор и со всей силой бей между сучьями“,—сказала Ахмеду лиса.

— „Чалтык Ахмед! Ты возьми топор и слегка прикоснись моего лба,“—сказал медведь.

— „Ладно, ладно!“—отвечал Ахмед и, занеся топор над головой медведя, изо всей силы ударил так, что череп разлетелся на две части.

Медведь тут же погиб.

Лиса сошла с горы и пришла к Чалтыку Ахмеду. Они крепко обнялись и поцеловались друг с другом. После этого они набрали целые бурдюки меда и пошли домой.

О джебинцах и топорах.

В селении Джебэ у лезгин не было упругого дерева для сошников. Настало время пахать землю. Решили собрать сходку. Собрали. Долго решали вопрос, где взять дерева, но решить не могли. Среди лезгин был некий Размахан-Жамбия, который сообщил, что недавно, проезжая мимо одной скалы, он видел на ней дерево, которое, по его мнению, будет подходящим для них.

Все обрадовались и решили послать за деревом Размахан-Жамбия и дать ему в помощь еще шесть человек.

Каждому из них дали по топору и строго наказали не потерять топоров.

Они пошли. По дороге Размахан-Жамбия стал проверять топоры. Все выстроились в круг. Он пересчитал топоры у всех, а себя позабыл. Оказалось шесть топоров. Размахан-Жамбия перепугался и просил пересчитать другого. Тот тоже считал так же, как и Размахан-Жамбия,—забывал себя,—и выходило шесть топоров. Спали спорить между собой.

В это время проходил незнакомый лезгин и спросил: почему они ссорятся.

— „Не хватает одного топора!“—отвечали они.

— „А сколько должно быть?“—спросил он.

— „Семь!“—отвечали.

— „А всего сколько есть?“

— „Шесть топоров!“.

Незнакомец, видя, что у них семь топоров, предложил побиться об заклад: если окажется, что у них будет семь топоров, то они должны будут ему их отдать, а если меньше, то он даст им свой последний топор.

Джебинцы обрадовались и согласились.

Незнакомец велел им сложить топоры в одну кучу. Они сложили. Он их пересчитал и оказалось семь. Незнакомец взял

попоры и ушел, а джебинцы остались ни с чем, почесывая свои затылки.

Как теперь срубить дерево, когда нет поповров?

Пришли к месту. Размахан-Жамбия и говорит им:

— „Я полез на самую вершину дерева, а другой пусть лезет за мной и уцепится за меня, а третий за него и так дальше, пока мы все не уцепимся друг за друга“.

Сказано—сделано. Первым полез Размахан-Жамбия и уцепился за вершину. За ним полез другой и все по очереди, но когда уцепился и последний—дерево нагнулось и они все повисли в воздухе. Руки Размахан-Жамбия устали от тяжести и по временам он кричал:

— „Держись крепче!“.

Дерево стояло на краю скалы.

Наконец, руки Размахан-Жамбия совершенно ослабли и, крикнув последний раз:

— „Держись крепче!“

он выпустил вершину из рук...

Все джебинцы, держась друг за друга, полетели со скалы и исчезли в пропасти.

Кто лучше совет.

У одного царя была красивая дочь. У нее было много женихов. Царь решил выдать ее замуж. Ему не хотелось обидеть когонибудь из женихов, а он обидел бы когонибудь из них, если бы отдал дочь за избранного им самим. Поэтому царь решил выдать ее за того, кто придумаешь и расскажет ему при такие небывальщи, чтобы ни одна из них не была похожа на правду.

Многие думали, придумывали и рассказывали царю, но неудачно: их выдумки всегда хоть скольконибудь были похожи на правду.

Среди влюбленных в царевну был один бедный лезгин. Однажды он пришел к царю и стал рассказывать:

— „У моего отца были пчелы, которые едва вмещались в девяносто девять ульев и занимался он тем, что считал сколько пчел вылетает и сколько прилетает обратно. И вот однажды он заметил, что одна пчела не вернулась. Он затужил и рассказал об этом мне. Мы с ним посоветовались и он отправился в поиски за пчелкой. Он долго странствовал и увидел одного лезгина, который пахал землю. Подходя ближе к нему он видит, что его пчела вместе с буйволом пахит плуг. Отец мой разгневался на то, что лезгин без его разрешения запрет чужую пчелу и потребовал за это двадцать пять пу-

дов пшеницы. Кроме того лезгин отдал моему отцу пчелу и буйвола. Отец запрет пчелу и буйвола в арбу, положил в нее пшеницу и отправился к себе на родину.“

Царь выслушал его и ему эта небывальщица понравилась. Тогда лезгин стал рассказывать дальше.

— „На обратном пути от тяжести арбы пчела наперла себе шею и на ней образовался нарыв. Когда приехали домой, отец стал спрашивать у соседей: как вылечить пчелу. Один посоветовал ему набрать целый пуд скорлупы от орехов, прокипятить их в котле и этой водой помыть пчелу шею. Отец так и сделал. Спустя три дня у пчелы на шее выросло ореховое дерево. На дереве было семьсот пятьдесят ветвей и каждая ветка дала по пятидесяти пудов орехов“.

Царю и это очень понравилось и он просил продолжать. Лезгин опять начал.

— „Покойный отец мой, умирая, сказал, что за вами осталось двести пятьдесят бочек золота долга“.

Когда царь это услышал—он не знал: что делать. Если сказать: „правда“, то нужно отдать золото и поэтому он сказал: „неправда“.

Сказавши это слово, царю пришлось отдать за лезгина свою дочь.

Была сыграна свадьба и лезгин женился очень счастливо с молодой женой.

Завещание осла.

Перед смертью один богач собрал совет о том,—как поступить с деньгами и теми животными, которые он имел.

Было решено, что деньги пойдут на похороны, а животные достанутся тому, кто просидит в его могиле целые сутки. Один бедный человек согласился сесть в могилу. Согласился он потому, что только одного осла имел,—и больше ничего.

Спустя некоторое время богач умер. Его похоронили и вместе с ним сел на корточки в могилу бедняк.

Могилу закрыли камнем и засыпали землей. Оставили только маленькое отверстие для воздуха.

Через некоторое время кто-то проломил стену в могиле, где сидел бедняк. Туда вошли два святых человека и могила сразу же вся осветилась.

Святые спорили кого сначала судить: живого или мертвого. Один из них сказал:

— „Сначала будем судить живого, потому что он скоро уйдет, а мертвый никуда не денется“.

Бедняк перепугался и не знал: что ему делать.

И вот святые спали его спрашивать: что он имеет. Тот отвечал, что имеет только одного осла. Тогда его начали расспрашивать: как он его кормит, бьют-ли его, и долго спрашивали все об осле.

Потом святые ушли.

Люди разрыли могилу и вытащили полумертвого бедняка.

Когда он очнулся и ему предложили взять всех живых умершего богача, бедняк отказался и сказал:

— „У меня один осел, а меня в могиле мучили целые сутки, если же их будет много, то не будет конца этим мукам“.

После этого бедняк отпустил и своего последнего осла.

Мельник и лиса.

Акай, бедный мельник, не имел ничего, кроме мельницы. Не было у него даже жены и детей.

Как-то, под вечер, к нему прибежала лиса и попросила ее накормить. Он ее прогнал.

На следующий вечер она опять прибежала и, хотя он опять ее выгнал, продолжала прибегать каждый день... Однажды он застал ее, ночью, на мельнице и, так как она поедала муку из мешков,—жестоко избил. Он хотел ее бить до смерти, но она просила ее пожалеть и обещала, в награду за это, сделать ему большое добро.

Акай поверил лисе, хорошо ее накормил, и оставил жить у себя.

Через несколько дней лиса сказала Акаю:

— „До каких это пор ты будешь жить один? Тебе бы надо было жениться“...

— „Никто не отдаст за меня свою дочь“, ответил Акай.

— „Об этом я позабочусь“, отвечала лиса. Ты пойди поищи только мяса“.

Акай пошел в соседний аул и нашел на краю его мертвого ишака. Отрезав у ишака одну ногу, он вернулся на мельницу. Лиса положила ишачью ногу в сарай и побежала в горы созывать знакомых лис, говоря, что она хочет их угостить вкусным мясом.

Лисы пошли за нею.

Она привела их в сарай. Когда они набросились на угощение, она попихоньку вышла на двор и заперла двери засовом.

Продержав лис взаперти до утра, лиса пообещала их выпустить, но только в том случае, если они согласятся исполнять ее приказание.

Те согласились.

— „Каждая из вас должна принести мне по две монеты,—

сказала лиса,—одну—золотую, другую—серебряную“.

После этого она открыла засов. Пленницы бросились в разные стороны, но вскоре вернулись обратно. Каждая в зубах несла золото и серебро.

Лиса осталась довольна. Она отправилась во владения одного сильного хана и после пяти дней пути достигла дворца.

Она попросила у ханских слуг, чтобы дали ей мерки, которыми меряют золото. Те удивились для чего лисе нужны мерки, и повели лису к хану.

— „Зачем тебе эти мерки?“—спросил ее хан.

Лиса отвечала, что она обещала своему господину Акаю смирить его богатство.

— „Кто этот Акай и почему я ничего не слыхал о нем?“—удивился властелин.

— „Мой господин—царь справедливый и мудрый. Он не любит, чтобы много о нем говорили“...

С этими словами лиса убежала домой.

Через неделю она возвратила ханские мерки, положив на их дно по две монеты—серебряную и золотую. Звеня монетами, она поставила мерки перед сидением хана, поблагодарила, сделала вид, что хочет уйти.

Но ее остановили, сказали, что она забыла монеты.

— „Царь мой, Акай, не считает таких мелочей“, вскользнула сказала лиса. И ушла. И все поверили богатству Акая.

Меньше, чем через месяц, лиса снова пришла к сильному хану и просила его отдать свою дочь за ее господина:

— „Царь Акай уже был один раз женат,—говорила она,—но его жена вдруг умерла, не оставив детей. У царя Акая всегда много гостей, и без жены ему неудобно... И если ты, царь, хочешь—то отправляй поскорей свою дочь в царство Акая“...

Царь согласился.

Он собрал пышную свиту—нарядных всадников и зурначей—посадил на коня свою дочь, а на другого сел сам.

Лиса побежала вперед, чтобы предупредить бедного мельника. Но Акай испугался:

— „Как я их встречу, весь покрытый мукой? У меня нет подходящего платья!“

Лиса успокоила.

— „Это мое дело,—сказала она,—ты должен меня во всем слушаться“

Потом она созвала всех прежних лис и велела им насобирать много цветов—красных и желтых.

И, когда лисы принесли каждая по яркой вязанке,—лиса, увидев приближающихся всадников и невесту, начала бросать цветы в воду.

Она приказала Акаю раздеваться и броситься в реку вслед за цветами. А когда топ разделся и бросился, начала плакать на берегу.

Она кричала и звала на помощь.

Заинтересованный хан под'ехал поближе к реке и спросил, что случилось. Лиса рассказала, что ветер снес в воду Акаю со всеми подарками, что погибли ткани и золото.

— „Это ничего, что пропали подарки, лишь бы остался в живых сам Акай“.

И хан приказал своим слугам спасать утопающего.

Слуги быстро исполнили его приказание и вытащили Акаю на берег.

Хан открыл свой хуржин и, винув оппуда богатое платье, отдал Акаю. А также отдал ему одного из своих коней.

Пока все это происходило на берегу, лиса побежала вперед. Она добежала до дома волшебницы и стала громко кричать:

— „Догнуд! Выходи скорее во двор. Посмотри на дорогу — там всадники. Они едут, чтобы убить тебя“.

Когда волшебница вышла и увидела в отдалении ханскую свиту, она испугалась вооруженных людей и просила лису спасти ее.

Лиса согласилась и посоветывала старухе спрятаться в топ стог сена, что стоял во дворе.

Старуха влезла немедленно в сено, а лиса подождала его со всех четырех сторон.

Волшебница сгорела.

Лиса же опять побежала навстречу хану и, когда он спросил, откуда идет этот дым, об'яснила, что дым идет от мусора, сожженного перед дворцом.

Злая колдунья за всю свою жизнь погубила не мало людей: она убивала всех, ехавших мимо, а себе забирала одежды, коней и оружие. А потому ее дом был богато украшен и приходил на дворец.

Увидя его, удивился приехавший царь и говорил, что роскошь дома Акаю превосходит его ожидания.

Сам Акай удивился не менее царя. Он смотрел на ковры и оружие, на богатые стены, широко раскрывши глаза. Он сравнивал это богатство со своей голой мельницей и думал, что спит.

Лиса испугалась, что Акай себя выдаст. Она подошла к нему и спросила:

— „Что, хорошо мною убрано?“ — а тихонько добавила, чтобы он не зевал по сторонам.

Целую неделю пировали гости Акаю в доме колдуньи. Потом хан уехал к себе, а Акай остался вместе с женой. Из нищего мельника он превратился в богача царя.

Через несколько дней лиса, чтобы узнать отношение Акаю, пустилась на хитрость: она превратилась больной.

Она громко стонала, как будто от боли. И плакала.

Когда жана Акаю сказала ему, что лиса умирает, он отвечал на это равнодушно:

— „Ну и пускай умирает! Она нам совсем не нужна“.

Лиса, услышавши ответ, подбежала к Акаю и стала грозить, что расскажет всю правду жене.

Акай испугался. Боясь ее слов, он обещал хорошо к ней отнестись. Купил он дорогой ларец и, положив на дно его вату, устроил мягкое ложе, покрытое шелком.

Лиса спала на ложе.

До самой смерти лисы Акай за нею ухаживал.

Даже после того, как лиса умерла, ее оставили в доме в ларце. Так она там и лежит.

Лиса и змея.

Лиса — острая, с рыжим хвостом.

Змея — толстая, серебром опливающая.

Они были вместе всегда. Казалось, не могли жить одна без другой. Считались друзьями.

Но — только наружно.

В глубине души каждой хотелось известить другую на смерть. И каждая строила планы, как бы это поинкуснее сделать.

Змея придумала первая:

— „Люди отправляются в Мекку, — сказала она, — почему бы и нам не пойти туда. Хочешь, пойдешь?“

И добавила мысленно:

— „По пути нам встретятся реки, — ты погибнешь, потому что не плаваешь“.

— „Хорошо, отвечала лиса, я согласна“.

И при этом подумала:

— „Ты не выдержишь такой далекой дороги“...

Они спустились по тропам. Шли на рассветах и на закатах, и, наконец, добрались до моря. Стали на берегу и начали толковать о том, как безопаснее переплыть. А в душе злобу таили. Лукавили. После многих слов порешили, что лиса хотя и плавает плохо, все таки поплывет, а змея свернется клубком на спине у лисы.

Так и сделали.

Лиса торжествовала:

— „Я сброшу ее на середине, где глуби“...

— „Я сожму ее горло, и задущу,“ торжествовала змея.

И там, где волны были как тучи, змея вдруг обвилась,

застегнулась браслетом. Выкапились лисьи глаза. Она поняла ласку „друга“, и повернула назад. Через силу.

Вышла на берег, и говорит:

— „Я умираю... О, милая, дай посмотреть на тебя. Приблизь голову“...

Довольная змея попянулась.

А лиса изловчилась и взгрызлась зубами в голову змеи. И не выпускала эту голову, пока обессиленная змея не развилась, не вытянулась по земле.

— „Ты мне не нравишься в кольцах,— улыбнулась лиса,— в ровном виде ты больше меня привлекаешь!“.

Охота.

Пошли несколько товарищей на охоту. Нашли они в лесу берлогу медведя.

Один из них говорит:

— „Я влезу в берлогу и, когда поймаю медведя, буду дергать ногами“.

Влез в берлогу. Через некоторое время ноги его зашевелились.

Товарищи вытащили его. Он был без головы.

Среди них возник спор: была у него голова, или нет?

Спор не решил вопроса. Пошли к жене.

Спрашивают:

— „Была голова у твоего мужа?“

Она ответила, что не знает, была голова у него, или нет, но шапку она ему покупала каждый год...

Мулла рассказчик.

После обычной молитвы в мечети сельчане просили муллу рассказать им какуюнибудь сказку, а то они не знают ни одной.

Мулла ответил:

— „Если вы не знаете ни одной — не стоить вам, дуракам, рассказывать“.

В другую пятницу собрались все и опять просят муллу рассказать что-нибудь.

Мулла спросил у них: знают ли сами они что-нибудь.

Они ответили:

— „Знаем“.

— „Тогда зачем вы меня затрудняете?“

В третий раз собрались все и опять просят рассказать

сказку. На вопрос муллы, знают ли они сами, ответили:

— „Половина знает, половина нет“.

Мулла ответил:

— „Пусть половина, которая знает, расскажет тем, которые не знают“.

Кумык под ореховым деревом.

Один кумык лежал на спине под ореховым деревом, на прохладе.

На таком большом дереве он заметил растущими мелкие плоды — орехи, а, посмотрев в сторону, увидел на тонких стеблях большие кыквы.

И сказал он про себя:

— „Видно Аллах не сумел сотворить их, как следует: на таком большом дереве должны бы быть такие же большие плоды, а на маленьком стебле — маленькие“.

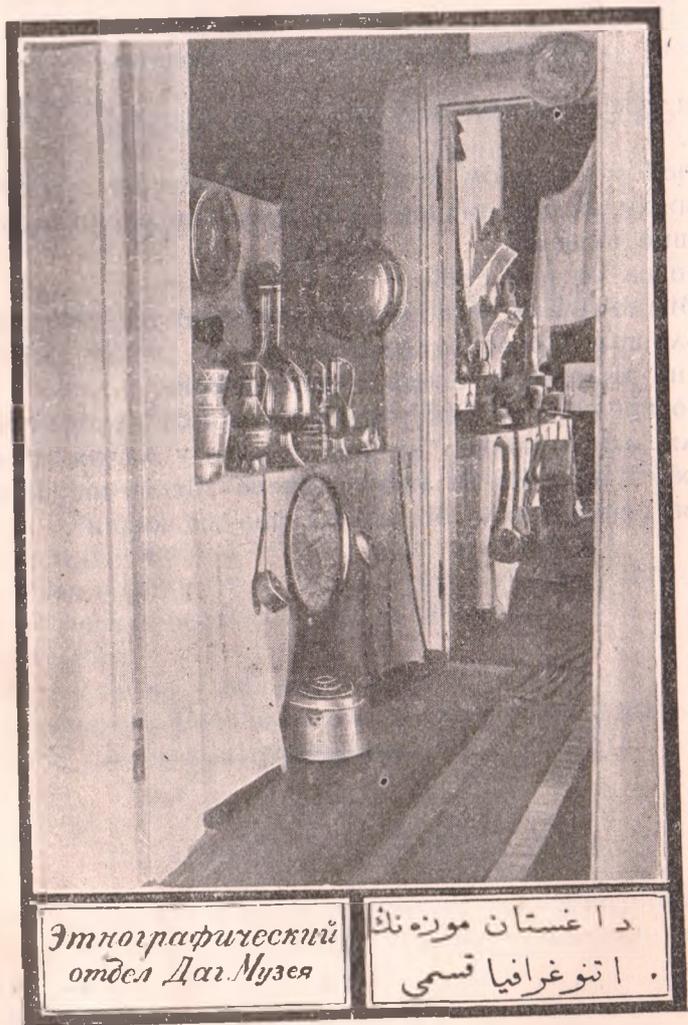
В это время с дерева упал один орех и ударил его по носу.

— „Ах, ох! — закричал кумык. — Ей Богу Аллах сумел сотворить их! Если бы на этом дереве были те кыквы, моя голова сейчас была бы расколота на части“.

Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН

instituteofhistory.ru

Этнографический
отдел Даг. Музея

داغستان موزه نك
• اتنوگرافيا تسمي

Адаты кумыков.

Источники записей.

Из-за опасения, что старые и новые адаты кумыков будут брошены ими и забудутся вовсе, и что люди, знающие эти адаты умрут, я решил прибегнуть к помощи трех старых людей, умудренных жизненным опытом, хорошо знающих как настоящие так и прошлые быт и адаты наших кумыков. Эти старики были следующие: Герей Бекмирзаев, Ачакан Ачаканов и Абдул Умаханов. Я изложил в известном порядке все, что они слышали и знали, а все, что мною об этом было записано, я им прочитал и подверг их исправлениям.

Герей Бекмирзаев из кумыкских узденей, служил в Петербурге (Ленинграде), в царском конвое. Получив там офицерский чин, он вернулся в Дагестан. В селении Эндрей он поступил на должность помощника главного пристава. В то время в Эндрее существовал народный суд, где дела рассматривались по адату. Председателем этого суда был главный пристав, а должность переводчика исполнял Г. Бекмирзаев, который руководил решением дел до конца своей службы, неуклонно придерживаясь местных адатов.

По увольнении от службы, Г. Бекмирзаев возвратился в свое родное селение Аксай и тут он, сблизившись с местными князьями и влиятельными узденями, опдался весь изучению местного быта и адатов. Таким образом, этот человек был опытным и знающим в этой области. По возвращении в Аксай, он служил на должности старшины и тут всегда судил народ по адатам.

По этой же причине я, когда писал это свое изложение, о каком бы адате ни шла речь, всегда обращался к компетенции Г. Бекмирзаева.

Ачакан Ачаканов происходил из влиятельных кумыкских узденей. Отец его, Абдул, был офицер, хорошо изучивший кумыкский язык, быт и адаты в жизни князей и узденей. К этому Абдулу обращались за советами как в личных, так и в общественных делах. В виду его большой опытности и познаний в этой области, его выбрали депутатом в народный суд, где он и состоял до конца своей жизни. Его сын, Ачакан Ачаканов, перенял от отца все эти знания и интерес к наблюдению за бытом и адатами. Он так же, как и его отец, прослыл в народе компетентным, поэтому и его народ выбрал депута-

пом в народный суд на место его умершего отца: Ачаканов, прослужив в суде семь-восемь лет, вернулся в свое родное селение Аксай. Общество, когда ему требовалось довести до властей о своих и общественных делах, всегда обращалось к Ачакану, говоря:—„Ачакан, говори, ты знаешь ведь!“ И таким образом он говорил от имени общества. И с того времени все обращались к Ачакану за советом. Я, мысля, что вместе со смертью подобных Ачакану людей, умрут и адапты, спешил записать с его слов все, что он знает об этих адаптах.

Абдул Умаханов происходил из кумыкских узденей. Он часто вращался среди князей, часто бывал в их кунацких, приглядывался и изучал их адапты и быт. Свою любознательность он распространял на взаимоотношения прочих узденей, как в их личном быту, так и в общественном. Все, что он слышал и видел, усвоив ясно, передавал он своему роду, когда тот обращался к нему за советом. По этой причине он также был послан в народный суд депутатом. По возвращении с этой службы, к нему продолжал народ обращаться, как к авторитетному в области знаний быта и адаптов. В общественных и индивидуальных спорах и разных столкновениях к его голосу и советам прислушивались и уважали его. Поэтому я записал об адаптах также и по его передаче.

Кроме этого, материалом мне служили найденные мною и взятые из различных мест и улиц судебные дела, старинные книги и рукописи, которым угрожало скорое уничтожение, потеря и порча. Если есть какие пробелы в этом моем труде, то прошу читателей меня судить не строго.

Несколько слов об истории кумыкского народа.

Под названием кумыки была издавна известна маленькая народность, жившая в селении Эндрей. Шамхал Тарковский отделил одного из своих сыновей Султанмута и отдал ему во владение земли, заключающиеся между реками Койсу и Терекон. Он прибыл в селение Эндрей и стал князем находившихся там кумыков.

Так гласит история. Так как князь этот являлся владельцем этих земель, то народ, воздавая ему почет, стал ему подвластным. Видя спокойные и мирные порядки среди эндрейцев, сюда стали стекаться с разных сторон разные люди. Население аула Эндрей значительно расширилось. Наконец, явилась необходимость построить новые аулы, каковыми явились: Аксай и Костек. Кумыки разбились и расселились по этим трем аулам. В каждом из них были посажены свои князья, из которых каждый брал со своего общества подапи. На эти подапи князья и жили. Князья, уважая своих узденей, входили с ними в молочное родство, отдавая своих детей на корм-

ление грудью их женам. Все народные дела решались по шариату.

Народ решил узаконить кроме шариата и адапты (обычаи). Для введения каждого нового адапта кумыки собирались на два кургана под названием „Центральные Курганы“. Эти курганы находились между селениями Новый Аксай, Старый Аксай и Эндрей, на берегу речки Яман-Су. Когда вводимый адапт касался улажения споров между обществами двух соседних селений, то к этим курганам выходили оба общества, во главе со своими князьями. Одно из них собиралось на одном кургане, а другое на другом. Между этими курганами собирались выделенные от обоих обществ представители. Последние стоваривались о мирном улажении спора, и результат стовора стали называть „адап“ом. Этот адап скреплялся большинством голосов узденей и, наконец, князьями. Неподчинявшихся адапту заставляли подчиняться силой.

Шариатскими делами, как например продажа-купля земли, дома, брачные дела, наследство, наказание за прелюбодеяние и т. п., должен был ведасть кади. А такие дела, как убийство, похищение девушки и вдовы или гнусное насилие над ними, поранение, воровство и пр., решались по адапту. И в последнем случае были свои наказания и меры пресечения,—как то: высылка из родины, штрафы и пр., причем адаптные судьи были в каждом селении. Если кто либо не был доволен решением адаптного судьи своего селения, то в селение Эндрей посылалось по одному кадию от каждого из трех названных селений и умные из узденей. Эти люди в том селении рассматривали, в качестве судей, дела в течение трех месяцев. Если же этот суд не мог решить дело, то на вышеозначенные „Центральные курганы“ собирались общества трех селений и там выносили в окончательной форме свое решение, которое вводилось в быт, как адапт.

У нас, у кумыков, судебные процессы бывали двух родов: направляющиеся к адаптам и направляющиеся к шариату. В прежние времена споры и процессы, относящиеся к адапту, имели три направления (отделения): торговое, земледельческое и собственно-адаптное. При судебных делах адаптного направления на суде выносилось постановление. Если находилось лицо постановлению не подчиняющееся, то его заставляли силой подчиняться. Для преступников существовал княжеский подвал, куда их сажали.

Дела, направляемые у кумыков в суды, были следующих родов: о воровстве, об убийстве, о поранении, об изнасиловании, о нападении на дом, о поджоге ночью и т. п.

В торговое отделение суда направлялись дела торговцев

и купцов, в земледельческое отделение (крестьянское отделение) дела крестьян. Дела прочих видов рассматривались по шариату. В спорах торговых членами суда являлись крестьяне. Их постановление имело законную силу.

Адамы при убийствах.

Человек, совершивший убийство, немедленно после убийства укрывался со своими родственниками, по отцовской линии, в доме своего князя. Последний, согласно адама, должен был взять их под свою защиту и покровительство. В этих случаях он, собрав своих узденей и молочных родственников (эмчек-ов), брал на себя руководство в делах укрываемого им убийцы, в целях предупреждения и предотвращения ответного кровопролития, для успокоения потерпевших, до примирения убийцы со стороной. Князь кормил весь укрываемый род убийцы до окончания своих хлопот по примирению спорных. Сюда в дом князя, а также к потерпевшим, приходили односельчане и знакомые. Они, выражая им свое соболезнование, говорили по обыкновению: „Да ниспошет Бог свой мир...“ Родственницы убийцы в доме князя держали „яс“ (обряд оплакивания убитого) и при этом, причитывая, проклинали и поносили своего родственника-убийцу. Сам же князь, выждав окончания дней „яс“ у убитого, посылал туда своего кади и двух „тамаза“ (почетных стариков) для переговоров о примирении с родственниками убийцы. Если не соглашались простить убийцу, то посланные князя предлагали выселить далеко из родного аула убийцу (адам-, канлы“) и при этом просили примириться с родственниками убийцы. Если переговоры в первый раз были безуспешны и посланные возвращались к князю ни с чем, то последний посылал их второй, и третий раз и вообще до тех пор, пока родственники убитого не соглашались на примирение. При этом последнем случае от родни убийцы собирался „алым“ т. е. мзда, преподносимая родне убитого. Алым с дыма, т. е. с родни, кушающей из одного котла, с давних времен был установлен в один баран. Позднее установился „алым“ в деньгах—в размере тринадцати рублей. В случаях, когда родственники жили отдельно, то на алым бралось с каждого брата по пяти рублей, с двоюродного брата по два рубля пятьдесят копеек, с троюродного брата один рубль пятьдесят копеек, а четверюродного брата по шестьдесят пять копеек и т. д.. Нисходя по дальнейшим родственникам, взискание доходило до мзды в двадцать пять копеек. Того родственника убийцы, который не желал принять участие в алыме, родственники убитого имели право убить. Разумеет-

ся, что алым был большой в том роде, где родственников было много, и малый, где родственников было мало. Если у убийцы род был маленький и состоял из бедных родственников, то эти родственники в алыме не участвовали.

Когда таким образом алым был готов, то родным убитого посылали сказать, что „идем с алымом“. Последние все собирались в доме убитого и держали „яс“. Родственники убийцы с почетными стариками аула, кадием и князем во главе, передав алым кадию, шли на „яс“ или „тазият“ (сидение мужчин на „ясе“). Перед отправлением туда, у родственников убитого снимали все оружие, обувь и они босые, подняв шаровары выше колен, сняв свои папахи, шли до тазията. Когда эта процессия подходила ко двору с тазиятом, то кади с алымом, оставив родственников убитого на почтительном расстоянии от тазията, вместе с князем и почетными сельчанами подходили к тазияту, и, по отдаче своего обычного салама (приветствия), совершив молитвословие (дуа), произносил проповедь о прощении и мирной жизни. После этого он подходил к старейшему в роде убитого, сидящему на тазияте, и, поднося ему алым, говорил: „Этот алым дает (такой-то) князь“. Беря алым, родственники убитого становились лицом к родственникам убийцы. Этим кончался обряд преподнесения алыма и свидания обеих сторон. После этого примирители, вместе с родственниками убийцы, возвращались к себе—по домам. Перед возвращением они произносили: „Да ниспошет Бог свой мир“. Убийца был отправляем в качестве канлы (кровника) в другие селения. Если его там находили родственники убитого и убивали, то говорилось: „кровь за кровь“ и об этом забывалось. Если они его не могли убить, то он был в канлы до тех пор, пока с ним родственники убитого не примирялись.

Родственники убийцы, после примирения с родственниками убитого, не должны были оставлять своего осторожного отношения к ним.

В случаях, когда родственник убитого убивал родственника убийцы, давшего алым, такой убийца являлся кровником—„канлы“ем князя в течение одного года со дня убийства. Если только его князь не убивал, то он не мог видеть князя и сказать ему: „доброе утро“ и „добрый вечер“ (обычные слова, произносимые при поклоне князю.) Такого канлы-кровника князь—никто не принимал и не давал ему приюта у себя. По этой причине никто не осмеливался быть канлы князя.

* * *

В тех случаях, когда по пробывши канлы пять—шесть лет в ссылке по хлопотам и посредничеству князя родствен-

ники убитого соглашались пойти на примирение, адат был такой.

Канлы, до своего примирения с родственниками убитого, не должен был ни брить, ни стричь своих волос. Перед отправлением на примирение родственники канлы, объявив о своем намерении, старались собрать к себе возможно больше народу для того, чтобы шествовать на примирение. Среди этого народа должен был находиться князь.

Все они собирались во дворе канлы или у его ближайшего родственника в такой обстановке: на дворе был разостлан ковер, на нем была положена большая пуховая подушка (назбериш). на этом назберише находились седло со всеми принадлежностями, панцырь и ружье. Тут же стоял лучший в селении конь. Несколько женщин из родни убийцы садились возле положенных на ковре вещей, проклиная и понося своего родственника-убийцу, устраивали „яс“ (оплакивание убитого), причитая и колодя себя в грудь и в голову. Около, стоя молча и мрачно, глядели на них все собравшиеся. Некопорье, слушая причитание женщин, плакали вместе с ними.

Когда сторона канлы послала стороне убитого сказать, что идут с канлы, то последняя, собрав своих друзей, близких и знакомых, отправляла туда в свою очередь сказать: „пусти идут“. Тогда вся сторона канлы шествовала в таком порядке: впереди шли кади, муллы, хаджи, старики с князем, за ними весь собравшийся посторонний народ, за ними родственники по отцовской линии, дяди по матери, племянники по сестре внуки по дочери. Сзади них сам канлы. Впереди канлы вели оседланную лошадь с накинутым на седле панцырем. На передней луке висело ружье с дулом, направленным назад. Причем прежде чем дойти до пазията убитого, канлы с родственниками, вышедшие из дому, неопоясанные и без оружия, снимали свои папахы. Тогда кади, в сопровождении князя и почетных людей, входил на пазият и, после своего салама и прочтения молитвы, произносил проповедь о прощении. Прибывшие за кадием князь и народ просили:—„Во имя бога, простите“. Если старейший из родни убитого скажет:—„Нет, не прощаю“ то все прибывшие посторонние снимали папахы, если и тогда получали отрицательный ответ, то все они становились на колени. Все то же проделывали родственники убийцы (канлы), стоя поодаль. Наконец, добивались утвердительного ответа. После этого во двор пазията вводили лошадь, а за нею канлы с родственниками. По получении лошади старейший родственник убитого дарил ее князю, а последний возвращал ее прежде всего хозяину, у которого она была взята родственниками канлы.

Потом водили канлы мимо ряда стоящих на пазияте родственников убитого и он перед каждым из них падал ниц, прося о прощении; после того, как каждый стоявший на пазияте из родственников произносил:—„живи, вставай, прощаем“,— канлы вводили к сидящим на „ясе“ женщинам. После того, как канлы там проделывал то же, что перед мужчинами, его выводили во двор и все присутствующие произносили: „до свидания, да даст бог согласие“—и, уводя с собой канлы и родственников, уходили по домам. Через три дня сторона убитого звала к себе канлы и, оказав ему все признаки уважения и ласки, объявляла его своим „как кардаш“—кровным родственником. После этого сажали его на пороге двери и, срезав ему несколько волос с головы, говорили: —„Иди, живи, сбрей волосы“.

* * *

На случай, когда убийце прощается в тот же день, когда он совершил убийство, адат такой.

Для того, чтобы пойти на примирение, собирали возможно большое количество народа, приглашали и своего князя. Пока собирался приглашенный народ, родственники во дворе убийцы приготавливались к процессии: намечались молодые люди, поддерживающие убийцу во время его плача на „ясе“. Они шли рядом с канлы и вместе с ним плакали, ударяя себя в лоб кулаками. Намечали женщин, которые будут причитать печальные напевы. После этого расстилали на дворе ковер, на нем на большой пуховой подушке клали доспехи джигита: седло со всеми принадлежностями и приборами, панцырь и ружье. К этим вещам подходили женщины и делали „яс“, проклиная и понося своего родственника-убийцу. Окружавшие их мужчины громко вторили женщинам в их плаче. Так они держали яс, пока народ собирался. Когда последний был собран, снимали оружие у канлы и у родственников. Весь собравшийся у канлы народ выступал и шел по направлению к пазияту (во двор убитого), причем впереди шли кади, хаджи, муллы и почетные люди, сзади шли молодые люди и женщины, причитая и плача, понося своего родственника-убийцу. В таком порядке они подходили ко двору с пазиятом. Туда сначала входили кади и почетные люди. Прочитав там молитву, они передавали алым. После этого молодые люди вместе с канлы, входили во двор. Плача и колодя себя кулаками по головам, они обходили двор кругом, за ними шли их женщины с открытыми головами, ударяя себя руками по лицу и по груди. Одетые в белые платья, они громко плакали, носили своего родственника и пели жалостные куплеты, сложенные об убийце. При этом канлы, подходя с своими товарищами к мужчинам-родственникам убитого, падал перед ними ниц. После этого он,

продолжая плакать громко и, ударяя себя кулаком, окруженный товарищами, входил к женщинам в комнату и там с товарищами, став на колени перед женщинами, продолжал свой плач. Пробыв таким образом у женщин с минуту, канлы с товарищами, продолжая свой громкий плач, выходил на двор. В это время прибывшие с ним его женщины сходились к середине двора, садились и продолжали свой громкий яс с „ваях“ [распеванием куплетов]. К этим женщинам выходили из комнаты женщины-родственницы убитого и, присоединившись к ним, вливались в общий „яс“ и „ваях“. К ним же присоединялась вся бывшая здесь молодежь и поддерживала „яс“ громким плачем. Через несколько минут старики посторонние уговаривали женщин убитого войти к себе в комнату, а остальных-прекратить плач, что исполнялось всеми. После некоторого времени простояния на пазияте, один из старейших со стороны убитого выходил с своего места к середине двора и, обращаясь к прибывшему народу, говорил:—„Спасибо, вернипесб“. Прибывшие уходили, говоря—„Да будет последствие благое“. Канлы со своими родственниками продолжал стоять на пазияте.

Все расходы на похороны и поминки убитого нес убийца, т. е. канлы. Эти расходы шли на гробокопателей, на доски, на саван, на поминки, при которых обыкновенно резалась скотина, на муллу и т. п. До окончания пазията, продолжавшегося с неделю, канлы со своими родственниками простоявал там. Утром с рассветом и вечером до заката солнца он с родственниками, вместе с другими выходил на обычное чтение молитвы на могилу убитого. Этот последний обряд, называвшийся „альгам“, тянулся обычно от двух недель до одного месяца после смерти. Канлы должен был выходить на этот альгам. До окончания альгама он должен был пославить на могилу убитого им хороший памятник. Кроме этого он, выказывая к родственникам убитого всяческое уважение и почтение, не стриг и не брил себе волосы, а его родственницы женщины одевали на целый год черное платье, которое не мыли в течение целого года. Иногда родственники убитого предлагали этим женщинам снять праур через месяц и через несколько месяцев. Кроме того существовал адат: родственники посылали сказать канлы, чтобы он сбрил себе волосы. Тогда он звал к себе родню убитого и устраивал им хорошее угощение, при этом сбривались его волосы. Это обозначало вхождение его в кровное родство.

* * *

В случаях, когда один человек убивал сразу двух, то дело не ограничивалось высылкой в канлы одного убийцы. Родст-

венники убитых могли выбрать кроме убийцы еще одного родственника и объявить его также канлы. Последний выселялся вместе с фактической убийцей и оба они оставались в канлы до тех пор, пока они не были прощены родственниками убитого. В тех случаях, когда убитые являлись родственниками по отцовской линии,—родственники убийцы выказывали уважение и почтение только одним определенным лицам, а в противном случае они оказывали уважение и почтение родственникам обоих убитых. В случае, когда убивали фактического убийцу, то другой (не фактический) не избавлялся от обычных повинностей канлы. Он во время примирения так же как действительные убийцы-канлы нес все повинности и выполнял обряды.

* * *

Когда два-три человека сообща убивали одного и если устанавливалось, что все они участвовали в убийстве, то, согласно адатов среди кумыков, все являлись канлы и выселялись. Все их родственники давали альым и выходили на „свидание“ и на временное условное примирение с родственниками убитого. Если последние не могли убить кого-нибудь из этих канлы в течение года, то оставался в канлы один из них по выбору родственников убитого, а остальные, бывшие канлы, возвращались в свое селение. Выбранный же канлы оставался в этом положении до тех пор, пока его не простят родственники убитого.

В случае, когда при убийстве одним лицом нескольких и все последние являлись родственниками по отцовской линии, то преподношение им полагалось, как одному раненому, но если среди них был родственник по материнской линии, то ему преподношение и почет были отдельные, как отдельному раненому.

* * *

Если во время столкновения нескольких или многих лиц убит один, то, не взирая на то, что все участвовавшие в этом столкновении и клялись в своей невиновности и непричастности к убийству, все же они не избавлялись от ответственности и кровь безнаказанно не пропадала: все эти лица, согласно адата, должны были сдать свое оружие. Тогда старший в роде убитого по отцовской линии имел право убить одного из них по своему выбору и „кровь уходила за кровь“. По этой причине в этом случае все участники обыкновенно указывали среди себя одного виновника в убийстве и его выдавали. Тогда его высылали, как канлы и его родственники, как при обыкновенном убийстве, ходили „на свидание“ с родственниками убитого и несли ему альым, а канлы, если его не могли убить, оставался до примирения.

Когда убивали: отец сына или сын отца, или старший брат младшего, или младший брат старшего, или мать или сестру—и если за кровь вступиться не было между ними близких людей, то тогда в этого убийцу весь народ стрелял из ружья с проклятьями: —„налат тубек атганлар“. „Он не человек, у него нет чести, он убил своего отца“—говорил по адресу убийцы народ и его не допускали показываться ни в каких сбирщах. „Он низкое существо“—говорили о нем в кунацких князя и его суда не пускали. Если же у него был еще брат, близкий родственник, то он должен был уйти в канлы и там оставаться до тех пор, пока его или не убьют, или не простят.

* *

Если один человек убивал другого и укрывался в чьем-нибудь доме, или в доме влиятельного узденя, у которого большой род, и родственники убитого делали вооруженное наступление на этот дом, то начальник этого рода (хозяин дома), выходя за ворота дома, говорил наступающим: „Стойте“. Когда те говорили „Уйди, мы войдем“—и хотели силой ворваться, и если в этом случае хозяин дома убивал кого-либо из неслушающих его, то тогда этому убийству покровительствовал адат: хозяин дома не являлся канлы и не оказывал роду убитого им обычного уважения и почтения.

Если в этом доме наступающим удавалось убить своего канлы или если укрывавшийся похитил дочь наступающих и те убили похитителя, то кровь уходила за кровь и между обоими родами вражды не было. Ворвавшегося за канлы в дом хозяина, у которого этот канлы искал защиты и убитого этого канлы высылали на один год в канлы, за то, что он сделал вооруженное нападение на чужой дом (святость и непосягаемость которого по адату должны чтиться). Если этого годичного канлы в течение года не убьет домохозяин, то, если он из княжеского рода—по возвращении ему не оказывали подобающей князю чести—как „доброе утро“, „добрый вечер“, а если же он уздень, то говорили по его адресу: „он низкое существо“, „он не человек“, и его не допускали ни в какие общественные сбирща (или вообще в какие-либо сбирща).

Если один человек убьет другого, а у убитого есть отец, братья, маленькие дети, бедная семья, то если родственники убитого его простят, но семью они не берут на содержание, то убийца должен был взять на свое содержание всех оставшихся детей до их совершеннолетия.

После же совершеннолетия дочерей он выдавал замуж, а сыновей женил. Таким образом, убийца отца бедных детей освобождался от взыскания.

Если князь убивал какого-нибудь узденя, то он сам не выходил в канлы, а в качестве такового отправлял одного из своих узденей, равного убийце, который оставался в канлы в течение одного года. Если этого подложного канлы родственники убитого не могли убить в течение этого года, то потом возвращался домой. Хотя князь убивал узденя, но уздень не мог его убивать. В случае, если уздень убивал нечаянно или даже нечаянно ранил князя, то он не мог нигде найти себе защиты: в какой бы дом, в какое бы селение он ни заходил, его не принимали. Принять его под свое покровительство могли лишь один Шамхал Тарковский. Если только уздень, убивший или ранивший князя, осмеливался на авось идти под покровительство Шамхала Тарковского, то последний его или убивал, или, прибыв на место убийства, заставлял с ним мириться род убитого князя. Все это зависело от того, как Шамхал найдет убийцу: виновным или невиновным.

В случаях, когда убивал князь князя, то примирение могло состояться лишь при высоком посредничестве Шамхала.

Если один род сталкивался с другим родом, при чем были убиты в одном из них; если род, где были убитые, был сильным, а убивший—слабым (имел мало членов)—то, когда этот сильный род, где были убитые, наступал с оружием на слабый род, с намерением перебить в этом роде всех, вплоть до грудных детей—в этом случае на сторону слабого рода становился весь народ и не допускал сильный род.

Каждый год один раз народ собирался и давал клятву не быть на стороне неправого и выносить постановление—выгнать из селения всех тех, кто будет творить беззакония, преступления и несправедливости.

В 1218 году князя Эльдар-Улу убили в споре из-за земли князей Уцуму-Улу. После того это место стали называть „побоище князей“ (бийлер гырылган). Князя Эльдар-Улу, перебив князей Уцуму-Улу, пришли в селение Аксай с намерением перебить и их детей, но народ не допустил до этого и прогнал князей Эльдар-Улу из селения. Князь Эльдар-Улу Арслан Акболат был в канлы и его народ не пускал прийти в селение до примирения.

Наконец, прибыл сам Шамхал Тарковский, примирил кровников и князя Эльдар-Улу водворили обратно в селение Аксай.

* *

Если один человек убивал другого, то первый выходил в канлы. Если канлы умирал от болезни или же его убивали, то на место убитого канлы выходил потом из его родственников,

к которому переходило по наследству убитого канлы. И он оставался таким до тех пор, пока с ним не примирялись. Когда с ним примирялись, то он водил на пазияп лошадей и кланялся земно родственникам убитого.

* * *

В том случае, когда во время столкновения двух родов был убит один человек из какогонибудь рода, а в другом были раненые или искалеченные, то расходы на лечение нес этот другой род: „смерть ничем не окупится“ — говорили в народе. Если убитый в этом случае является „канлы“ убившего рода, то все, что им следует, требовали через суд, а за раны и искалечение брали по адату.

* * *

В случае, если у убитого и убившего были свои кровные родственники, то родственники убитого могли убивать кровных родственников убившего, что могли сделать и кровные родственники убитого. Кровные родственники считались наравне с обыкновенными родственниками по отцовской линии: они могли убивать и нового канлы.

* * *

Когда убивал канлы—родственник убитого по материнской линии, то последний не пользовался такими адатными привилегиями, как родственник по отцовской линии: его могли в этом случае считать за канлы.

В таком случае нужно было иметь в наличии соглашение обеих сторон по поводу того, как считать этого родственника по материнской линии.

* * *

В случае убийства женщиной кого либо, родственники убитого имели право выбора канлы: если захотят, считали канлы убившую женщину, или ее мужа, или ее отца или же, наконец, ее брата.

* * *

В случае убийства княжеским рабом кого либо, в канлы выходил сам князь: раба в канлы не принимали.

* * *

Если ктонибудь убил одного из двух поварищей, то оставшийся в живых мог убить канлы, т.е. убийцу. При убийстве поварища, другой поварищ, согласно кумыкского адата, являлся убитому как бы родственником по отцовской линии или кровным родственником. Если же в том случае, когда поварищ убивал убийцу своего поварища, родственники убитого говорили: „поварищ нашего родственника не является нам родственником по отцовской линии, поэтому пусть род убитого дает

нам канлы“, то эти возражения, согласно адата, считались неуважительными и требование отвергалось: поварища считали за родственника по отцовской линии; убийство считалось кровью за кровью и предавалось забвению. Но этот оставшийся в живых поварищ убийцу своего поварища мог убить лишь сейчас же после совершения убийства, а если же он убивал его после поисков, спустя некоторое время, то он выходил в канлы.

* * *

По основании Хасав-Юрта народный суд кумыков был перенесен туда. После этого, в случаях убийства и признания судом убийцы, виновным, местные власти убийцу отправляли в Сибирь. Кумыки при этом установили внесение в качестве алтыма тридцати рублей, а когда канлы, после возвращения с канлы, примирялся с родственниками убитого им, то он, помимо преподношения лошади и земного поклона для почета, должен был поднести еще сто рублей.

А д а т ы п р и р а н е н и я х.

Если ктонибудь ранил когонибудь и последний падал по получении ран на месте поранения, сам же убийца укрывался под защитой князя, то народ вместе с родственниками раненого по отцовской линии относит его домой. Там родственники, пригласив лекаря, нанимали его лечить раненого. Если рана обещала быть излеченной, то через пять-шесть дней после ранения сторона раненого через посланных в лице муллы и двух „тамаза“ (почетных стариков) вступала в переговоры о „маслаате“ (о мире). В случае согласия мириться, по совету с тамазами приготавливали все то, что необходимо нести к раненому.

Нести же нужно было следующие вещи: один „сабу“ (1½ пуда) муки, одного барана, один „пенгелек“ меду (около ведра), один пенгелек масла, для перевязки раненого белого полотна и мыло. Все эти вещи укладывали на арбу и, сняв оружие у поранившего и его родственников, посылали сказать: „мы идем“. Потом отправлялись в таком порядке: спереди „тамазы“, позади поранивший с родственниками, а в хвосте арба с вышеперечисленными вещами. Родственники пораненого, извещенные о том, что ведут поранившего, ожидали собравшихся на балконе дома раненого.

Народ, шедший на маслаат, войдя во двор с поранившим и его родственниками, останавливался перед ожидавшими их родственниками раненого. Бывшие впереди прибывших тамазы с кади давали салам (приветствие) и говорили: „Да даст бог свой мир“. Кади, сказав маленькую проповедь, говорил, об-

ращаясь к старшему в роде раненого: „Мы пришли просить тебя, чтобы ты простил этого виновника“, при этом указывал на поранившего. Когда этот старший в роде говорил „прощаем“, то кади и тамазы заставляли подать руки поранившему и вводили последнего в дом к раненому. После подачи руки раненого поранившему, тамазы, оставив в этом доме поранившего и родственников, уходили, сказав: „Да даст вам бог согласие“. После всего этого поранивший нес все расходы по лечению раненого: платил лекарю „аяк-ял“ (за визит), платил особо за лечение и ухаживал за раненым до полного излечения. По излечении поранивший приглашал к себе раненого им. Последний приходил со своими друзьями-приятелями и, угостившись и повеселившись в доме поранившего его, уходил обратно к себе домой.

* * *

В том случае, когда два-три человека ранили одного, все сразу уходило и укрывалось под защитой у князя или влиятельного узденя, у которого много родственников. И каждый из них посылал людей к раненому, с просьбой простить его. Если они получали ответ, что прощают, то каждый из них давал по барану, по тенгелек меду и масла, на перевязку белого полотна и мыла. При масле каждый из них оказывал отдельный почет и ухаживал за раненым до полного излечения, а стоимость за лечение раны они распределяли поровну между собою и платили лекарю. В таком же порядке они платили ему и аяк-ял. По выздоровлении раненого каждый из них звал его, по очереди, к себе и угощал.

* * *

Если кто ранил кого, то ранивший при свидании давал раненому масло, мед, белое полотно для перевязки или за все это пятнадцать рублей и кроме этого он должен был заплатить лекарю за лечение раны. В случаях искалечения, он нес повинности по старому адапу.

* * *

Если какоенибудь лицо, поранив когонибудь, или изнасиловав девушку, похитил ее и оставил ее в чемлибо доме и решил там обороняться и если после этого родственники, наступая на этот дом, убивали одного из обороняющихся или вводили назад девушку, то во время примирения и свидания эти родственники должны были уплатить сто (100) рублей для удовлетворения хозяину дома за то, что они ворвались к нему. Так постановили кумыки. Эти сто рублей платили в том случае, когда наступающие родственники не убили или не ранили никого.

В том случае, когда один человек ранил двух—трех и с родственниками заперся под защиту в чейлибо дом, то народ водворял раненых по своим домам и, приведя к ним лекаря, перевязывал им раны. Если раны были не смертельны, то ранивший с родственниками посылал к раненым людей для масла. В том случае, если раненые были согласны на масло, то, оказав каждому внимание и почет, согласно адапу, виновный нес расходы по лечению ран, а после выздоровления их звал каждого из них к себе и угощал.

* * *

Когда несколько человек ранили одно лицо и оно от этих ран умирало, причем бывало дознано от чьей (из этих нескольких поранивших) раны оно умерло, то уличенного выдвигали как канлы, а остальные поранившие являлись „иерчен канлы“ (последователями) и этих последних высылали на один год. По истечении этого года иерчен канлы возвращались к себе.

* * *

В случае, когда ктолибо ранил, вломившись в чейлибо дом, двух-трех членов этого дома, то преподношение и почет были как единому лицу.

* * *

При ранении коголибо ранивший имел право нанимать такого лекаря, который ему был желателен, причем он должен был заплатить ему деньги, а при близких отношениях с лекарем мог и не платить.

* * *

В тех случаях, когда два человека подрались и оба поранили друг друга, их уносили по домам, причем раненый более тяжело не пользовался никакими особыми привилегиями, но, согласно адапу, расходы по лечению его ран нес другой раненый. Когда же, вследствие ухудшения состояния раны, последний умирал, то оставшегося в живых раненого поднимали на руках вместе с его постелью и уносили в дом одного из князей. Его же родственники запирались во дворе одного из своих родственников, но в таком положении оставались до выздоровления своего раненого родственника. Когда последний выздоравливал, то, если с ним не примирялись, выходил в канлы. Его родственники выходили на свидание, отдавая алым. После смерти одного из раненых лечение оставшегося в живых раненого переходило на него самого. Если последний в результате остался калекой, то за это с другого раненого и умершего от ран ничего не брали.

* * *

Если раненый кемлибо умирал от полученных ран, а нанесший раны был неизвестен, но родственники убитого подоз-

ревали кого либо в поранении, то в эгих случаях существовал адат налагать на подозреваемого „тусеу“, привлекая его к суду. Тусеу обозначало следующий обычай: человек, который подозревает другого в каком либо преступлении, подавал на него в суд и там указывал определенных лиц, которые, вызванные судом, как особые свидетели, могут поклясться в виновности или невинности заподозренного. Причем, согласно адата, на одного подозреваемого налагали тусеу—из двенадцати человек, на двух человек подозреваемых—по шести человек тусеу на каждого, при трех подозреваемых налагали по четыре человека на каждого. Но не всякий мог быть вызванным в суд в качестве „тусеу“. Причины, лишаящие какое нибудь лицо быть в суде тусеу, были следующие: 1) если указываемый в качестве тусеу имел вражду к родственнику убитого, который подал в суд, как заподозревший, 2) если то лицо, т. е. тусеу, однажды дало ложную клятву, 3) если тусеу женился на своей разведенной жене, до выхода ее замуж за другого, что проповно шариату, 4) если тусеу являлся убитому родственником по отцовской линии. Когда, таким образом, набиралось положенное по адату количество тусеу (юридически способных выступить на суде), то все тусеу в полном составе не могли освободиться от обязанности поклясться в одном из двух: или что подозреваемое лицо (такое-то) виновно, или что невинно. Если один из тусеу поклянется, что то лицо виновно (т. е. что это лицо убило или ранило), то подозреваемое лицо высылалось в канлы (если его родственники умершего от ран не могли убить) и он оставался в канлы до тех пор, пока с ним не примирялись родственники покойного.

* * *

В случае, если кто либо умер от полученной раны и спорона убитого соглашается пойти на примирение за денежную мзду, то расценивали убитого по частям тела и в результате такой расценки получалась денежная сумма в 800 (восемьсот) рублей.

Если раненый остался жив, но искалечился, то, по оценке раны врачами, назначалась плата за искалеченные члены: за удаление руки (или если эта рука была искалечена до такой степени, что становилась негодна к работе) брали сто рублей, если на половину искалечена,—по пятьдесят рублей, если на три четверти—семьдесят пять рублей, а если на одну четверть—двадцать пять рублей.

В случае, когда раненая рука бывала вылечена, но удалены пальцы или они искалечены, то за мезинец брали десять рублей, за безымянный палец—двадцать рублей, за средний—тридцать рублей, за указательный—сорок рублей. Когда четыре пальца оставались, а был искалечен или удален один

большой палец, то за это брали плату пятьдесят рублей и, наконец, когда четыре пальца были удалены или искалечены, а оставался один большой палец—брали также пятьдесят рублей.

За ногу плату брали не по пальцам, а по верхним частям этой ноги: если вся нога целиком искалечена, то брали за это сто рублей; если лекаря найдут, что она искалечена наполовину, то брали пятьдесят рублей; если на три четверти—семьдесят пять рублей; на одну четверть—двадцать пять рублей. Глаз, нос и нога шли наравне с рукой, но ухо оценивалось иначе: если удалено одно ухо—брали плату тридцать рублей, если половина уха—пятнадцать рублей. Когда были вышиблены зубы—за каждый зуб брали по пяти рублей. Вся вышеприведенная плата взималась особо, после несения расходов за лечение ран.

* * *

Если кто нибудь был ранен между несколькими людьми и эти последние не признавали себя виновными, то суд требовал представить тусеу. Если рана была опасна и, повидимому, пострадавший мог умереть до выяснения виновного, то адат считал того канлы, кого из них этот умирающий укажет. Если в этом случае между привлекаемыми к ответственности было сваливание вины с себя на другого, то всех их привлекали к суду с тусеу и за кем осталось по клятве тусеу, того высылали в канлы.

* * *

Если кого либо укусила чья либо собака или лягнула лошадь или боднул бык и причинил ранение, то хозяин должен был нести расходы по лечению раненого. Если раненый умирал, то хозяин также нес все расходы, положенные при смерти. Но если же эта его скопина (т. е. лошадь, собака или бык) причиняла такое зло в третий раз, то хозяина высылали в канлы на шесть месяцев за то, что он держит животное, причиняющее зло. Когда же его родственники шли на „свидание“, то подносили, как обычно, лошадь, но не кланялись перед родственниками убитого на пазияте.

Адамы при похищении девушек.

Если похищенную девушку приводили похитители к князю или к узденю, то не принять их считалось позором. Если в то время, когда девушка была введена в дом князя или узденя, наступающие на этот дом родственники похищенной, не взирая на недопущение охранителей девушки и предложение хозяина дома—не входить во двор—вошли и хозяин дома дозволил увести обратно девушку, не убив никого из этих родственников похищенной, или не был сам убит, то, если хозяин

дома был князь—ему не оказывали княжеский почет, если же был уздень, то его не допускали ни в какие общественные дела и сборища. Если родственники похищенной, не взирая на пребывание хозяина—не входясь во двор—вошли и хозяин кого-нибудь из них убивал, то он не выходил в канлы и почета не оказывал стороне убитого. Когда по требованию хозяина наступающие на двор оспанавливались, то в комнату с похищенной девушкой входили двое—прое тамазы и расспрашивали девушку. Если девушка заявляла, что ее привели насильно, то ее выдавали обратно родным, если же девушка заявляла, что она сама добровольно пошла, то ее не выдавали и прибывшие за ней родственники возвращались назад. Но если и после этого последнего ответа девушки родные ее, уличив удобной случай, вломившись в дом, где укрывалась девушка, уводили ее домой, то ворвавшись родных высылали в канлы на шесть месяцев. Если в течение этих шести месяцев домохозяин убивал такого канлы—нападателя, то ему воздавали за это особый почет, а убитому никаких почетов он не оказывал и кровь предавалась забвению. Если же родственники, уведшие обратно девушку, побоявшись выйти в канлы, просили прощения их и отправляли дочь домохозяину, откуда ее увели, то это не считалось постыдным делом.

* * *

Когда пять—шесть человек, вломившись в чей либо дом, побив их жен, похищали их дочь, или подкараулив на улице, побив проходящих женщин, похищали девушку, бывшую среди них, и при этом, продержав девушку в неизвестном месте в течение пяти—шести дней, давали знать об этом ее родным и когда посланным родными девушка заявляла, что она была уведена против ее желания, то, если эти родные не прощали похитителя, он выходил в канлы на один год. Если похититель не был убит в течение года и, вернувшись, добивался прощения и маслаат, то шли к родным похищенной девушки в следующем порядке: впереди несколько тамазы и кады, позади безоружные похититель, его помощники и родственники похитителя по отцовской линии. Войдя во двор, все эти люди, за исключением тамазы и кады, снимали шапки. Кады после салама читал нотацию, после чего говорил: „Простите этих виновных“. После этого, как родственники скажут—„прощаем“,—кады давал родным похищенной, взяв от родных похитителя, половину обычного калыма (за лишение невинности девушки), после чего пропускал вперед стоявших позади похитителей. Те представляли пред родными девушки без шапок и со склоненными вниз головами. Родные говорили:—„прощаем, на-

деньте папыхи“. Похититель с помощниками надевали шапки. После этого все прибывшие вместе с похитителями уходили от родных похищенной.

* * *

В случаях, когда сама девушка убегала к любимому мужчине, а последний приводил ее к князю (для того, чтобы оставить под его защитой) или же к какому-нибудь узденю; когда на вопрос посланных от своих родных людей девушка отвечала „сама полюбила и пошла“ и когда родные ее через несколько дней, уличив удобную минуту, врываются в дом, где находилась девушка, и избив или поранив бывших при ней женщин, уводили силой девушку обратно, не взирая на то, что она говорила, что не хочет вернуться и дома заставляли ее под угрозами—что убьют—сказать „меня утащили силой, хотя я не хотела выйти замуж (за такого-то)“, то, в случае выяснения (самой девушкой) лишения ее девственности, похититель платил айлык (за бесчестье) половину стоимости кебина.

Если это не будет выяснено, то похититель ничего не платил, почета не оказывал и за девушкой светов не посылал. Но сами ее родные за врывание в чужой дом и поранение высылались на один год в канлы. Если в течение года их не убивал хозяин дома, то они возвращались, просили у него через посланных маслаат, платили все расходы по лечению ран и при примирении водили хозяину лошадей и оказывали ему почет.

* * *

Если какой-нибудь мужчина похищал девушку, которая ему до этого не говорила: „—Я тебя люблю, похити меня, я от тебя не уйду“ и оставив девушку под охраной кого-либо, спал бы без всякого уважения к родным входясь и срамит их, и если после этого девушка давала свое согласие и похититель приводил ее к кому-нибудь в дом, а домохозяин давал знать родным девушки, и на вопрос последних через посланных девушка отвечала:—„полюбила, пошла, не вернусь“, то похитителя, если только родные девушки не прощали при его просьбе о маслаате, высылали на один год в канлы. В этом случае его высылали за оскорбление родных девушки при ее похищении. Если этого канлы родственники девушки в течение этого года нашли и убили, то они не просили о маслаате родных убитого канлы и почета не оказывали. Если же они не могли убить, то канлы возвращался и жил с похищенной девушкой, а при примирении, т. е. маслаате, он вместе с товарищами, помогавшими ему похищать, снимали перед родственниками жены папыхи и оказывали им должный почет и уважение.

Если какой-нибудь мужчина похищал чужую невесту, то

он должен был выполнять по отношению к жениху все обряды и повинности, положенные при убийстве.

* * *

В том случае, когда при обоюдной любви между девушкой и молодым человеком на сделанное предложение последнего родители отвечали отказом и девушка сама шла за любимым человеком, то он передавал ее под защиту князя. Последний извещал родных девушки о том, что их дочь находится у него. Тогда, если девушка на вопрос посланных от родных отвечала: — „Сама пошла по любви“, — то родные говорили: — „Чтобы бог тебя вовсе взял от нас“ — и оставляли ее в покое. После этого, когда со стороны молодого человека отправляли сватов к родным девушки и говорили: — „Просим простить нас, благословите дочь на кевин“, — родители возвращали сватов, передав через них: — „Больше не упоминайте при нас имени ее: она умерла для нас“. В этом случае молодой человек некоторое время ходил в селении стороной родных девушки, и устроив маленький неофициальный той, женился на ней и жил.

Адамы при изнасиловании и прелюбодеянии.

Если молодой человек изнасиловал девушку или ее похитил, то безразлично: осталась ли она у него или нет он должен уплатить родственникам ее пятьдесят рублей. Так ввели в адаты кумыки.

* * *

В случае, когда какое-либо лицо совершало гнусное насилие над женщиной или девушкой и родственник этой женщины убивал насильника, прежде чем он успеет добиться маслаата и свидания с родными изнасилованной, то этого родственника выслали в канлы на шесть месяцев. По возвращении оттуда, он водил лошадей, кланялся земно на пазияте и оказывал почет родственникам убитого. Такого убийцу, согласно адату, не имели права высласть в канлы: больше чем на шесть месяцев.

* * *

В том случае, когда мужчина изнасиловал вдову или девушку и, уйдя под защиту в княжеский дом, оттуда послал родственников или родителей этой девушки кади или муллу с просьбой выдать ее за него и если последние изъявляли согласие, то девушку обручали с ним. Если же они не изъявляли согласия, то он водил к ним неоседланную лошадь, оказывал им должный почет, но не кланялся им, если только он не был рабского происхождения. Если же он был из рабского рода, то

он еще кроме того кланялся земно перед родственниками этой девушки.

* * *

Если какойнибудь мужчина изнасиловал чужую жену, то он должен был выполнять по отношению к обиженному все обряды, как канлы при чем водил мужу, его отцу, старшему и младшему брату по одной неоседланной лошади.

* * *

Если в случае изнасилования чужей либо жены или невесты, убит мужем или женихом изнасиловавший прежде маслаата, то этого мужа или жениха в канлы не выслали. Но при свидании на пазияте, он, согласно адата, кланялся земно перед родственниками убитого. В этом случае адат находил, что смерть слишком сильное наказание.

* * *

В том случае, когда девушка, забеременев, ушла к какомунибудь молодому человеку и тот отказался ее принять, говоря, что не от него она забеременела, то этого молодого человека родственники привлекали к суду, а суд предлагал представить шесть тусеу. В числе этих последних не могло быть лицо, состоящее в родстве с девушкой или же имеющее враждебное отношение к молодому человеку. Не могло быть также лицо, давшее однажды ложную клятву, и человек женившийся вторично на своей разведенной жене до тех пор, пока она после развода с ним не выйдет за другого замуж и с ним не разведется. Неимеющие за собою таких проступков имели право выступать в суде в качестве тусеу и они здесь должны были поклясться в одном из двух: или виновен в беременности девушки, или не виновен. Если из шести тусеу хотя бы один поклянется, что он убежден в виновности молодого человека, то он должен был жениться на девушке, а если он при этом, совершив кевин, не пойдя к ней, давал ей развод, то он выдавал ей половину кевина и отпускал от себя. После рождения ребенка он должен был взять последнего на свое содержание, как признанный судом отец. Если же все тусеу поклялись в невинности молодого человека, то он освобождался от обязанности жениться на пришедшей к нему девушке. После этого, если эта девушка указала другого мужчину, как действительного отца ее unborn ребенка, то ей не верили, а передавали ее дело на усмотрение кади, который поступал с ней по шариапу.

* * *

В том случае, когда какойнибудь мужчина заставлял свою жену с другим мужчиной во время их совокупления, то если только он их не убивал тут же на месте, его считал народ

опозоренным и в свои сборища не допускал. Но если же он их убивал, то его народ прославлял и хвалил, а убитых отдавал родственникам, выражая им свое высшее презрение:— „Хороните их сами“. Но если при этом случае муж убивал только мужчину, а жену оставлял, то он должен был вийпи в канлы, так как тогда родственники убитого говорили:— „Он убил по другой причине, иначе почему он не убил свою жену, совершавшую прелюбодеяние с нашим родственником. Значит она не виновата, а следовательно и он не виноват“. Если во время убийства мужчины мужем жена успевала убежать и он, найдя ее, не убивал, то должен был всетаки вийпи в канлы.

* * *

Если какойнибудь молодой человек похищал чужую невесту или изнасиловал и девушка не пожелала остаться у похитителя и возвращалась, а жених ее после этого не брал за себя и она оставалась в доме родных, то родные возвращали жениху все вещи, которые он дал при обручении невесте. Похититель же устраивал обряд свидания и платил жениху для почта пятьдесят рублей, а если был доказан факт изнасилования, то за осрамление давал невесте также пятьдесят рублей.

* * *

Если ктонибудь похищал чужую жену или входил с нею в связь, что обнаруживалось, то виновник должен был уплатить мужу кебинные деньги в размере ста рублей и для почта пятьдесят рублей,—итого сто пятьдесят рублей, по уплате которых виновный освобождался от дальнейшего преследования. Так поступало кумыкское общество.

* * *

В том случае, когда родные или родственники девушки, ушедшей к любимому, давали свое согласие на брак, то любимый платил родным девушки для почта 30 рублей (шридацатъ). Если же родные не давали согласия, то кади сам решал и заключал кебин (бракосочетание). Если этот любимый молодой человек, после женинбы на девушке по разрешению кади, захочет оказывать уважение и почет родным ее—то некоторое время должен ходить споронясь их.

Адашы, относящиеся к воровству.

В случаях, когда три-четыре человека, свалив перекладыны на стойках у прохода в чей либо двор, уводили чужой скот или лошадей, или увели их в то время, когда хозяин пас их в поле или же когда они сами паслись без наблюдения,—хозяин искал их по следам, по расспросам и, не найдя их этим путем,

распускал слух, что всякому, кто приведет его лошадей или скот, или укажет воров, даст столько то денег. Тогда находился „айгак“ (знающий воров) и если он боялся открыто заявить, то секретно заявлял хозяину, что он знает воров. Когда же айгак себя обнаруживал не самому хозяину, а через претбе лицо, то хозяин, обнаружив воров, через посредство этого претбега лица, после передачи через него обещанных денег айгаку, привлекал этих воров к суду с тусеу, в числе которых были айгак и посредник при переговорах с айгаком. Если воровство было совершено со двора хозяина, то полагалось на лошадь по два тусеу. Если же совершено в поле, то на лошадь по одному тусеу, какое бы количество ни было уведеного скота. Больше двенадцати тусеу не полагалось. Тусеу должны были поклясться в том, что воровали или не воровали. Если при этом хоть один тусеу клялся в виновности, воровство считалось признанным. После этого заставляли клясться хозяина в том, что его скот или лошади стоят столько-то, что он айгаку заплатил столько-то. Если уворованных животных приводили ему обратно, раньше передачи им айгаку денег, и он, ссылаясь на исхудалость своего скота, отказывался его принять, то этого, согласно адаму, он не имел права делать: по адаму хозяин должен был принять обратно свою скотину, если она может „перейти через палку“. Воров же сажали в подвал князя до тех пор, пока они или приводили скот, или же платили его стоимость. Айгаку больше стоимости уворованного животного платить не полагалось.

* * *

Если ктонибудь заподозривал когонибудь в воровстве, то привлекали этого вора к суду с тусеу. Если вор не имел права клясться, то хозяин, у которого украдено, брал свое добро, сам поклявшись. Если же и хозяин был лишен права клясться, тогда вор мог освободиться от подозрения, после клятвы одного или двух его родственников по опцовской линии. Но если эти последние отказывались клясться в невиновности своего родственника, то тогда вор должен был возместить хозяину краденое добро или его вернуть.

* * *

Если то лицо, которое выступило в суде в качестве вора открытого через айгака, заявит, что айгак сам украл или что „он мой сообщник“ в воровстве и что он это может доказать, то его заявление на суде не принималось во внимание. Таким образом плата за уворованную вещь падала исключительно на него.

* * *

На суде в качестве тусеу не могли выступать: родст-

венник хозяина уворованного добра, женщина, лишенный права на клятву и имевший прежде вражду к вору.

* * *

Если хозяин украденной вещи или айгак заявит на суде, что он видел вора в ночь воровства и он его узнал, то его заявление не имело юридического значения, если только та ночь воровства, в которую он видел и узнал вора, не была одной из трех ночей месяца: тринадцатого, четырнадцатого и пятнадцатого числа. Иногда говорилось, что можно и шестнадцатое число. Но определенно известно, что можно было только в эти три ночи узнавать вора и об этом заявлять на суде.

* * *

Если у когонибудь украдут чтонибудь, то он имел право привлечь на суд с тусеу трех лиц одно за другим, а больше не имел права.

* * *

Если ктонибудь покажет, что такое то лицо у него уворовало чтонибудь, а этот вор, признавшись в воровстве, укажет третьему, но уже умершему лицу, как своего сообщника в воровстве, то того вора заспавляли, вместе с двумя родственниками по отцовской линии клялись на могиле его умершего сообщника: — «Этот покойник участвовал вместе со мной в воровстве». После этого живой вор, вместе с наследниками умершего вора, пополам платили хозяину стоимость уворованного у него добра. В том случае, когда могила умершего находилась далеко от суда, дело иногда решалось и без привода на могилу.

* * *

Если ктонибудь по проезде из далека, остановившись в гостях у когонибудь, уходя, крал у другого лица чтонибудь, то лицо, у которого украдено, имело право требовать уплаты стоимости украденного имущества от лица, у которого вор останавливался в гостях. Ему то лицо говорило: — «У тебя покушал, набрался сил, а у меня украл».

* * *

В прежнее время при воровстве лошадей с лошади айгаку (показателю) платили пять рублей, при воровстве быков — с быка платили два с половиной рубля.

* * *

В случаях, когда из одной конюшни бывало уворовано две скотины, или с поля пять — шесть скотин, и когда лицо, у которого найдена одна скотина на требование уплатить стоимость всех остальных скажет, что не он украл, — то при недоказанности этого его привлекали в суд с тусеу. Если все тусеу поклянутся, что подозреваемое лицо невиновно, то оно освобождалось от уплаты за остальных скот.

В прежнее время, если кто либо отрезал хвост чьей либо лошади, то это считалось большим оскорблением хозяину лошади. И тогда то лицо, которое отрезало, высылалось на один год в канлы. Если в течение этого года хозяин лошади находил этого канлы и убивал его, то это убийство предавалось забвению и считалось, что хозяин лошади поступил правильно. Если же хозяин лошади не мог убить канлы, то он по возвращении искал с хозяином примирения и шел на свидание.

* * *

Если у когонибудь в доме был произведен поджог или воровство и хозяин дома подозревал какоенибудь лицо, то это лицо привлекалось к суду с двенадцатью тусеу. Если поджог или воровство произведено пятью — шестью лицами в сообщничестве, то на одно и то же дело не полагалось налагать тусеу больше двенадцати человек. Если все тусеу очищали вора клятвой, то он бывал оправдан. Если же из них хоть один поклянется в его виновности, то он должен был уплатить стоимость украденного имущества.

Адамы по оказанию уважения и почета друг к другу.

В прежнее время среди князей, узденей, владевших поместьями и рабами были следующие обычаи: у князей и у больших (поместных) узденей были свои кунацкие комнаты в домах. Встав утром и опоясав себя туго поясом при оружии, они уходили в свою кунацкую комнату и там оставались, не ходя к женам, до тех пор, пока не настанет время спать, а на кухню они не заглядывали за всю свою жизнь ни разу. В кунацких князей собирались их уздени, молочные родственники. Старики там сидели, молодежь там стояла у стен. Старики говорили об аятах, о порядках в быту, о том, как молодежи надо себя вести, как жили отцы и т. д. Молодежь почтительно слушала. Тогда каждый из народа жертвовал для своего друга, приятеля, родного и всего народа своей жизнью и своим имуществом. Ради своего народа и родного селения каждый и убивал, и умирал, и стремился подняться в глазах других обществ общество своего селения. Каждый имел сердце чистое, мысли неиспорченные, лицо открытое. Каждый из народа любил молодечество, удаль, проявляемые во время боев и всяких превог. Тамазы восхваляли этих удальцов, прославившихся своими подвигами во время сборищ народных. У слышавшей и видевшей это молодежи появлялось желание уподобиться этим удальцам и она стремилась к удальству, творила подвиги. Те же, которые не придерживались аятов, не допускались в народные сборища и в кунацкие князей и узденей.

Тех, которые в боях спрусили и бежали, при выходах на тревоги пряпались и не выходили под какимнибудь предлогом, сдававшихся живыми в плен в боях, во время нападений на них отдававших свое добро грабителям и возвращавшихся невредимыми, творивших насилия над своими односельчанами, направлявавших одних людей на других, вызывая между ними вражду и убийства, отбивавших обманом и ложью имущества других—всех таких людей князья и уздени в своих кунацких позорили и срамили и в народных сборищах не оказывали им ни малейшего уважения. Народ говорил о них: «Низкие люди, не мужчины, у них нет совести и чести, им не надо вращаться между князьями и узденями, им нужно сидеть с женами и помогать им кушанье готовить». (В прежнее время князю или узденю зайти на свою кухню нельзя было—это для него считалось позором). Когда мужчина бил или ругал своих жену или сына, то если те убегали на кухню, значит спасались от дальнейшего нападения мужа или отца.

Адапты, когда прибыл гость.

Если кунак (гость) придет к князю и пойдет в его кунацкую, то по утрам при виде князя он должен дать князю салам, после чего должен ему сказать:—«Танг яхши болсун» (доброе утро). Если князь ответит:—«Саубол» (спасибо) и сделает движение пуловищем с места своего сидения, то гость должен снять ему свою папаху. Если князь встанет, возьмет его за руку и скажет:—«Хошь гелъди» (добро пожаловать), то гость должен ответить:—«Саубол» (будь здоров). Если дальше князь скажет:—«Эсен аман бусан» (благополучен-ли), гость ответит:—«Эсенбол аманбол» (будь благополучен и счастлив). Если же князь ничего этого не будет говорить, то гость должен молчать. Если ему предложат сесть, то, если только князь не старший его родственник, может сесть. Когда он сядет, он должен занять почтительную позу, не сидеть развалившись на стуле. Ноги его должны быть прилично обуты.

Когда в кунацкой собиралась молодежь и туда приходил старик или средних лет человек, пользующийся уважением,—то на его обычный салам молодежь, встав с мест, приняв его салам, приветствовала его:—«Хошь гелъди» (добро пожаловать). Если вновь прибывший только ответит «саубол» и больше не будет продолжать своего, обычного у кумыков, приветствия, то молодежь должна молчать и стоять.

Обычно в беседу сидящих не вмешивались стоящие: они только отвечали на их вопросы и слушали со вниманием их разговор. Когда гость решал ночью уйти из кунацкой и уходил, то он, обращаясь к князю, говорил:—«Геченг яхши болсун» (пусть

будет твоя ночь хороша). Если в ответ князь скажет:—«Саубол» (будь здоров) и сделает движение корпусом, то гость должен снять ему папаху.

В каждом селении старший из князей представлял из себя власть и его называли «Уллубий» (большой князь).

В кунацкой уллубия собирались князья и уздени, там сидели уллубий и старейшие тамазы из узденей, а молодые князья и уздени стояли. Если они приезжали верхом, то их оседланые лошади стояли у «карас» (толстое ветвистое, очищенное от коры дерево, посаженное посреди двора, на ветвях которого кунаки закидывали уздечки своих лошадей до входа в кунацкую). Если бывала тревога, то молодые гости выходили на нее вместе с уллубием. Если же не было тревоги, то они, пообедав у уллубия, с наступлением вечера возвращались к себе. Каждый день по установленной очереди уздени и князья собирались у уллубия. Так жили кумыки в старое время.

Гость, прибывший из других селений, вехавши во двор князя, подезжал вплотную к карасу и слезал с лошади. Если из кунацкой никто не выходил к нему для того, чтобы взять у него лошадь, то он сам закидывал уздечку за ветку караса. Входя на балкон кунацкой, он скидывал с себя башлык, снимал бурку и оружие и входил в кунацкую. Если в кунацкой был князь, то он, дав ему обычный салам, если было утро, говорил:—«Танг яхши болсун» (пусть будет доброе утро); если был вечер—говорил:—«Геч яхши болсун». Когда князь отвечал:—«Добро пожаловать», гость отвечал:—«Спасибо». Если князь протягивал ему руку, он ее брал, если говорил:—«Садись»—садился, если же нет,—продолжал стоять.

Когда внесут в кунацкую поднос с едой и хозяин скажет гостям:—«Идите есть»—то гости не подходили к еде: они ждали пока князь (хозяин) не назовет по именам тех, кто с ним мог сесть при еде. Когда эти наедались, то поднос с остатками кушаний передавался не участвовавшим при еде с князем гостям, которые до этого времени продолжали стоять. По переносе подноса от князя к ним, они все садились и кушали. Обыкновенно ели сидя на полу. Никто не мог взять для себя стул, пока ему не принесут.

Когда в кунацкую приходил ученый человек, то вне зависимости от того, что он молод, его садили на «терь» (почетное место). Кади, мулла пользовались среди народа особенным почетом и уважением. Последние иногда также посещали кунацкие князей.

Отношение жен к мужьям.

Согласно адапта у кумыков муж являлся главой семьи. Жена его должна была оказывать ему почет.

Среди кумыкского народа князья и уздени вспавали рано утром и отправлялись в свою кунацкую комнату. Там они делали распоряжение своим рабам и прислуге, сами же, оседлав своих лошадей и приготовив свое оружие, ждали первого зова к тревоге, для того, чтобы выйти немедленно.

Женбы не вмешивались в дела мужей. Последние не ходили к женам до полуночи, когда они шли спать. Женбы не знали и не спрашивали, что делал муж, что он брал, что он давал. Если даже они их спрашивали, то порядочные мужья отвечали:—«Не в свое дело не вмешивайся». Порядочные же женбы делали все, что им скажут мужья и не разбираясь, правильно это или нет. Когда мужья уходили куданибудь, то женбы не спали до их возвращения и не клали постель из опасения, что если придет с их мужьями кто, то придется им стыдиться перед ними. Были такие из мужей, которые давали развод своим женам за то, что их застали спящими. Порядочные женбы не ели при мужьях и даже воды не пили на их глазах. Они не называли мужей по имени из уважения к ним. Родственникам своих мужей они давали особые почетные имена, не называя их настоящим именем. С отцами мужей они не говорили до смерти. Беспрекословно исполняли приказания матерей своих мужей. Когда их дети плакали при посторонних мужчинах, то они не шли к этим детям. Когда же в этих случаях они имели детей на руках, то они немедленно передавали их прислуге или просто бросали на пол. Тем же мужчинам, которые пришли к мужу, они служили с открытыми и приветливыми лицами, не разбираясь, кто он, зачем пришел. За входящими и уходящими кунаками они ухаживали не волнуясь, не ругаясь, не сердясь, и угощали их, не жалея ничего, что у них было. Все их имущество,—будь оно привезенное от отца или заработанное их трудами,—они передавали в полное распоряжение своих мужей. Для всякой женщины, пока у нее был муж, считалось стыдно говорить:—«Это имущество мое личное».

Каждому мужу из узденей, нельзя было говорить:—«Это имущество принадлежит моей жене». «Имущество женбы хорошо в копле»—гласила старая пословица кумыков.

* * *

Согласно адапов у кумыков мужья не отдавали своим женам на руки их кебинных денег и последние не имели права их требовать через шариат.

* * *

Если умирала чья либо невеста, то жениху возвращалось „альхам“ (его преподношение). При этом все расходы по погребению, за исключением расходов на «эливаш» (поминальная трапеза), родные покойной и ее жених несли пополам.

Отношение отцов к детям.

У кумыков отец, имевший сына или дочь, поступал так: в то время, когда сын или дочь были ребенком, то будь последний на руках няни у отца дома или же передан на молочное воспитание «эмчеком», все равно его не приносили в ту комнату, где был отец. Если последний видел гденибудь, что его ребенок упал,—он его не поднимал, если он плакал,—не успокаивал. Янсук-Хаджи Таулу-заде, когда увидел, выйдя из своей кунацкой и войдя в конюшню, своего малолетнего сына, поднятого быком на рога, не сняв его, пришел обратно в свою кунацкую:—«Там в конюшне один ребенок плачет». После чего его домашние пошли в конюшню и сняли его ребенка с рогов быка.

Так относились к своим детям князья и известные уздени.

Что же касается дочерей, то отцы никогда их не видели. Их растили и воспитывали их матери. Когда Юсуф-Кади Клычев увидел свою взрослую дочь, то спросил:—«Чья это дочь»? Отцы не женили своих сыновей и дочерей не выдавали замуж до двадцатилетнего возраста. Сын беспрекословно женился на той девушке, которую за него брал его отец. Дочь также беспрекословно выходила за того, за кого ее выдавали.

Дея же мог играть с детьми своих детей, носить их на руках, ходить с ними и кормить их. «Моего дитяти дитя слаще меда»—гласит пословица стариков

Отношение сыновей к отцу.

Согласно адама у кумыков уважение, оказываемое сыном отцу, было в такой форме.

Сын не садился при отце, стоял и слушал при нем, отвечая лишь на его вопросы. При отце он не ел, не курил, исполнял всякое приказание отца беспрекословно, не рассуждая о том, правильно-ли это или неправильно. Сыну называть отца по имени считалось неприличным. Он находился в кунацкой, пока не заснет отец. Сам он ложился спать, когда уложит отца спать. Порядочные сыновья, не испросив разрешения отца, никуда не выходили и ни за какое дело не брались. На виду отца не входили в комнату женбы. До смерти отца они от него не отделялись, ничего при жизни отца они не называли своим, не испрося разрешения отца ничего ни кому не давали и не брали. Всегда они оказывали почет и уважение отцовским родственникам и друзьям. Перед отцом они ни одним словом не обмолвливались о своих детях и женах.

Запись Маная Алибекова.
Перевод Т.Б. Бейбулатова.

Отдел второй

Исследования

Словесность
История
Экономика
Зоология
Бальнеология

Старая и новая аварская песня.

Работы дагестанской аваро-андийской экспедиции 1923 года пролили много света между прочим и на вопрос о поэтическом творчестве дагестанских племен. Крайне мало было известно до сих пор, например, об аварской песне. Было известно из работ П. К. Услара, что аварские, и вообще горские, песни делятся на героические и любовные, причем любовные песни П. К. Услар, на основании имевшихся у него образцов, считал рискованными по тону и сюжетам и не всегда удобными для печати. Было видно, вообще, по работам П. К. Услара, что наибольшее значение он уделял не песенному роду творчества, а скорее аварской сказке. В статье «Кое-что о словесных произведениях горцев» он дал общий обзор, между прочим, и горских песен Дагестана, обзор, тесно связанный с проходящим здесь же изложением его собственных взглядов на народную поэзию вообще. В своей прекрасной грамматике аварского языка он привел, наряду с прозой, и образцы народных аварских песен. Он напечатал, в подлиннике и переводе, две любовных песни и одну героическую. Эти образцы могли, пожалуй, в таком небольшом количестве, оправдать взгляды П. К. Услара. Равным образом подтверждали их и образцы народных песен лаков (кази-кумыков), приведенные в его же лакской грамматике. Помимо материалов П. К. Услара, мы имели еще песни, изданные академиком Шифнером (в *Mémoires de l'Acad. Imp. des Sciences, VII série*) с немецким переводом*). Эти последние песни происходят из разных источников. Здесь имеются и материалы, доставленные Берге, и даже отрывки аварских песен, добытые еще основателем Темир-Хан-Шурты — генералом Фейзи.

В общей сложности до сих пор было известно немного более десятка аварских песен, включая и отрывки. Иными словами — почти ничего. Между тем, уже на основании указанной статьи П. К. Услара мы могли ожидать, что народная поэзия горцев Дагестана чрезвычайно богата и обильна. Было очевидно, что племена Дагестана наделены чуткой, поэтической душой. Пусть П. К. Услару была свойственна наивная *prudence*

*) *Awarische texte*, herausgegeben von A. Schiefner. St.-Petersburg, 1873; — и в более ранней его работе: *Versuch über das Awarische* — 1862 года.

его времени, пусть лично он осуждал многое в этой поэзии, читатель нашего времени спокойно проходит мимо эпих его взглядов и старается за ними почувствовать подлинные формы еще неизвестной Европе поэзии.

Вот почему летом 1923 года, при организации дагестанской экспедиции, была учтена и возможность дополнить более чем скудные материалы, имеющиеся у нас как вообще по фольклору Дагестана, так в частности и по народной лирике. Однако, по составу принявших участие в экспедиции научных работников*), а также и в силу чисто внешних причин, сначала казалось, что нельзя ожидать особенно крупного успеха в указанном направлении фольклорного и песенного собирательства. Ставилась, как более близкая цель, работа чисто лингвистическая: изучение аварского языка и многочисленных языков Андийского округа, рядом с установлением сколько-нибудь соответствующей действительности лингвистической карты этого района. Само собою понятно, что для исполнения такой задачи нужна не одна, и не две, и не три поездки. Сама же по себе эта задача является настолько насущной, что ради нее участники, хотя уже заранее увлеченные горской поэзией, готовы были отодвинуть горскую песню на задний план.

Но вот экспедиция выехала из последнего пункта железной дороги — из Буйнакса (Темир-Хан-Шурбы). Первый день путь идет мимо нескольких кумыцких аулов к перевалу в той первой горной цепи, которая видна с улиц Шурбы. Карта говорит, что за этим низким перевалом первой цепи лежит первый на пути аул аварского языка — Аркас. Но уже до перевала, на одном из мостиков хорошо здесь разработанной дороги, встречается мальчишка — паспух, аварец. Он поет, и лингвист экспедиции первый свой подход к лингвистической работе может начать, анализируя слова случайной песни в устах мальчишки — паспуха. Дальше начинают встречаться в большинстве аварцы. Они идут рядом с низко-рослыми ишаками, отдыхают на краю дороги, работают в полях, и очень часто разносятся вокруг их песня.

Низкий перевал сразу закрывает Шуру и всю местность, населенную кумыками, и мы вступаем в узкую долину Аркаса.

Дальше идут: многоэтажные аулы, где дома лепятся друг на друге, ужасные дороги, засыпанные камнями с утомительно-скудными зигзагами подъемов, внезапные выходы на горные плато, откуда вдруг открываются далекие, даже морские горизонты. Снова спуски в более узкие ущелья. Снова зигзаги,

*) В экспедиции участвовали: Н. Б. Баканов (архитект. обследования), А. С. Башкиров (археолог), Л. И. Жирков (лингвист), Н. Ф. Яковлев (лингвистика и этнография). По собиранию аварских песен много работал Абдуллаф Шамхалов (аварец из аула Аргуани).

пеперь уже спусков, огромные горы, состоящие целиком из вертикально поставленных слоев, выход к оглушительно шумящему Аварскому Койсу, ужасная долина Гоцапля, которая больше всего напоминает лунный пейзаж, безводная, пыльная, и в конце пути — выход на плоскогорье Хунзах. На плоскогорье прохладно, почти холодно, по бокам скучные горы без вершин, русская крепость и центральный аул Аварии — Хунзах.

На всем этом пути, когда еще нельзя было поставить никаких лингвистических записей, когда приходилось лишь практиковаться в живом языке и прислушиваться к нему, многократно слышалась аварская песня. Очувшившись в Хунзахе, лингвистический работник экспедиции волей-неволей оказался под впечатлением горского песенного мира и, рядом с лингвистической проверкой аварской морфологии, встала задача записи аварских песен.

При этих работах приходилось знакомиться — и это оказалось очень интересным — с представителями молодой аварской интеллигенции «младо-аварцами». Опорванные значительными расстояниями от всех железных дорог и от европейской культурной жизни, молодые люди, иногда почти мальчишки, из Хунзаха, Геничутля и других аулов создали вокруг себя атмосферу довольно напряженной интеллектуальной жизни. Все они в свое время побывали мутааллимами (все изучали Коран и Ислам), все обладают в известной мере знанием арабского языка и арабской образованности, все читают и относятся с уважением к некоторым из современных арабских журналов, особенно из тех, что издаются в Египте. Египетский журнал в Дагестане, на русской территории, является первым проводником обще-европейской культуры. Научные статьи его с жадностью проглатываются горскими читателями. Журнал влечет за собою арабскую книгу. За арабской книгой идет турецкая, как более доступная. В аулах Аварии вы подчас найдете учебник географии на турецком языке, переводную с французского геологию, физику. Но турецким языком владеют уже не все из „младо-аварцев“.

Кстати надо заметить, что культурная роль турецкой книги не стоит ни в какой связи с каким-бы то ни было туркофильством. Горцы просто хотят учиться арифметике, познаться с физикой и геологией, и берут турецкую книгу, которая до сих пор шла туда впереди русской. С русским языком «младо-аварцы» в большинстве не знакомы. Существовавшие раньше в округах школы ныне подчас закрыты, училец нет, новое школьное дело еще не получило полного развития. Но стремление и к русскому языку, к русской культу-

ре, к русской книге в тех кругах молодежи, о которых мы здесь говорим—огромное и напряженное.

Нарождающаяся в Аварии интеллигенция очень похожа на всякую другую интеллигенцию. Она любит, например, литературные споры. Очень обычной темой разговоров в ее среде являются, наряду с научными вопросами, и вопросы родной аварской литературы, творчество современных аварских поэтов.

Аварская литература и современные аварские поэты?— Да, взамен немногих образцов этой литературы, приведенных П. К. Усларом и А. Шифнером, перед приехавшим в Аварию открывалась широкая картина деятельной литературной жизни. Об этой жизни нигде не подозревают. До сих пор было совершенно неизвестно, что источники творчества в горах Дагестана не иссякли, что литературу этих племен отнюдь не следует считать умершей. Песни появляются, можно сказать, почти еженедельно. Песни не анонимные, относящиеся не к коллективному творчеству, но имеющие определенного автора, всем известного, откликающегося зачастую на злобу дня. Раз появившись, удачная песня передается не только устным путем. Она является обыкновенно довольно длинным произведением. Она в буквальном смысле пишется уже самим автором, переписывается его друзьями, в записанном виде идет в другие аулы, в соседние округа. Ее обыкновенно на какой-нибудь из известных мопивов поют, и, как есть известные поэты, так есть там и известные музыканты—композиторы. Но песню эту можно не только петь, можно ее и читать. Ее на самом деле читают, обсуждают, крипикуют, а если признают за великое произведение искусства, то и комментируют. Словом, мы наблюдаем полную и развилую аналогию с тем, что мы видим в нашей европейской литературной жизни.

Уместен недоуменный вопрос: Песни читают?— Да, несмотря на то, что вне Дагестана алфавит и графика, какими пользуются для записи этих песен до сих пор почти неизвестны. Услар и академик Шифнер пользовались в своих книгах русскими или латинскими (если сказать правду, довольно неудачными) транскрипциями. Между тем все горские племена Дагестана, во всяком случае около ста лет уже, умеют писать, как они говорят по аджамски. Когда арабы хотели, противопоставляя себе, обозначить народы не арабские, они называли их аджам, как эллины называли всех не эллинов варварами. Прочнее всего это имя аджам закрепилось за персами. Персы пользуются в письменности арабским алфавитом с некоторыми изменениями. Точно также арабским алфавитом с иными специальными изменениями пользуются и дагестанские горцы, в частности аварцы.

Вот этот—то алфавит они и называют аджамским. Специфически—характерные для кавказских горских языков звуки до некоторой степени могут быть выражены посредством добавленных к арабскому алфавиту букв. Курьезной особенностью рассматриваемого алфавита является обычное в нем выписывание всех гласных посредством обыкновенных арабских подспрочных и надспрочных знаков. Вследствие этого аджамский текст чрезвычайно пестрит в глазах, т. к. эти знаки находятся над или под каждой буквой, помимо диакритических точек. Как известно, со всеми гласными знаками издается Коран, и в этом отношении по внешности аджамский текст похож на обыкновенное издание Корана. Это выделяет дагестанскую графику среди график иных мусульманских народов, которые все гласные в обычном тексте пропускают. Графическая невывода аджамского шрифта компенсируется выигрывшем в ясности чтении.

Но не все специфические звуки этих языков получили свое обозначение в аджамском алфавите, как он сложился в течение испекшего столетия. Вот почему удавшаяся в России реформа орфографии откликнулась и в Дагестане с приходом туда советского строя. В Шуре была образована в 1920 году комиссия по реформе кумыкского (тюркского) и аварского алфавитов. В комиссии принимали участие деятели аварской литературы, и они сумели с исключительным тактом реформировать аджамский алфавит в сторону большей точности. Пестрящий характер графики в новой орфографии уничтожен, благодаря введению гласных букв в строке. Недостаточные специфические звуки получили каждый свое выражение, и книжку, напечатанную по аварской новой орфографии, можно читать также легко, как любую русскую или немецкую книгу. К сожалению, до сих пор еще не отлит шрифт ни в аджамском, ни в реформированном алфавите, и то, что в Шуре печатается, печатается исключительно литографским способом. Новой орфографией печатают переводную с русского беллетристику, популярно—научные книги и учебники. Старинной манерой, по-аджамски, до революции было напечатано много книг духовного, а иногда и чисто-литературного, содержания*). По-аджамски же до сих пор власти печатают все декреты, распоряжения и воззвания, какие расклеиваются во всеобщее сведение, и относительно которых власти желают быть уверенными, что все их прочли и поняли.

И так, до сих пор мы почти не знали ни орудия аварской письменности—ее алфавита, ни содержания аварской поэтической литературы. Повидимому, лирическая поэзия, ныне, ес-

*) Ныне все эти издания без остатка проданы на оберпку.

или не вляется единственным родом творчества, по во всяком случае далеко перевешивает все остальные жанры. Незаметно, чтобы в наше время по аварски сочинялись рассказы или повести, или создавались новые сказки. Кроме переводной, вся проза существует исключительно для изложения научных сюжетов, как например, исторических. Всякое произведение чистой литературы мыслится исключительно в поэтической форме, и именно в форме, идущей от глубокой старинности. Здесь надо будет сказать несколько слов о песнях старинных, чтобы затем перейти к современности.

Среди старинных песен мы знаем песни героические и песни любовные. Героические песни со стороны формы являются созданными по принципу силлабического стихосложения. Так как аварский язык не различает долготы и краткости гласных, так-как, с другой стороны, ему присущ тип слабо подчеркнутого ударения, то нам кажется весьма естественным и понятным, почему аварское стихосложение является силлабическим. По содержанию героические старинные песни можно классифицировать так, что классификация их отразит в то же время и их хронологию. Тогда мы наблюдаем такую последовательность:

Самые ранние, так-называемые ц'орские песни, сюжетом которых служат походы аварцев на грабеж в Грузию, в захребтовую часть Аварии к городу Закапалы,—в так называемый Ц'ор. В Ц'оре до самых Закапал живут еще аварцы, дальше ингилойцы и карпвелы. Грузия для горца представляется страной обилия и богатства. Юноши и девы Грузии будут похищены и уведены в Аварию, золото, парча и драгоценности попадут в руки набежавших грабителей. Вот эти походы на грабеж и воспевает ц'орская песня. Она обыкновенно называет по имени того удалца, который собрал вокруг себя своих земляков, пригласил окрестные аулы и отправился в Ц'ор. В этих именах может отражаться и вероятно отражается исторический факт, но, в общем, всякий ц'орский поход трактуется, как дело обычное, ежегодное. Схему ц'орской песни изложил еще П. К. Услар в уже названной выше статье. Схема эта такова: вслед за удачей горцы возвращаются назад с богатой добычей; в каком-нибудь пункте Иракий (как тип грузинского царя) приготовил им засаду; опьяненные удачей бойцы подвигались вперед недостаточной бдительностью; попав в засаду им остается надеяться только на свое мужество. Таков трагический конец песни. Ц'орских песен очень много, и, конечно, раньше было еще больше. Сейчас эти песни уже не пользуются очень широким распространением. Обыкновенно называют отдельных людей, отдельных стариков, про которых говорят, что они знают много ц'орских песен.

Следующий хронологический этап—Шамиль. Личность вождя мюридизма оставила в Дагестане такой глубокий след, что еще недавно, порою, революционная пропаганда опиралась на шамилевскую традицию. Песни этого цикла касаются многочисленных перипетий военной истории Шамиля, его борьбы с русскими, и, как кажется, не имеют такой типической схемы, какую еще П. К. Услар усмотрел в ц'орских песнях. Сюда же примыкают немногочисленные сравнительно песни, посвященные эпизодам борьбы с русскими, но не связанные с именем Шамиля, и, возможно, предшествующие ему по времени. Попадают и песни трудно-определимые хронологически, в которых фигурирует хункяр, т. е. турецкий султан. Эти песни попадались впрочем всегда фрагментами. Вопрос о них сейчас еще совершенно неясен, но между прочим нужно отметить, что в них встречаются названия различных мифических местностей вроде: Ядол—города, Шал—города, Шибал—города.

Любопытно привести отрывок такой песни, где между прочим видна огромная роль поэтического эпитета, заменяющего самое название предмета,—роль, подобную которой эпитет играет только в поэзии арабов.

Вот этот отрывок о походе и битве:*)

Слушайте люди! будет сказана повесть про того, чье имя слышно до Хайбара.

Сделайте милость, не говорите! а я кликну песню про того, кто донес радостную весть в этот город.

Не слышно ли его имя до Хайбара?

Устрашил он ханов Цора!

Не донес ли он радостную весть в этот город?

Собрал ты к себе то фараоново племя, о сокол, рожденный в золотом дворце.

Выйди же сюда, в Чар, на подвиги, о Али-Зульфукар, доблестью одаренный от Бога! Выходи на капуров, их резать!

Взявши крымские в волчьих чехлах и стамбульские, на казаках испытанные, ведя за собою Даитбеляя и Угузиляя, знающих дела Цора, отринувших страх, въехал Умма-Хан и когда до Орака доехал—кинули лучших быков враги.

Как завидели близину шатров на Ораке—рухнули крепости мин-паши...

Ажаб-Хан, Акаб-Хан сошлись в Кальвани, ведя войско слонов с паланкинами.

*) Окончания его сообщивший песню Хочол-Мухамма из Хунзаха не помнил. Здесь упоминаются следующие собственные имена:

Х а й б а р—крепость в Аравии, как нарицательное имя—всякая неприступная крепость;

Ц о р—равнины Грузии за хребтом;

Ч а р—местность в Ц'оре;

О р а к—закапальские степи;

А л и - З у л ь ф у к а р—Али (4-ый халиф); так зовут героя храбреца.

Д а и т б е л я я и У г у з и л я я—два Хунзахских рода.

Я д о л - Ш а л - Ш и б а л—города местности мифические.

К р ы м с к и е—ружья кремневки, и

С т а м б у л ь с к и е—шашки (замена прямого названия предмета эпитетом).

Вышел Хункяр, дошел до неверных, привел конную ратьб сжечь Ташхасан, послал есаулов к Ядол—городам, к Шал—городам, к Шибал—городам, чтобы кликнули:

—« О неверный! быть тебе убитым! Пусть откроются ворота Хайбара, пусть из ворот засовы вынут!

Вот подошло и Хунзахское войско—не остановит его и железными преградами! А ханом у них—Умма-Хан, к небу порохом стены взрывающий....».

Отдельно выделяют сами аварцы хаджи-муратовский цикл песен, т. е. разбойничьи песни, связанные с популярной личностью Хаджи-Мурата.

Переходя к любовным, лирическим песням, скажем, что повидимому они никогда не имели такого строгого с точки зрения формы и развития сюжета построения, какое мы отметили в героических. Силлабический стих лирики иногда короче; в содержании гораздо больше свободы и разнообразия. Любовь и разлука, попка в разлуке—вот обычные темы. Отдельно надо отметить, что эти темы иногда развертываются в форме диалога. С точки зрения лирического напряжения чрезвычайно важно видеть, какими образами оперирует создатель песни, в сфере каких идей и вещей он вращается. Изданные до сих пор песни (Услар и Шифнер) дают об этом известное понятие. Это прежде всего—пейзаж высоких гор, скалы и кручи, стада на высоких нагорьях, облака на груди скал, и орлы, летящие выше или ниже сцены, где развертывается действие. Принимают участие, конечно, и солнце, и луна. Образ луны в известной мере может быть навеян искусственной поэзией других народов—персов и шурок. Вообще говоря, веяние поэзии персов всетаки чувствуется: уста как сахар, тело как сахар, и другие подобные образы сюда относятся. Но при этих сравнениях поражает иногда, что горец сравнивает что-нибудь очень дорогое с каким—нибудь обыденным, почти вульгарным предметом. Например: твое тело как холст (по белизне? по редкости и ценности холста для горца?).

Couleur locale определенно присутствует в этих старых любовных песнях. Здесь фиалки пробиваются из-под льда ледников очень часто.

Понятен интерес исследователя и собирателя к только что очерченной аварской старинной лирике. Очувтившись в Аварии, автор стал задавать вопросы об этих старых любовных песнях. Чтобы дать понять яснее, о чем он говорит и что он ищет, он цитировал аварцам песни этого рода уже напечатанные—и характерные получались ответы:

— Если вы поедете в Дидо (иными словами, в самую дикую глушь), то там вы найдете. Девушки селения Метрада знают много таких песен.

Или:

— Это вы в таком-то ауле повидаетесь с таким-то стариком; он хорошо поет эти песни.

Спрашиваете:

— А вы их поете?

Ответ:

— Нет, у нас не поют. Ведь это сейчас не модно. Сейчас поют новые песни; они гораздо лучше. То, о чем вы говорите, давно вышло из моды.

Ответы такого рода ясно указывали, что, не забираясь в самые отдаленные и глухие участки, довольно трудно найти и записать действительно старую аварскую любовную песню. И все почти привлеченные к записи певцы и сказители давали исключительно материал по героическим песням. Этот материал оказался очень обильным, многие песни были записаны от начала до конца, многие—фрагментарно. Любовных песен не было. Довольно долго записыватель так и старался отыскать или старую героическую песню, или любовную, тоже непременно старую. Творчество новых и современных поэтов устранилось в надежде, что до него дойдет очередь и после.

Однако через некоторое время удалось привлечь к самостоятельной записи песен молодого аварца. Первый же принос его оказался на три четверти состоящим из новых «махмудовских» песен. Но и после этого пишущий эти строки еще не сразу к ним приступил, и долгое время они лежали без перевода. Когда же, наконец, первая махмудовская песня была прочтена и переведена, то оказалось, что мы стоим перед литературным явлением огромной важности, явлением, совершенно неизвестным научным кругам и европейскому обществу. Очевидная ценность этого явления заставляет остановиться на нем подробнее, и во всяком случае уже и сейчас позволяет новую песню Аварии поставить на одну доску с ее старыми песнями.

Когда вы едете в Хунзах, спуститесь с первого плато в Араканское ущелье, проезжаете мимо аула Аракань, вам сообщают, что в Араканах живет знаменитый поэт. Стихи этого поэта были доставлены, и оказались стихами на революционную тему, не лишенными поэтического смысла и поэтической самоценности. В дальнейших беседах с аварцами выясняется, что и в Ашильте есть поэт, что в Игали есть поэты, что и в других аулах литераторов много. Но неизменно говорится, что Махмуд был выше этих поэтов, что Махмуд представлял явление исключительное, что Махмуд поднял аварскую песню на небывалую высоту. Кто же был Махмуд?

Личность такого крупного поэта заслуживает подробного

изучения, как и произведения его заслуживают издания в виде полного собрания сочинений. Роль Махмуда из Бепль-Кахаб—Росо (Ак-Кента) в аварской литературе—роль новатора. Пиэтеп, которым окружают его имя интеллигентные и неинтеллигентные аварцы—исключительный, и может сравниться с положением Пушкина в русской литературе. Вот почему уже начато собирание материалов для биографии поэта, равно как и собирание ходящих по аварии с его именем песен; получен его автограф; найден и фотопортрет поэта.

Махмуд умер несколько лет тому назад. Его убили осенью 1919 г. по причинам романтического характера. Во время экспедиции пришлось познакомиться и с его убийцей, от которого, между прочим, тоже было записано несколько песен. Живы еще в Хунзахе и в других аулах друзья поэта. Они сообщили некоторые свои о нем воспоминания, причем странным образом самые эти воспоминания дают чрезвычайно мало внешних биографических фактов и сами по себе являются как бы созданием поэзии. Таков, например, рассказ друга поэта о том, как он любил Махмуда, не видя его, за одни лишь его песни; о том, как завязалась между ними переписка; как, наконец, выпал случай им встретиться, и эта встреча была инсценирована в обстановке нарочитой романтики. Было выбрано уединенное место за аулом, были сказаны приметы друг друга, был назначен вечерний или ночной час. Поэт, знавший своего друга лишь заочно, по письмам, пожелал зажечь современную зажигалку, чтобы осветить его лицо и видеть, кто с ним переписывался. По словам говорящего, он понравился поэту, и они побратались на долгую дружбу. Вообще, все рассказы про Махмуда из Кахаб-Росо характеризуют его как бродягу, беззаботного, пренебрегающего общественной репутацией и смелого творца любовных приключений. Даты большинства рассказов о Махмуде неизвестны, но, повидимому, они относятся к началу девятисотых годов и предвоенному времени; он умер в возрасте около 35 лет. Называют трех женщин, которых он любил; среди них называют и сестру его убийцы—его роковое увлечение. Так-как убийство случилось в период анархии и гражданской войны, оно осталось безнаказанным, а мститель за Махмуда, повидимому, было никому: он уже оторвался от семьи и рода. Когда началась европейская война, он, как и многие представители горской молодежи, не усидел дома, пошел добровольцем в русскую армию и делал с нею походы в Карпатах. Этому пребыванию его в Карпатах как раз обязана своим возникновением одна из наиболее популярных его песен.

Удивительным представляется все стечение обстоятельств, породившее эту песню. Крупный поэт древнего кав-

МАХМУД ИЗ АК-КЕНТА

Известный аварский поэт

казского народа с русской армией попадает в страны европейской культуры, попадает в область живых католических верований. На галицийских дорогах часто встречаются вопиющие изображения богородицы. Ее же иконы, иногда воспроизведенные фотографией, висят в домах. Поэт — горец перед одним из таких изображений, в обстановке войны и, может быть, близкого боя, видит в этом лике свою любимую, оставшуюся в родных горах. Было ли действительно портретное сходство между той, о ком он вспомнил, и увиденным им ликом иконы? Был ли Махмуд настолько искушен в законах европейского изобразительного искусства, что он, действительно, мог заметить и понять это сходство? Было ли угаданное сходство лишь мнимым, наивно признанным сходством просто двух женских лиц? Все эти вопросы нельзя будет назвать праздными, если личность и произведения Махмуда когда-нибудь дождутся серьезного историко-литературного исследования в европейском типе. Сейчас мы знаем просто как факт, что горец — солдат русской армии, обращаясь к увиденному изображению, сочиняет длинную лирическую песню, записывает ее, передает друзьям, отсылает на родину. И родина подхватывает эту песню. То, что в ней фигурирует образ, такой далекий от Аварии, как дева Мария, висящая на стене комнаты где-то в Карпатах, ничуть не препятствует тому, чтобы эта песня прославилась решительно по всем аулам аварской территории. Ее знают, хранят ее списки, на нее указывают, как на одну из причин огромной славы Махмуда.

Песня эта так хороша и так характерна для творчества Махмуда, что мы приведем ее в переводе непосредственно с аварского подлинника. Отмечаем, что даваемый нами перевод очень близок к подлинному тексту. Она начинается с запевки:

Мой вздох от смущенного сердца не возьмешь ли, о туча небесная?
От дрожащего тела в мучении написана жалоба,
Ты не снесешь ли ее, о легкое облачко?

Что дух пережил в моем теле, расскажи ты по правде, о ветер из Сирии!

О том, как клокочет огонь, как наполнил он грудь, дай ей в руки письмо, о солнце, светящее скалам!

Скажи ей ты, горная козочка ледистых и летом Ц'орских гор, что я здесь в снегу...

Расскажи ей, золоторогий олень тех щербистых ущелий, куда звери не идут, расскажи, что в походе я здесь, что попал я в леса, где не спать мне на ложе...

Иль ты видишь во сне мою черную бровь, мои черные очи?..

Отчаяние. что не доходят до любимой письма:

Я в горах, там, где села кончаются. Но быть может являюсь тебе я с желтым тестаром?..

Писать тебе письма? Ими контора полна, но кто их получит?
Каждый раз в предзакатное время я у диких зверей прошу весть о тебе. Тем, что я все ходил за тобой, я был опозорен в народе, а теперь я хожу и смотрю, где бы мне умереть...

Что случилось, что вдруг оборвались известия? Выходишь на улицу и нету письма? Никогда не закрыл, не сомкнул я очей, как ушел я в поход, попрощавшись с тобой! Каждый вечер я спорю со сном: как мне спать, не достигнув возлюбленной?

Дикий зверь, потерявший тропу среди скал, или ищет тропу, или смерть принимает... Когда прошла зима, когда идет весна, о куропатка на холмах, или тебя мне сжать, или забить могильную плиту!...

Цари и короли задумали войну, хлопчут, собирают свой народ... А у меня лишь мысль: как умереть?—и помощи прошу лишь у тебя!

О если бы настал тот час, когда бы устремил я взоры на тебя! О если б он настал! Он нас согрел бы, и зима бы стала летом!..

Если исполнится моя надежда, и не умру, не повидав тебя,—не потемнеет мир, хотя бы скрылось солнце!..

Твое лицо, не пронзое в колыбели солнцем, на перебор всему хотел бы видеть я!

Твой выразительный язык, что был учен, когда еще сосала грудь, хотел бы слушать, слушать, без конца!

Ах, надоело мне седло, и опрокинул конь! Я звал, все звал тебя, и вот покинул дух мой тело....

Докучна мне винтовка,—я бросил все оружие, когда прощалась ты, о свет очей! С кем мне бороться, о красиво—стройная? Земля, в которой нет тебя, лежит как ад! Но там, где всходишь ты на крышу, где идешь ты по тропе,—не там ли правоверных рай?

Нет той губернии в России, где я не проезжал мечтая о тебе!
Затем любопытнейший эпизод: поиски изображения той, о ком поэт тоскует. Наивные поиски на базаре, на ярлыках от мыла, печенья, на афишах синемапографа:

— О если бы найти изображение, что на тебя похоже!
Я грудь раскрыл бы, вынул сердце, и отдал бы за то изображение

На всех базарах белых, во всех еврейских лавках, смотрю на ярлыки, наклеенные на товары. Средь городских чудес, в театрах, на стенах, не пропустил я ни одно изображение, чтобы к нему не наклониться!..

Но я ли неспособен, иль охота неудачна,—подруга, что покинул дома, как может появиться здесь? Глупа ли страсть моя, или любовь безумна,—но в день отчаянья поймешь ли ты мою мечту?

Чтоб не смутить народ, она по улице не ходит,—так как же снять с нее изображение? Чтобы не сглазили, она выходит лишь в полдень пятницы на улицу...

Устал искать, слоняться надоело. Весь тот базар—пустой!
И наконец, изображение найдено. Когда выяснилось, что

это изображение, поэт идет в церковь, но не молится:
Осталась позади Россия. Мы в городах австрийцев, что похожи на Иблиса...

Нет! в каждом доме есть карточки, так сходные с тобой! Твое величие в них, твоя повадка, и драгоценное твое лицо! Нет месипа заблуждению: это вылитая ты!

Распущена коса, твой локон вьется!—Куда, несчастный, я попал?—Цвет щек ее, как гор цветок...

Теряю ум, лишь только я взгляну...

Я не сдержался, начал разговор:

— Откуда эта женщина на этой карточке?

Отвечили:

— Она—Мария, что без мужа родила пророка!

Улыбка зора и лица сиянье,... о милосердный Боже!—нет различий. Рисунок глаза, облик лба, .. была бы ты сама, когда б заговорила!

Рахман создал две одинаковых души. Откуда же ее одежда? Все согласно—лицо, уста бывают так похожи.

В одном сосуде замешавши, отлили форму человека, чтобы явить нам Мекку и Каабу в ней!..

Не думал я, что это день свиданья!

Как молодые пчелы над равниной веселятся, не вкусив еще цветов, так я, закрыв глаза, тебя воображаю и одолевая того, кто обнял и прижал тебя к груди!..

Бьют по лбу и груди рукою христиане, когда творят тебе молитву. Служат тебе люди креста и жгут свечильники на четырех углах. И я стою меж ними, на тебя смотрю. Я подмигнул тебе, хотя не поклонился!..

Твое изображение на стене бездушно, но я воздал ему почет!

И все же песня заканчивается нотой тоски, куда, как пейзажный элемент, привлечены бесконечные маневры паровозов:

Горят, страдают и изнемогают паровозы на вокзалах, вперед шагают, пятятся назад—весь мир стоит наперебор моим желаньям. Возможно на человека Божье повеленье! О, пустяки! не обращай вниманья!..

О, как давно мы получали письма! О, как давно! О, если б не забыть

И в тех же Карпатских горах рядом с горцем—солдатом—много русских солдат и много русских офицеров. Все они чужды поэту, и ни один из них не знал об этой песне. Все они—я говорю особенно про офицеров—очевидно, не допускали мысли, что среди добровольцев с Кавказа могут оказаться поэты, великие в своем народе. Эгоцентризм сыграл свою роль. Поэты в нашей среде нам видны, поэты чужой среды—незаметны. Тот же эгоцентризм способен объяснить и то удивительное явление, что со времени П. К. Услара многие десятки русских офицеров и чиновников, людей, учившихся и до известной степени интеллигентных, служили в горах Дагестана и каждый день общались с горцами; из них буквально ни один не занялся собиранием песенного достояния края, не смотря на то, что в этой глуши они имели много досуга. То, что начинает появляться из Дагестана лишь теперь, могло бы, при самом незначительном напряжении нашей наблюдательности, явиться к нам 30 или 40 лет назад.

Когда вы беседуете с аварской интеллигенцией и слышите горячие похвалы Махмуду, вы пытаетесь поставить вопрос: за что же именно Махмуда так любят? Вы пытаетесь выяснить, насколько сами аварцы способны анализировать и разобраться в причинах своего литературного энтузиазма. К удивлению, вы получаете единогласный и совершенно уверенный, совершенно

определенный ответ. Вам говорят, что Махмуд—новатор, что его слова хватают за душу и чаруют именно тем, что это все простые слова. Вам скажут, что в старых песнях было много высоких скал, и парящих орлов, и яркого солнца, и туч, а у Махмуда из Кахаб-Росо этого нет, у Махмуда все просто, простой быт, аульный обиход, простые жизненные отношения, и этот простой быт и обиход поднят на ступень высокой поэзии. Только что написанная нами здесь фраза даже не есть пересказ, а есть прямая, буквальная цитата со слов аварского интеллигента, сказанной нам в Боплихе, Андийского округа. Дальше мы посмотрим, в каком именно смысле надо понимать эту близость поэзии Махмуда к жизни. Здесь мы только хотим сказать, какого взгляда на дело придерживаются сами аварцы. Когда спрашиваешь:

— Первый ли Махмуд начал так писать? и после него так ли пишут? приблизилась ли поэзия к жизни?

Аварцы отвечают:

— Да, после Махмуда пишут так, что Махмудово влияние видно в каждом поэте.

Т. е. это просто ступень развития, ниже которой теперь уже стоять нельзя. Если бы кто-нибудь стал ниже ее, это вышло бы, как они говорят, «не модно», и как сказали бы мы—архаично. До Махмуда же, вообще говоря, так не писали, но называют одного его предшественника, как бы предтечу нового печения. Таким предшественником был Нур-Магома-Дибир из Мистеруха, живший по большей части в Тлохе в девяностых годах прошлого столетия. Он был ученый «алим». Как поэт, он вообще писал в старинном духе, но, полюбив девушку по имени Хистама из аула Амаши около Тлоха, он написал одну песню, употребляя «простые» слова. Эту-то песню и считают предвестием новой поэзии. Из нее нам процитировали слова

И мать больна, и я болею.
Катись, о мир! и пусть я лягу,
как умирающий ложится умирать.
Ты любишь!—говорят мне сверстники—,
и я не знаю, что мне им сказать...
Меня покинула моя подруга,
и я—как дикий зверь, отбившийся от стаи...
Мир на меня накинуд шкуру зверя
и шелковую снял с меня одежду...

Простота этих строк станет читателю яснее, если мы напомним хотя бы о тех старых лирических песнях, которые были записаны П. К. Усларом:

Еслиб был я румский*) царь,
тебя возвел бы на престол,
сам же стал бы пред тобою

*) Румский царь—византийский император.

Если б я владел всем миром,
я весь мир тебе бы отдал!

Я весь мир тебе бы отдал,
сам же стал твоим рабом!

Рай и ад я разделил бы!

Рай я отдал бы тебе,—
ад оставил бы себе!

Но ведь я не румский царь,
но ведь этот мир не мой,
рай и ад не у меня!

Что же дать, чтоб взять тебя?*)

Или:

О жестокая любовь, жестокая любовь,
от мироздания созданная богом!

О любованье глаз! о любованье глаз,
— от бога всем на радость, но на горе мне!

Я, полюбив тебя, могу ли не сгореть?

Тогда я не сгорю и на огне в аду!

Если не потеряю душу, увидав тебя,
и ангел смерти душу не возьмет..

.....

Я—как жемчужина в раю;—

за что же, мой любимый, я не мила тебе?

Я—как Фатима внутри Ка'бы;—

чем провинилась я, что бросил ты меня?**)

Возвращаясь к Махмуду из Кахаб-Росо, надо сказать, что простота его образов идет параллельно с чрезвычайно развитым у него употреблением лексических арабизмов. В этом отношении он является типичным интеллигентским поэтом Аварии. Мы уже говорили, что интеллигенция знает и любит арабский язык. Мы должны еще напомнить, что языки всех народов Переднего Востока, находящихся в мусульманской культурной сфере, полны лексических арабизмов. Этой участи не мог также избежать и аварский язык. Как раз обилие этих арабизмов и свободное с ними обращение указывает нам на то, что в глазах аварца его язык является литературным языком, так же как персидский в глазах перса и турецкий в глазах турка. Самый способ введения этих лексических заимствований совершенно аналогичен процессам, которые мы наблюдаем хотя бы в персидском языке, и отличается большим тактом. Точно также, как и в других языках, заимствуются более всего имена существительные, глагол заимствуется только в именных формах. Получается типичная картина сочетаний из арабского имени и туземного вспомогательного глагола, что обычно дает буквальное значение: делать то-то и то-то. Это открывает легкий путь к введению в язык но-

*) П. К. Услар—Этнография Кавказа—языкознание, III.—Аварский язык.—Тифлис, 1889.—Песня I, стр. 12 и 13.

**) Там же, песня II, стр. 14 и 15.

вых терминов, спрос на которые пред'является вечно-изменяющейся жизнью. Язык аварской интеллигенции в этом отношении имеет перед собою неограниченный простор для движения вперед. Слова эти уже вросли в язык. Когда говорят между собой два интеллигентных аварца, арабизмы мелькают на протяжении всей речи. Живой язык в этой именно форме и отразил Махмуд, не пытаясь его архаизировать. Арабизмы интеллигентской речи проникли в поэзию.

И не только арабизмы. Вся аварская жизнь, в условиях русской государственности, находилась в окружении русских учреждений и русских порядков. Естественно, это влекло за собою вступление в язык довольно обширной терминологии, непосредственно без изменений взятой из русского языка. Это, конечно, не нравилось пуристам, а под пуристами в Аварии надо понимать сторонников арабской речи. Но что делать! Махмуд, как человек живой, стоял выше подобного мелочного отношения к языку и мы предлагаем читателю видеть на небольшом примере, как смело он оперирует с этими русскими заимствованиями. В одной из его песен, изложенных в форме диалога между юношей и девушкой, юноша говорит, после того как решил не добиваться доступа в комнату своей возлюбленной:

. . . . . только ползать мог; я ходить не мог,
на двух ногах не мог стоять.
Я пристыл к земле, я не мог подняться.
А она смотрела с крыши.
У этой стены, в тупике, измученный,
подал я сам на себя мировому судье
за то, что рукой я коснулся ее.
На три года решили в Сибирь!
Сердце приняло!
Я был так изранен—и мне-ль проиграть это дело?
С решения суда снял я копию;
и пойдет мое дело в суд окружной!
Там—я мечтал—можно выиграть!
Но там отказали, сказали:—
На весь мир знаменита царица английская,
и нельзя ее трогать руками!
Этот приговор бог приведет в исполнение!
Я поднялся, вдоль стен ковыляя, пошел...

В приведенных строках сухие и черствые русские термины «мировой» и «окружной» так же звучащие и в аварском тексте, выступают в удивительной роли, рисуя всю нежность чувства и всю чуткость бережного отношения к девушке. Этот пример может дать понятие о том, почему Махмуда сочли в Аварии новатором и почему так полюбили его талант.

Деятельность Махмуда в истории аварской песни совершила перелом, который мы старались здесь охарактеризовать.

Но сама личность поэта принадлежит еще не истории. Она принадлежит разве только вчерашнему дню. Значит: махмудовская песня лежит позади, как завершившая весь цикл своего развития, а песня новая, после—махмудовская, принадлежит еще будущему. И надо сознаться, что это будущее далеко не настолько ясно, чтобы мы с уверенностью могли предсказать дальнейший ход развития. Махмуд, правда, создал школу: он дал поэзии новый язык, он дал новый тон и новые темы, но есть ли у него преемники, равные или близкие ему по силе таланта? Или дело школы Махмуда уже перешло в руки эпигонов? На эти вопросы те материалы, которые пока привезены из Дагестана, не дают ясного ответа. В Аварии все полно еще живым и ярким воспоминанием о Махмуде. Поэты современности, текущего года, пишут стихи на «революционные» темы. Эти стихи, как всякие стихи на тему, конечно, не равны махмудовским; и если среди ныне живущих поэтов Аварии есть подлинный талант, они должны будут несколько лет переждать, и может быть, тогда от них родится чтонибудь и не на тему. Настоящий момент еще не благоприятствует этому: они все, повидимому, учатся, и никто из них не достиг еще зрелости.

Надо учесть еще и тот факт, что в Дагестане, в частности на аварском языке, началась оживленная издательская деятельность. Произведения русской литературы, одно за другим, вливаются в Аварии в хороших переводах. Эта струя русского литературного стиля не может пронестись мимо, пройти бесплодно. Она должна будет оказать свое влияние, но для этого опять нужно время. Вот почему линия будущего развития аварской песни и всей аварской литературы еще так не ясна.

А между тем от того или другого направления, которое примет будущее развитие, зависит многое в Дагестане. Аварский язык—главный язык всей области, «международный» язык всех западных дагестанских племен. В аулах Андийского округа, например в Боплихе, где имеются свои местные языки, начиная с пяти—семи лет всякий мальчик и всякая девочка выучивается в совершенстве, кроме родного, непременно и аварскому языку, так что вы не найдете ни одного взрослого человека, который не знал бы по аварски. И вот мы видим, что во всем этом районе поются песни, кроме может быть колыбельных, исключительно на аварском языке. В отдаленном, лежащем на самой границе с Грузией, Дидо есть, правда, песенки особой формы, сочиненные на родном языке, да изредка среди андийцев попадаются импровизаторы, способные сочинять стихи и на аварском и на родном языке. Назвав эти:

факты, мы перечислили, вероятно, все исключения. Вся же масса племен поет только по-аварски. Если какая-нибудь женщина не умеет по-аварски говорить, она, конечно, знает аварскую песню и умеет по-аварски петь. Такое положение существовало в прошлом, существует на нынешний день, и нет никаких указаний на то, чтобы и будущая аварская песня не сумела послужить ответом на духовные запросы не одних аварцев, но и всех андийских племен. В этом отношении положение аварской литературы замечательно. Здесь мы имеем интересный пример случая, когда круг влияния литературы на языке шире, чем языковая территория и при этом влияние это вне своей языковой территории совершается не через посредство иноязычных литератур, переводов или подражаний, а прямо и непосредственно. С этим положением можно сравнить роль литературы на языках, когда-либо бывших международными (в ином, более широком, масштабе), например, на латинском или французском. Недалеко, правда, пробивается луч аварской поэзии, но все же он уже пробивается в чуждую среду.

Тем больше интереса в изучении прошлых и настоящих судеб этой поэзии. Пусть луч ее пробьется и к нам, в нашу русскую литературу и в литературу европейскую.

Профессор Л. И. Жирков.

Январь 1925.

Посольство от Шамиля к Абадзехам.

Громадна роль, какую сыграл Шамиль в истории Северного Кавказа, ставит в ряд его выдающихся военных и административных талантов. И до сих пор еще не освещена в должной мере вся многосторонняя деятельность этого выдающегося человека.

Сороковые годы XIX в. представляют особый интерес в деятельности Шамиля: в это время он достиг наибольшего успеха.

Неудачная экспедиция князя Воронцова в Дарго и громадные потери в русских войсках без всякого результата окрылили надежды в горах, и значение Шамиля еще больше выросло.

Несмотря, однако, на все удачи и влияние, которыми пользовался Шамиль в Чечне и Дагестане, все же Западный Кавказ давал ему только одиночных участников в его походах против русских войск, а все горское население этого района воздерживалось примкнуть к его борьбе и не вступало в объединение, им созданное. А между тем имевшее место и здесь враждебное настроение против русских и отдельные военные схватки подавали надежду вызвать то одушевление, которое охватывало жителей горных аулов за Терекком.

И вот была сделана попытка увлечь под знамя пророка Абадзехов, а с ними Напухайцев, Шапсугов и прикубанских Бжедухов и тем усилить военные силы, которыми располагал Шамиль.

С этой целью отправляется посольство к этим народам*).

Во главе стоит приближенный Шамиля, Сельмен Эфенди.

Посольство достигло р. Хабль (ныне в Куб. обл). Сельмен-Эфенди посетил аул, где умер Гаджи Магомед.

Совершив поминовение на могиле умершего, Сельмен Эфенди торжественно при всех собравшихся жителях аула объявил, что он не брат Гаджи Магомета, как это думали многие Абадзехи, и произнес отречение от всего его имени и от жены его, предоставив ей свободу располагать своим вдовством. Но при этом он добавил, что в Чечне, действительно, живет

*) Извлечение из военного журнала Атамана Черноморского Казачьего войска.

брап Гаджи Магомета, и потому взял часть оружия покойного и одну из лучших лошадей его для доставления ему.*)

Почтив память Гаджи Магомета, Сельмен Эфенди обнародовал послание Шамиля.

Шамиль обращается к Абадзехам, Шапсугам, Напухайцам и прикубанским Бжедухам и просит их всех во первых, вооружиться во имя Пророка и усилить его войска в Дагестане. При этом указывает, что каждая семья должна выставить одного вооруженного всадника. Те семейства, которые не могут по бедности выставить воина, должны соединиться и от трех семейств выставить коня со сбруей. Во 2-х Шамиль строго запрещает горцам сближаться с русскими в каких бы то ни было отношениях, угрожая в противном случае карами свыше и наказанием от его руки,—по праву верховной власти имама.

Воззвание произвело большое впечатление на горцев, в особенности на молодежь, и в одном ауле на р. Хабле приступили даже к изготовлению красного знамени.

Но были и противники, неподдававшиеся общему увлечению. Между такими среди Шапсугов особенно выделялся дворянин Гамир Роток, который даже на угрозы Сельмена Эфенди прибегнуть к оружию остался со своими приверженцами непреклонным.

Все это происходило 20—27 марта—3 апреля.

Под впечатлением возвания многие народные старшины являлись к Сельмену Эфенди и присягали не допускать сношения с русскими и всеми силами вредить им.

Сельмен Эфенди продвигается далее. Он перешел на реку Белую, ближе к Бесленевцам, и назначил место сбора ополчения (на реке Пессеур).

Часть населения, более мирная и спокойная, настояла на том, чтобы собрать народное совещание.

И вот 2-го апреля состоялось на р. Убинеже собрание Шапсугов и Напухайцев.

После долгих обсуждений все пришли к заключению, что поставит одного воина от каждого двора—это обременительно для народа, что набор должен быть произведен не по числу дворов, а по числу речек, на которых расположены аулы, и что от каждой речки должно быть поставлено 15 всадников под своим особым значком.

Сельмен Эфенди не возражал против такого решения, надеясь соединить эти дружины и действовать с ними против

*) Все это не могло укрыться от внимания русских военных властей и события это передается во всех подробностях в военном журнале—„день за день“—во все время пребывания посольства у Абадзехов (с марта 1845 г.).

других даже мирных Бжедухских племен, чтобы заставить и их примкнуть к соглашению и дать всадников для ополчения, угрожая силою оружия отторгнуть их от союза с русскими.

По сведениям, доставленным лазутчиками, было установлено, что, хотя все непокорные аулы составляют эти дружины по речкам, но между ними возникает сомнение в том, что ополчение выполнит свое назначение, так как народ, непривыкший к дальним походам, не двинется в такой далекий путь, оставляя свои семейства, скот и свое имущество беззащитными,—тем более, что ни Шамиль, ни Сельмен Эфенди не могли доставить продовольствие в дороге, обещания же добычи в пупи и предоставление права всю добычу обращать в свою пользу не встречало доверия в отношении успеха.

Сами же участники дружин высказывали уверенность, что ополчение, если и соберется, то в Чечню не двинется, а будет придирается к мирным аулам и путем всяких насилий домогаться, чтобы и они дали воинов.

При таком выяснившемся разномыслии среди населения Сельмен Эфенди счел необходимым побывать в Чечне.

Отсутствие посла, хотя и временное, не могло не повлиять на настроение даже и тех, кто примкнул к соглашению.

По возвращении Сельмен Эфенди стал усиленно распространять слух о победах Шамиля над русскими, призывая поспешно собрать ополчение, чтобы нанести конечный удар русским, прибавляя, что истинные последователи Корана не должны отказываться от испребления неверных, а потому все должны следовать за ним. Сам Сельмен Эфенди теперь стал называть себя Гаджи Сельмен. В последних числах Апреля на р. Адакуме состоялось совещание Шапсугов и Напухайцев. Выражено было согласие дать в ополчение по 10 вооруженных всадников от каждого аула и для содержания их сделать сбор от каждого двора по пуду пшена, по одному слепку сухого сыру и по одному серебряному рублю, при том решено было воздействовать на тех старшин, которые не присоединяются еще к этому соглашению.

К половине Мая составленное напухайское ополчение стало подвигаться и должно было дойти до р. Псекупса.—пограничной с землями Абадзехов и Шапсугов,—а эта река объявлена была местом сбора и для других племен.

Присутствовавший на собрании Сельмен Эфенди, как сообщают те же лазутчики, показывал бумагу, полученную будто-бы от Шамиля, в которой говорилось, что Шамиль просит поспешить сбором ополчения за Кубанью и что он занял Военно-Грузинскую дорогу с 50 тысячами своих войск и что он будто-бы направляется к Абадзехам.

В то-же время Сельмен Эфенди обнародовал воззвание к Хамбшейскому народу. В нем говорилось:

— «Послушайте правых слов. Вы дали слово и клятву Гаджи Магомету. И бог и пророк-Магомет повелевают, чтобы вы исполнили все, в чем клялись, иначе вы будете нарушителями веры и закона. Предупреждаю вас. Скоро должно что-то совершиться, и кто не слушает меня,— тот будет раскаиваться. Я скоро зайду к вам и всех послушных возьму с собою. Сделайте совещание и пользуйтесь случаем, чтоб не погубить себя.»

На 3-е Мая ополчение должно было собраться на р. Псекупсе и там должны были быть даны окончательные распоряжения относительно дальнейшего движения.

Но несмотря на решения совещаний и все старания Сельмена Эфенди, на деле далеко не так все выполнялось, как говорилось на словах. Вместо назначенных 10 всадников— готовилось только по 5 от ста жителей, но и это не приводилось в исполнение, а назначали только двух от ста жителей. При этом народ ссылался на свою бедность и невозможность дать продовольствие в пути и просил отсрочки под предлогом разномыслия между обществами.

Наконец, Сельмен Эфенди появляется на р. Псекупсе во главе 300 всадников. Отсюда он рассылает гонцов к остальным жителям— принять участие в ополчении и, между прочим шлет к мирным Бжедухам шесть абадзехских старшин и просит их выставить только по одному воину от аула.

Всех собравшихся к нему он предупреждает, что им предстоит трудный путь, всякие лишения, и что они должны приготовиться претерпеть все невзгоды ради свободы отчизны.

О движении этого ополчения был предведомлен начальник правого фланга и были собраны войска, бывшие на работах.

Ввиду этого распоряжения для горцев стало очевидно, что русские готовятся. Несомненно это обстоятельство не осталось без влияния на общее настроение.

Точно также имело большое значение и то соображение, высказанное на совещании, что русские воспользуются уходом такого значительного числа вооруженных людей и двинутся на их место жительства.

— «Как же осмеляться все живое и идти в далекий путь— искать мертвого?»,— добавляли эти осторожные.

Но упавшее настроение населения изменилось, когда к Сельмену Эфенди явился какой-то черкес с бумагой от двух турок и Сельмен Эфенди объявил собравшимся, что на его имя присланы из Турции 200 пистолетов и что они уже пре-

провожаются через Убыхские владения. Оружие это назначается тем, кто вооружится ради имама Шамиля.

Самым торжественным днем в действительности Сельмена Эфенди был день, когда вручали ему привезенные турками пистолеты. При этом прочитано было послание Шамиля, в котором он говорил, что предпринимаются совокупные меры в Чечне и в Турции и что он, Шамиль, имел большое удачное сражение с русскими, окончившееся будто бы без потери у него. Все это значительно подняло настроение не только присутствовавших, но и остальной части горского населения. Сельмен Эфенди с сторонниками двинулся на реку Белую...

Однако, к концу июня месяца воодушевление падает: всадники начинают постепенно исчезать из рядов ополчения, и высказанная ранее мысль об опасности, которая может угрожать здесь, на месте, делается общим мнением.

Обстоятельством, особенно убеждавшим в этом, было то, что собран был отряд у Георгие-Афипского укрепления на Хумаре, который, как говорили осторожные, двинется на разорение их жилищ, как только ополчение направится в путь. Этот неожиданный оборот поставил в крайне затруднительное положение Сельмена Эфенди и задача привезенного „священного“ оружия была приостановлена. Сельмен Эфенди переехал с р. Белой на р. Фац и при нем осталась только небольшая часть Гаджиретов*), с большим трудом удерживаемая им. То влияние, какое имел до сего времени Сельмен Эфенди на горцев, падает, а с ним падает и его значение, как посланца Шамиля.

Потерпев неудачу, Сельмен Эфенди решается навсегда остаться среди Абадзехов для того, чтоб постепенно сплотить разноплеменное и разномыслящее население и объединить общей целью, без чего никакого результата достигнуть нельзя. Началось общее успокоение в горах. В половине августа Сельмен Эфенди объявил, что он уезжает к Шамилю, который настоятельно пребудет его к себе, и прибавил, что через месяц или два он сам лично явится или пришлет бумагу с повелением Шамиля. Так закончилось посольство.

В марте 1826 года наказный Атаман Черноморского казачьего войска обнародовал воззвание ко всем дворянам, духовенству, старшинам и всему Абадзехскому народу, в котором призывал их к покорности, обещая удовлетворение заявленных ими просьб.

Г. Н. Прозрителев.

*) Участники ополчения наз. Гаджиретами.

Этнографический отдел
Даг. Музея. Вход.

داغستان موزه نك
اتنو غرافيا قسيمي

Ювелирная кустарно-художественная промышленность в селении Кубачах.

(К вопросу о ее возрождении).

Селение Кубачи и его промышленность имеют свою долгую историю.

По мнению старинных путешественников и по местным преданиям жипели селения, издавна оружейные мастера, были по происхождению европейцами („франками“), переселившись сперва в Закавказье, а потом в горы во время одного из нашествий монголов. С запада они будто бы унаследовали свой особый, непохожий ни на одно из соседних наречий язык, оружейное дело и искусство отделки предметов вооружения и конской сбруи. Оттуда же они вынесли и христианство, сохранявшееся, по преданиям, в селении Кубачах еще 500 лет тому назад. Сведения эти, распространяемые с XVIII столетия европейскими путешественниками (Гербер, Гильденштедт и др.), не могли не повлиять на собственные предания кубачинцев. В самые последние времена (приблизительно с 1905—6 г. г.) многие из кубачинцев с успехом занимались скупкой на месте старинной восточной фарфоровой и фаянсовой посуды и сбытом ее за границу, ездили с этой целью в крупные западно-европейские центры, между прочим, в Париж, и извлекали значительную прибыль из этого нового занятия. Эти налажившиеся непосредственные сношения с Западной Европой оживили в памяти кубачинцев старинные предания и один из местных стариков, побывавший в Париже, серьезно уверял нас, что кубачинцы происходят от французов, приводя в доказательство некоторые кубачинские слова, случайно сходно звучащие по французски.

Произведенное впервые Дагестанской экспедицией в 1924 г. исследование кубачинского языка показало, что он близок соседним даргинским наречиям, хотя и должен быть признан за особый язык, территориально один из самых маленьких в мире, так как на нем говорит население всего одного аула. Кубачинский язык несомненно один из типичных афетических языков Кавказа. Прямых следов христианства на вещественных памятниках, в виде изображений крестов, или надписей, экспедицией обнаружено не было, а многочисленные барельефы с изображениями похожих на рыцарей воинов, лю-

дей, животных, грифонов и пр., часто с куфическими надписями (или орнаментальными подражаниями им) несомненно относятся уже ко времени мусульманства и были созданы, по всей вероятности, под персидским влиянием, кое в чем корнями уходя еще в сасанидское искусство до VIII века нашей эры. Наконец, сами произведения кубачинского ювелирного мастерства по спилу, орнаменту и рисунку—несомненно восходят к характерным образцам восточного, в частности персидского, искусства, а в технике кубачинский кустарь сохраняет еще многие приемы и навыки восточной старинки, которые были характерны и для русского мастерства до-петровской эпохи.

В работе кубачинского кустика, в самой его технике, сквозит искусство целых поколений. У него нет ни образцов его производства, ни образцов орнаментов, ни готовых вещей, которые он мог бы предложить на выбор своему заказчику или покупателю. Все многочисленные, разнообразные по технике и рисунку, образцы орнаментов и изделий кубачинский мастер взял на память от своего отца и держит исключительно в голове. В его маленькой мастерской зачастую нет ни одной готовой вещи, которую он мог бы вам показать. Но когда вы видите кубачинского резчика (гравера) по металлу, уверенно, с упором на большой палец, водящего своим шпигелем по серебру и кладущего на гладкую поверхность рисунок за рисунком, вы начинаете понимать, что голова и крепкая, ширококостая ладонь—вот его книга образцов, его прейскурант, его учебник и руководство.

Не только способы и технику украшения хранит кубачинский мастер от старинки, от нее же унаследовал он и самый ассортимент своих изделий: это почти исключительно предметы вооружения и военного снаряжения: кинжал, ятаган (кривой кинжал), шашка, в прежние времена кремневый пистолет, и кремневое ружье, кавказский пояс, конская сбруя—седло, стремяна, уздечка, недоуздок, нагрудник, подхвостник и плетень. В древности к ним присоединялись: кольчуга (от которой аул получил свое название), шлем, панцирь и проч.

В течение веков развивая свою специальность, кубачинец выработал и изустный прейскурант на свои изделия, исчисляя стоимость продукта в зависимости от степени и техники его украшения. В основу этого исчисления положено понятие «куска», т. е. отдельной металлической «штуки» (напр. бляхи, пряжки, наконечника и проч.), которая может быть приготовлена из разного материала и в различной технике украшения. В зависимости от числа этих металлических «кусков» или «штук» и повышается или понижается

стоимость всего продукта. Так, например, простейшая форма отделки кинжала пребудет 4-х «кусков»: 2-х гвоздей на рукоятке, металлического пояса на ножнах для подвешивания кинжала к поясу и наконечника на конце ножен. Более богатый тип добавляет сюда еще один кусок—металлическую отделку верхнего края ножен. Техника работы сообщает дальнейшую модификацию—«куски» могут быть из простого нешлифованного железа, или вороненого железа, или железа с серебряной, или бронзовой, или золотой насечкой, или с украшениями из насечки по кости; «куски» могут быть также серебряными с «чернью» и с различными приемами гравировки; наконец, все ножны могут быть целиком металлическими (железными с насечкой или серебряными)—и это будет самым развитым по украшенности, самым «роскошным» типом горского кинжала. В зависимости от числа «кусков», их материала и техники обработки стоит и цена готового оружия. Точно также различается и горский пояс,—эта до сих пор непреходящая принадлежность горского костюма. Простейшая и, казалось бы с европейской точки зрения, самая удобная форма пояса имеет при «куска», с пряжкой, наконечником и подпряжкой (куда вдевается остающийся свободным конец пояса)—имеются и более употребительные еще в недавние времена формы, насчитывающие 35 и даже 52 куска—последняя с многочисленными подвесками по бокам, с отверткой и масленкой и т. д. по своему весу больше похожая на щегольские вериги, чем на необходимую принадлежность туалета. Самые куски на поясе могут быть различны по материалу и обработке: железные, костяные или роговые, с насечкой или без нее, и серебряные с «чернью» или гравировкой. Наконец, так называется седло*) со всеми входящими в него частями насчитывает 120—130—150 таких «кусков».

Различный материал и техника украшения «кусков» порождают издавна различные ремесла в Кубачах, причем некоторые из них родятся почти на наших глазах. Более древние виды мастерства успели развить своеобразное разделение труда. Новейшие, несмотря иногда на полную аналогию техники старых, не выходят за пределы одних рук, одного мастера. Разделение труда захватывает не только отдельных кустарей, но и целые аулы. Так, близлежащий, соседний с Кубачами небольшой аул Амузги, издавна выделывает только спальные клинки для холодного оружия, последнее время почти исключительно для кинжалов. Клинки выделываются здесь или целиком спальные (самый плохой сорт), или спальные с железной «сердцевинной», или, наконец, из «дамасской» стали

*) Конская сбруя.

(т. е. спали, прокованной с железом)—наиболее ценные сорта. Сделав клинок, мастер—амузгинец отдает его для дальнейшей отделки своему кунаку—кубачинцу, с которым он постоянно работает и через которого зачастую получает заказы. И, воп, в Кубачах издавна существует особая специальность—кик нар уста—мастер, отделывающий ножны и роговые рукоятки для кинжалов. Этот мастер приобретает необходимые ему для отделки ножен металлические «куски» у других кубачинских специалистов и т. д. Многие из кубачинских мастеров знают по несколько ремесел и могли бы сами целиком изготовить вещь от куска металла до окончательной отделки, но установившееся разделение труда делает более удобной и для них одну какую-нибудь специальность.

Так, издавна развились в Кубачах гравировочное (по металлу) и насечковое (по металлу и по кости) ремесла. Гравировщик, он же мастер, украшающий серебро узором из «черни» (кабичана) украшает разнообразным по технике орнаментом гладкую поверхность металла, готовую «форму» которого он получает от другого. Эта форма может быть изготовлена способом чеканки или литья и в зависимости от этого имеются две подготовительные специальности: ювелирно-литейная («каюпана») и ювелирно-чеканная (цубла уста—буквально—«белевой мастер») или монтировочная. Литейщик льет преимущественно из серебра различные пряжки, массивные кинжальные ножны и проч. на маленькой глиняной печи, пользуясь древесным углем и примитивным ручным мехом из цельной козьей шкуры. Чеканщик выбивает на крохотных наковальнях маленькими молотками серебряные пластинки, формы для портсигаров и проч., которые гравировщик должен покрыть тонким и замысловатым узором. Конечно, и монтировщик и литейщик работают гораздо быстрее гравера и на каждого из них нормально приходится по 3—4 гравировщика, из рук которых и получается готовый продукт.

Гравировка по металлу—это одно из древних великих искусств, унаследованных кубачинцами, и потому на нем стоит остановиться поподробнее. Когда вы смотрите на готовую, покрытую черным орнаментом вещь, вам и в голову не приходит через сколько различных стадий отделки она прошла и сколько упорного ручного труда и искусства потрачено на простой, казалось бы, узор. В прежние времена, уже мальчиком лет 8-ми приучался будущий мастер резать где-нибудь на обратной стороне старого медного блюда, которое не жалко было испортить, контуры птиц, цветов или подражание узору отца. Постепенно, год за годом, рука подростка крепла, количество узоров в его памяти увеличивалось и переш-

ний взрослый гравер насчитывал их вам десятками. Многие из них носят особые названия. Если вы хотите выбрать рисунок, мастер набрасывает острием на металл несколько орнаментов, в которых неопытный глаз с трудом угадает будущие сложные и разработанные во всех деталях рисунки. Узор, преимущественно растительный, кубачинец привык делить на два типа—«древесный рисунок» («пупта накиш»), т. е. растительный орнамент без цветов, и рисунок—«мархарай», т. е. растительный орнамент с цветами. К этим древним типам прибавляется в последнее время «московский рисунок» (москау накиш), тоже в большинстве случаев цветочный. Отдельные детали рисунка носят также свои названия: «тамга» (отдельный, замкнутый в себе рисунок, медальон), «пархикуан» (лепестковый цветок), «стамбульская голова», «кассальская голова», «франкская голова» (различно спилизованные листки) и т. д.; рамка, в которую оправлен орнамент называется «домом» («кал»), получающим дальнейшие наименования в зависимости от заполняющего его рисунка; напр., «дом рисунка с вау-образными*» головами» и т. д. Самые названия говорят о древних и далеких культурных связях, испытанных кубачинским искусством, в которых еще предстоит разобраться ученым.

Но, воп, рисунок выбран. Его основные контуры начертаны на металле. Начинается долгий процесс оформления орнамента. Чтобы удобнее было держать пластинку в руке или в пинцетах, мастер прежде всего укрепляет ее с помощью черного клея—вара—(кир) на деревянном бруске различной величины (кирра уссул**). Набросав рисунок, он с помощью острого шилообразного четырехгранного шпихеля глубоко вырезает контуры («края») узора. Затем, рельефно вырезается внутренняя часть («низ») контуров для накладывания чернящего состава. На вырезанные места накладывается особой плоской лопаточкой «чернь» («хац») влажный черный порошок из серебра, свинца, меди и серы, который расплавляясь на огне, покрывает черной смоловидной массой поверхность металла. Тогда мастер берет в руки напильник и стачивает образовавшийся черный нагар. Чернь задерживается во врезанных углублениях. Поверхность металла полируется и гладкий узор «черню»—готов. Узор может получиться черным по белому (чибилгун хабиичибзибр) или белым по черному (гумусса хаца).

Дальнейшая обработка узора заключается в вырезывании и украшении фона «белым» (не черным) узором, что в соеди-

*) «вау»—буква арабского алфавита, по форме напоминающая запяту.

**) К таким же деревянным брускам прикрепляются металлические и костяные пластинки при работах насечкой.

нении с узором чернью придает орнаменту большую оживленность. Сначала прорезываются края черногого узора, затем вырезается контур «белого» орнамента; мастер снимает лишний металл между частями рельефа. С помощью особого инструмента (бимбулла) нижний фон набивается шегренивидными почечными узорами. Маленькое долотцо (чибулла) нарезает шприховидный фон на верхних плоскостях рельефа, которые, наконец, гравировются «белым» рисунком (ламц). Так, после 12-ти стадий обработки орнаментальная отделка металла кончена и продукт готов. Работа ведется вручную, на память, и требует большого напряжения, внимания и усидчивости. Мастер работает медленно: серебряная пластинка в 22 см. длины и 2 см. ширины для сплошной обработки своей поверхности образцами различных орнаментов потребовала 2-х—3-х дней работы. Но за это из рук кубачинца выходят совершенные образцы настоящего ручного кустарного производства, где каждая деталь орнамента любовно отделана и не походит на мертвую симметрию механической отделки.

Насечка по железу, (ошибочно называемая обыкновенно насечкой по стали), требует большого труда и искусства. Монтировщик по железу («железный мастер» — мехла уста) изготовляет гладкие железные части, служащие для дальнейшей отделки. Насечник, в руки которого попадает такой железный «кусок», зажимает его на деревянном бруске в тиски и маленьким долотцем (плоским зубилом) и молоточком набивает узор прямо на гладкий металл (даже не рисуя предварительно основных линий орнамента). При этом мастер должен позаботиться не только о правильности линий рисунка, но учесть и деформацию их, получающуюся при дальнейшей технической обработке узора. Здесь особенно строго различают кубачинцы качество работы. Лучшая работа, дающая правильный по рисунку узор, требует вдвое больше времени и соответственно и расценивается.

Набив основные линии узора, мастер ставит особое долотцо поперек их и насекает зубчики по их краям. Затем, зубчики эти загибаются вниз, образуя полые внутри линии контуров орнамента. Мастер берет тонкую металлическую проволоку, в зависимости от ценности заказа — медную, серебряную, томпаковую или золотую, и накладывая ее руками на получившиеся узорные бороздки, ловко забивает ее внутри молоточком. Затем получившаяся поверхность инкрустированной проволоки расклепывается, давая широкие пятна рисунка. Края его обрезаются в резко очерченные контуры и внутри по поверхности инкрустированного металла гравировются некоторые необходимые штрихи. Наконец, поверхность

железа воронится прямо в огне или с помощью горячей золы, приобретая синеватый отлив, и насечка, пройдя 8 стадий обработки, готова. Этот род отделки ценится выше других, как по работе, так и по наиболее ценному материалу — золоту. Золотая насечка в глазах кавказца до сих пор — наиболее роскошный и благородный вид отделки оружия и предметов снаряжения и, вероятно, это одна из древнейших форм кубачинского мастерства.

Аналогичный вид художественной обработки дает в руках кубачинца и кость или рог. Этот хрупкий материал используется обычно как дополнительное украшение в металлической отделке. Так, на железные с золотой насечкой ножны кинжала накладываются иногда отдельные пятна из кости с золотой или серебряной насечкой. Желтоватые тона кости удачно гармонируют с синеватым отливом вороненого железа и создают впечатление богатой художественной отделки, хотя и менее прочной, чем металлическая.

Насечка по кости требует больше времени и внимания, чем по металлу, так как хрупкий материал нуждается в особой осторожности. Поэтому кубачинцы для тонких работ употребляют с большей охотой моржевую, а не слоновую кость. Пластинки — «куски» для насечки изготовляются особым монтировщиком по кости — сликкалла уста — «костяным мастером». Затем мастер-насечник наносит на поверхность кости карандашом контуры орнамента, потом неглубоко прорезает их штихелем. Далее все опорные точки рисунка высверливаются ювелирным сверлом буравчиком. Наконец, особым штихелем с крюкообразным острым концом контуры орнамента углубляются и расширяются в глубине так, чтобы заходящие верхние края крепче держали вложенный в борозды металл. Теперь рисунок готов для инкрустирования. Для этого, как и для насечки по железу употребляется тонкая проволока — медная, серебряная, томпаковая или золотая. Мастер рукой закладывает проволоку в бороздки, осторожно загоняя и расклепывая ее внутри с помощью зубильца и молоточка. Затем, поверхность металла срезается и предмет полируется. Насечка по кости готова после 7 стадий обработки.

В зависимости от хрупкости материала и характер получаемого здесь орнамента отличается от орнамента насечки на металле. Кость не допускает настоящего расклепывания инкрустируемого металла. Поэтому, вместо широких пятен и линий насечки по металлу, на кости орнамент получается в тонких штрихах и точках. Очень красива бывает золотая насечка на черном роге, которой изредка украшаются

рукоятки кинжалов. Кроме насечки, особенно в старые времена, кость иногда украшалась и рельефной резьбой, напр., на ручках пистолетов и п. д.

Несколько особняком от других спойм филигранное мастерство, называемое у кубачинцев «ажуром». Оно во всех своих стадиях не выходит еще за пределы одних рук. Разделение труда не существует. Один и тот же мастер изготавливает нужные для работы материалы и выпускает готовый продукт. Все необходимые для последнего элементы, орнамент и детали изготавливаются, главным образом, из серебра. Мастер оплачивает и выковывает прежде всего длинную тонкую серебряную болванку. Затем пропягивает ее щипцами через различной величины круглые отверстия в железной пластинке, так называемом «цизене». Так постепенно получает он тончайшие номера серебряной проволоки (хатпун ас). С помощью деревянной палочки скатывает он из 2 тонких проволок одну плетеную—«скань» (лоссин). Проволока цельная и плетеная, круглая и сплюснутая молотком, дает материал для целой серии изделий: кружков, зигзагообразных или волнистых линий, завитков, которые по сходству с арабскими буквами называются «вавами» или «кафами», плетенки, называемых «косами» и проч. Другим необходимым элементом является «зернь» («кава») — листы из серебра шарика различной величины. Они также входят, как необходимая деталь орнамента, во всякую филигранную работу. Наконец, преимущественно для бордюров, употребляются и штампованные на тонких серебряных пластинках рельефные узоры — полушария, листки, цветки и п. д. Из этих, заготавливаемых отдельно элементов, филигранный мастер и компанует свой тонкий и замысловатый узор, стремящийся использовать все три измерения.

Фоном для филигрании обычно служит гладкая серебряная пластина различной формы, иногда окрашенная в какой-нибудь яркий цвет. На этой пластине основные контуры рисунка наносятся с помощью припаиваемых вертикально перегородок из сплюснутой проволоки. Эти основные контуры носят на языке мастеров характерное название «нижнего дома». Затем, филигранщик с помощью пинцета заселяет свой «дом» различными тонкими завитками и спиралями — «вавами». Наконец, верх «дома» кроется «зернью», а иногда вторым этажем или, лучше сказать, бель-этажем, из какой-нибудь розетки или кольца, увенчанного «зернью». В целом получаются тонкие и, тем не менее, очень прочные и оригинальные филигранные узоры на гладком фоне: стилизованные «цветки», «листки», «огурцы», рельефные «звездочки» и проч., которые носят на языке мастеров выразительные названия: «цветка» — «пархи-

куана», «червей», «кошкина стула», а такие термины, как «Франкский вав», или «черкесский», «мичигский» рисунки, снова напоминают об отдаленных культурных связях, испытанных кубачинским искусством.

Изготавливаются филигранщиками и настоящие ажурные изделия со сквозным узором.

Филигранные украшения не имеют настоящего применения в кубачинском быту, да и в быту других соседей горцев. Изготавливаются филигранные пряжки для женских поясов, нагрудные украшения, серьги и проч., кажется, исключительно по заказам жителей низменного приморья — пюрков. Этот факт, в связи с отсутствием выработанного разделения труда в филигранном мастерстве, заставляет, по крайней мере, поставить вопрос о сравнительно позднейшем для Кубачей происхождении этой специальности.

Особо следует остановиться на кубачинском медно-литейном и медно-чеканном производствах. В древние времена, конечно, участвовали и они в главной продукции Кубачей — выделке вооружения — брони, лат, шлемов и пр. Но времена переменились, а с ними угасла и эта отрасль производства.

Немногочисленные мастера второй специальности теперь чеканят только некоторые сохраняющиеся по традиции в быту Кубачинца предметы, которыми, кстати сказать, домашняя утварь его резко отличается от обстановки дома жителя даже ближайших соседних аулов. Таков прежде всего большой полупореведерный кувшин для носки воды (мучал), который можно видеть на спине только у кубачинской женщины. Этот своеобразный по форме кувшин, состоящий из двух усеченных конусов, красиво украшен медными заклепками, бляхами, и оригинального вида крышкой из желтой меди (киккуа), красиво выделяющейся на темном фоне окрашенного орехом остова. Кроме того, готовятся медно-чеканщики и малые кувшины для питья (ккуткка), для омовений (ккуннпоэ) и характерные ведро-образные сосуды из желтой меди (нукнусс). Полные рисом переходят они вместе с приданным невесты в дом жениха и служат здесь украшением полок с посудой и эмблемой семейного благополучия. Лишь изредка в воспоминание о прошлой своей специальности делает такой мастер медный шлем и маску для «шаха» — главной роли в шуточном представлении, разыгрываемом на кубачинских свадьбах. Все свои изделия чеканщик украшает бляхами, заклепками, подвесными кольцами, точечным шпиривым или широко-рельефным орнаментом геометрического типа.

Листовую медь для своих изделий в довоенные времена мастера-чеканщики получали в готовом виде. Теперь они са-

ми принуждены выплавлять болванки и перековывать их в листы. Это значительно удлинняет и затрудняет процесс работы и удорожает продукцию, цены которой сравнительно с ювелирными несоразмерно велики. Простой водоносный кувшин, роль которого в хозяйстве кубачинца аналогична роли нашего ведра, стоит от 10 рублей и дороже.

Мастерство чеканки по меди сейчас умирает. Это видно и по несоразмерно высоким ценам, и по малочисленности мастеров и по полной ограниченности и замкнутости их рынка. Чеканщик обслуживает сейчас исключительно самих кубачинцев, а изделия его доживают свой век, в виде традиционных форм утвари, связанных с наиболее консервативными чертами кубачинского быта,—с бытом местной женщины—хозяйки.

Медно-литейщик изготавливает сейчас исключительно котлы для варки пищи—традиционной формы и различных издавна установившихся размеров. Размеры котлов исчисляются фунтами металла. Так существует—100 кулаховый (кулаха—гиря в шесть золотников) котел, котлы в 2, 3, 4 и 6 япалов (япал—гиря в 6 фунтов), из которых последний размер теперь уже не изготавливается. Заготовив известное количество продукции, мастер обычно сам развозит ее по соседним аулам для продажи. Малоупотребительный малый размер котла, служащий для хранения женских украшений, или небольшие медные свепильники древней формы, восходящей еще к античным образцам, можно опливать только по заказу.

Опливка и все процессы обработки котла проводятся вручную обычно одним и тем же мастером. В небольшой мастерской, где стены и потолок покрыты зеленоватым налетом окислов меди, помещается глиняная печь ведрообразной формы, в которой на древесном угле плавится металл, стеклая на ковшевидный под. Подросток—девочка раздувает мех, а мастер готовит форму. Долго и тщательно деревянной лопаточкой и руками перемешивает он однородную смесь глины и песка, употребляемую для изготовления формы. Моделью служит простой готовый медный котел. Сначала смесью наполняется нижняя часть формы и мастер долго с помощью лопаточки уплотняет и упрямбовывает песчаную массу. Затем сверху на котел надевается медный клеткообразный каркас и столь же тщательно начинает мастер уплотнять свою смесь между его клетками. Осторожно сняв затем верх формы, вынув котел и снова сложив обе половинки ее, литейщик получает готовую к опливке полую внутри форму. Тщательно скрепив по краям обе ее половинки, мастер вешает свою форму на цепи для просушки над плавильной печью.

В мастерской становится невыносимо жарко от накалив-

шейся печи. Мастер работает над формой, обливаясь потом. Однако, он должен соблюдать величайшую осторожность. Стоит хотя бы одной капле пота попасть в форму—и опливка безнадежно испорчена. Жидкость, превращаясь в пар, даст пузырь в металле и мастеру придется начинать работу сначала.

Металл льется прямо из печного пода, как из ковша, в отверстие, сделанное в верхней части формы и заполняет постепенно внутреннюю полость, начиная с краев котла и кончая его дном. Чтобы облегчить воздуху свободный выход из внутреннего пространства, форма перед опливкой приводится в несколько наклонное положение. Через 20 минут готовый котел извлекается из формы и стбнет на полу мастерской. Каркасы освобождаются от песчаной массы, последняя увлажняется, снова тщательно перемешивается и процесс опливки начинается сначала. Опливка одного котла занимает два с половиной—три часа и в день один мастер может изготовить при самой напряженной работе не более трех штук. Наготовив котлы, литейщик обтачивает их внутреннюю поверхность, пользуясь примитивнейшим токарным станком, с огромным деревянным колесом—маховиком. Инструментом для обтачивания служит кривой железный нож на длинной деревянной ручке. Котел вставляется в широкую котлообразную деревянную муфту, в которой удерживается деревянными клиньями и мастер точит, налегая всем телом на свой нож, в то время, как его помощник приводит в движение неуклюжий маховик.

Число медно-литейщиков в Кубачах так же незначительно, как и чеканщиков, и ремесло их находится приблизительно в том же, похожем на агонию, состоянии.

Наиболее древние виды ремесла в Кубачах развили и наибольшую специализацию и разделение труда. Таковы несомненно оружейное и сбруйно-отделочное дело. Здесь мы имеем следующие специальности: ружейник («тупанчналла уста»), выделывающий металлические части и части механизмов огнестрельного оружия, и прикладчик, выделывающий деревянные части ружей и пистолетов («ажмалла уста», по старинному: «кундакалла уста»). Старые формы оружия вытесняются новыми и вместе с ними сходят со сцены и целые отрасли ремесла, как, например кремневщики, изготавливавшие старинные, длинноствольные кремневые пистолеты. Однако и эти отрасли проявляют удивительную живучесть и приспособляемость. Конкурируя с новым фабричным, автоматическим и нарезным оружием, местные мастера, особенно в соседнем с Кубачами селении Харбук, издавна готовящем железные

изделия, выпускают самодельные ружья и даже настоящие винтовки с нарезным дулом, собственной фабрикацией, при чем этого рода изделия отдельных мастеров пользуются известной славой в округе. Спаринный кремневый пистолет приобретает в руках современного мастера револьверобразную плоскую форму одно—или двухдульного пистолетного пистолета, своей дешевизной конкурирующего с фабричными револьверами. И уже, конечно, все мастера—ружейники специализировались на ремонте и сборке оружия всех систем. Изобретательность и знание частей ружейного механизма проявляются иногда в удачном комбинировании частей различных систем и какая-нибудь винтовка, удачно собранная из русской, японской, германской и австрийской, приобретает славу создавшему ее мастеру. В Харбуке же изготовляют и самодельные патроны к огнестрельному оружию всех пипов.

В сбруйно-отделочном деле, сосредоточенном в селении Кубачах, различаются: пряжечники, чеканящие из металла (главным образом железа) формы пряжек, украшающих седла и подпруги; стремянники, выковывающие стремяна, и удильщики, изготовляющие железные удила. Для украшения изготовленных металлических частей сбруи привлекаются в зависимости от техники и материала отделки соответствующие по специальности мастера: насечники или гравировщики, а кожаные части седла изготовляются шорником (не кубачинская специальность).

Выше мы уже видели, что проспой кинжал (как и другое холодное оружие) проходит через 3—4 пары рук, пока не превратится в готовое изделие.

Отстоявшиеся веками приемы выделки и художественной отделки в предметах исконной продукции Кубачей дают наиболее законченные образцы кубачинского мастерства и искусства: таково, несомненно, оружие,—особенно холодное оружие. В частности форма, например, кинжала за долгие века своего существования успела выработать настолько устойчивые пропорции, что для хорошего мастера—отделочника кинжалов простое увеличение длины рукоятки на один палец уже ставит вопрос об обязательном изменении величины и пропорции всего кинжала. Чутье пропорции у хорошего мастера этого рода настолько развито, что выпускаемый им кинжал, даже без дальнейшей художественной обработки металлических кусков, может считаться изящным и художественно законченным произведением прикладного искусства. Однако, и на эти наиболее устойчивые формы кубачинского мастерства влияет смена вкусов и моды. Так, на памяти теперешних мастеров успели смениться более широкая и длинная форма кинжала—

более короткой и узкой, пирамидальная форма гвоздей на рукоятки—из высокой и узкой стала с еле видимым перегибом и т. д. Но все эти мелкие изменения в конечном счете стоят в связи с общей историей кубачинской промышленности и определяются железными законами экономических отношений.

История кубачинской промышленности, так же, как и история Кубачей, еще никем не написана. Мы можем для более позднего времени только наметить ее основные черты.

История кубачинской кустарной промышленности за последнее столетие—это история завоевания новых рынков, приспособления к ним и быстрого падения вслед за кратковременным расцветом.

Кубачи известны из местных арабских источников под персидским именем زرہ کران, т. е. «делатели кольчуг», что должно указывать на ранние торговые связи с Закавказьем и Персией, отчасти сохранявшиеся у кубачинцев до последнего времени. Завоевание Кавказа русскими положило предел этим связям и Кубачи приспособляются к новому рынку. Казачество, русские войска, в особенности их привилегированные слои—офицерство, администрация—быстро становятся потребителями кавказского оружия, оценивая всю практичность и оригинальность его местной отделки. В городах и на вновь основанных курортах серебряные ложки, портсигары, мундштуки, брошки и проч. безделушки, отделанные в кавказском стиле, начинают служить предметом оживленного спроса русской буржуазии. Предприимчивые от природы кубачинцы, привыкшие к непосредственной работе на заказчика, выезжают из своих гор, и их маленькие мастерские, под именем лезгинских, рассеиваются по всем крупным центрам Кавказа, Закавказья и даже России. Безделушки, покрытые черневым рисунком с надписью „Кавказ“, становятся почти неизбежной подробностью курортного быта и в массе появляются далеко за пределами Кавказа. Однако, этот расцвет с самого начала таит в себе признаки неизбежного увядания. Появляются фабричные подделки под кавказское серебро. Сами кубачинцы стремятся удешевить производство и частично усваивают фабричные способы работы: начинают штамповать узор, переходя на дешевые сплавы и имитации сложных приемов выделки. Так возникают в Кубачах новые отрасли производства: «варшавский мастер» (варшавла уста), изготовляющий изделия из польского серебра—дешевую и аляповатую подделку под серебрянную чернь, и, как выражаются кубачинцы, «накладывающий линии (кирсла диххана) мастер»—особый вид работы, имитирующий золотую насечку. Наконец, в самое последнее время возникает эмалевое производство, которым сейчас в

Кубачах занимается, кажется, всего два мастера. Они горячим способом накладывают покупную эмаль на штампованные неглубоким рельефом серебряные мундштуки или на ручную резьбу *intaglio*. Как вновь возникшие производства эмалевое и «варшавское» не выходят за пределы одних рук, изготавливающих все, начиная с куска металла и кончая отделанным продуктом.

Здесь мы воочию видим всю глубину падения кубачинского мастерства, от художественной ручной работы перешедшего к фабричному штампу и от прочной, веками сохраняющейся отделки безупречного по своей форме оружия — к производству хрупких, несовершенных по технике выполнения безделушек.

Приспособление ко вкусам и потребностям нового рынка не прошло даром для Кубачей. В результате, так называемое «кавказское серебро» так надоедает, так дискредитирует себя в глазах покупателя, что сейчас почти не имеет уже сбыта на русском рынке. Единственным прочным спросом пользовалась до последнего времени кавказская отделка холодного оружия, но революция и гражданская война смели основной кадр его покупателей и даже в этой области кубачинский кустарь сидит сейчас без работы.

Кубачинское производство умирает медленной, но верной смертью. Оно потеряло своих потребителей в городах. Современная налоговая политика не имеет оснований щадить кустаря — ювелира. И все меньше и меньше мастерских остается в городских центрах и все больше безработных кустарей стекается обратно в родной аул.

Здесь, однако, кубачинцу обслуживать некого, потому что его производство уже давно перестроилось с расчетом на городской рынок широкий сбыт. Редкие заказы, присылаемые иногда из соседних административных центров, настолько случайны, что вычислить скольконибудь типичный бюджет отдельного мастера оказывается совершенно невозможным. В прежнее время самой низкой заработной платой для мастера, нанимавшегося к владельцу мастерской, был 1 рубль в день. Лучшие мастера зарабатывали от 3-х рублей и дороже. Теперь даже лучшие мастера сидят неделями без работы. Земледелием кубачинцы издавна не занимаются, получая продукты питания из соседних селений в обмен на свои изделия. И сейчас весь громадный аул, похожий на старейший средневековый город, лепящийся по обрыву, недавно насчитывавший до шести тысяч населения, пустеет и постепенно разрушается. Экономическая необходимость, заставлявшая прежде рано использовать труд подростка в производстве, с малолетства

в семье приучала кубачинцев и к мастерству; это был единственный способ, каким веками устоявшиеся приемы кубачинского искусства и образцы его орнаментов и стили передавались от старшего поколения к младшему и поддерживали его неумирающую традицию. Теперь, как жаловался нам один из старых мастеров, подростков не на чем обучать мастерству: нет заказов, пройдет некоторое время, умрут или разбредутся лучшие старики мастера и традиция порвется окончательно. Древнее ювелирное искусство Дагестана исчезнет и не останется никаких данных на которых можно было бы строить его возрождение.

А между тем, кубачинская художественная промышленность имеет все данные, чтобы возродиться и приобрести в современных условиях государственное-важное значение. Своеобразный восточный колорит, тщательность и вместе с тем примитивная традиционность ручной художественной отделки, могли бы сообщить кубачинским изделиям особую привлекательность в глазах западно-европейского и в особенности американского покупателя-коллекционера и ценителя кустарного искусства. Вспомним, каким прочным и большим успехом пользуются ручные художественные изделия русских кустарей на заграничном рынке.

Чтобы завоевать такое прочное положение и стать высоко ценным экспортным товаром, кубачинское производство пребудет коренной реорганизации. Не буду останавливаться сейчас на чисто художественной стороне кубачинских изделий. Эта тема достойна специальной разработки ее. Но первое, что необходимо сделать на этом пути — это выработать новый ассортимент товаров, которые могли бы служить предметом экспортного спроса, так как ни оружие, ни аляповатые безделушки, ни топорные портсигары с надписями заграничным спросом конечно, пользоваться не будут. Монтировочное производство в Кубачах стоит на самой низкой стадии технического развития и должно быть в корне реорганизовано. Формы таких вещей широкого потребления, как портсигар, мундштук, металлические части сервировки, принадлежности письменного стола, дамского туалета и проч. вещей, в большинстве Кубачами не производившихся, должны быть вполне приурочены ко вкусам избалованного в этом отношении, привыкшего даже в мелочах к комфортабельной целесообразности иностранца. Достигнуть этого при современном уровне своей техники кубачинские монтировщики и литейщики не могут. Поэтому можно идти двумя путями: во первых, обучать кубачинских мастеров технически-современным способом изготовления форм (токарный станок, нарезка

винтов, гальванопластика и проч.), и, во вторых, пробовать ввозить в Кубачи готовые изделия, организовав здесь лишь художественную их отделку. Какой из двух способов окажется практичнее, заранее сказать нельзя.

Организация производства в самих Кубачах—это лишь одна сторона работы. Другой стороной должно явиться ознакомление будущего покупателя с лучшими образцами местных изделий. Ведь кубачинцев за границей знают, пожалуй, больше, как продавцов старинной восточной посуды и даже как ее ловких подделывателей. Кавказские ювелирные изделия, если и известны, то скорее в таких образцах, на которые лучше, может быть, совсем не ссылаться. Отсюда вытекает другая сторона предварительной работы: выпуск в свет богато иллюстрированного, предназначенного для за границы издания или ряда изданий, посвященных кубачинской промышленности, а так же интереснейшему внешнему облику и быту аула, его древностям и истории. Все вместе взятое заинтересует известные круги иностранной буржуазии, в особенности, в Америке, где интерес к Кавказу вообще велик, и создаст благоприятную атмосферу для развития будущего спроса.

Самым же действительным средством для этой цели будет устройство специальной выставки образцов кубачинских изделий, которая об'ехала бы западно-европейские центры и, как другие кустарные выставки, явилась бы одновременно органом для завязывания коммерческих связей и приема заказов. Для выставки должно быть собрано или изготовлено под специальным научно-художественным наблюдением достаточное количество действительно совершенных образцов, которые в будущем могли бы производиться кубачинскими кустарями. Основным принципом для такого подбора должно быть применение кубачинской художественной отделки к новым технически совершенным образцам изделий, необходимых в западно-европейском обиходе. Ни одна из базарных и опошлившихся форм, обычных для кавказского серебра, не должна найти места на выставке. Только тогда мы можем рассчитывать оживить интерес к кубачинскому производству даже на русском рынке.

В качестве дополнительного материала на выставке можно демонстрировать орудия и процесс кустарного производства в Кубачах, быт аула, его древности и проч..

Рассмотрим некоторые статистико-экономические сведения о Кубачах и их производстве, которые помогут нам установить экономические перспективы и размеры намечаемой продукции.

Кубачи сейчас насчитывают до 2-х тысяч жителей. В

ауле на лицо до 180 взрослых мастеров различных специальностей; считая горскую кубачинскую семью в среднем в 6 человек*), мы приходим к выводу, что в каждом кубачинском семействе имеется мастер, и что все население аула целиком состоит из кустарей профессионалов.

Если скинуть из этого количества около 40 человек кинжалообделочников, ружейников и других специалистов, которые нас пока не интересуют, останется круглым счетом до 150 мастеров, на которых и должно базироваться кубачинское производство в ближайшие годы своего развития. Исчисляя годовую продукцию одного мастера в среднем минимально в 600—700 рублей (точные цифры отсутствуют) мы можем рассчитывать на годовой оборот в 100 тысяч рублей. Для такой продукции при вполне налаженном сбыте и производстве необходимо был бы оборотный капитал в 10—15 тысяч рублей, который мог бы дать до 100 процентов чистой годовой прибыли.

Кубачинская промышленность, как видели, не может называться грандиозной по своему размеру. Однако, она имеет перспективы дальнейшего расширения. При первом же успехе экспортных операций в Кубачи вернутся и примут участие в производстве еще до 50 человек кубачинских мастеров, рассеянных сейчас по городам Кавказа. Затем, по доставленным нам сведениям, аналогичную продукцию можно организовать и в ауле Чох, Гунибского округа, где основным занятием населения так же является кустарное, ювелирное производство. Наконец, сюда же в конце концов будут привлечены и те рассеянные по многим аулам Дагестана одиночки кустари-ювелиры, число которых сейчас учесть чрезвычайно трудно.

При экспортировании кубачинских изделий может возникнуть вопрос о целесообразности вывоза за границу драгоценных металлов, главным образом серебра и в небольших размерах золота. Однако, мне думается, это затруднение можно будет устранить, приняв за правило оплату ювелирных товаров звонкой монетой или доставкой заказчиками необходимого для работ металла.

Необходимо учесть, кроме непосредственного экономического, и политическое значение, которое будет иметь для Дагестанской ССР хотя бы только безубыточная на первое время организация продукции кубачинских изделий. Именно здесь в Кубачах и в своеобразном «кустарно-промышленном кусте», который представляют из себя ряд окрестных селений (Амузги с выделкой клинков, Харбук с выделкой железных

*) Пользуюсь цифрой, установленной для горского населения б. Терской области.

изделий и огнестрельного оружия, Сулевкент с гончарным производством и т. д. и т. д.), сохраняются в туземном населении те технические навыки и экономические отношения, которые позволяют Дагестану найти именно здесь первые национальные кадры пролетариата для металлургической, горной, и иной промышленности, развитие которую Дагестан имеет столько естественных возможностей. Поднятие кубачинской промышленности косвенно поддержит производство и других соседних аулов, а это даст возможность Дагестану сохранить здоровое ядро будущего местного пролетариата.

Следует принять во внимание также и то значение, какое будет иметь во всесоюзном масштабе завоевание иностранного рынка новой отраслью союзного производства, — маленкая, но все же несомненная деталь в деле укрепления нашего активного баланса внешней торговли. Тем значительнее этот вопрос для Дагестана, которому я думаю, во многих отношениях будет не бесполезно получать ежегодно на несколько тысяч рублей иностранной валюты и выбрасывать на зарубежный рынок по несколько тысяч предметов широкого потребления под скромной, но красноречивой маркой «Made in Daghستان SSR» («Изготовлено в Дагестане ССР»).

Но для Дагестана это будет, конечно, лишь первым шагом в деле налаживания своего собственного экспорта. Вторым шагом явится без сомнения организация для этой цели коврового кустарного производства, еще более значительного по размерам и прибылям. Не лишнее будет со временем поставить вопрос и о деревообделочном художественно-кустарном производстве и т. д. и т. д.

Вопрос о поднятии художественно-кустарной промышленности сейчас становится особенно актуальным во всесоюзном масштабе. Им занимаются Госплан и Главнаука и Дагестану необходимо использовать это внимание для включения вопроса о местной кустарной промышленности в план всеобщих мероприятий по поднятию этой стороны своего производства.

Профессор Н. Ф. Яковлев.

Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН

instituteofhistory.ru

Некоторые естественные строительные камни из окрестностей г. Темир-Хан-Шуры.

Одной из главных задач переживаемого времени является развитие промышленности, восстановление экономической жизни страны и поднятие ее производительных сил.

Далеко не последнюю роль в этом восстановлении играет «строительство» в буквальном смысле слова во всех без исключения областях народного хозяйства.

Для возможности этого строительства необходимо иметь подходящие материалы, а потому, естественно, вопрос об исследовании природных богатств в этой области является весьма себебным. На счастье, мы не можем пожаловаться на недостаток природных запасов этих богатств, но, к сожалению, мы в большинстве случаев не знаем не только каковы их качества, но даже где их можно найти. В самом деле, все мы знаем, это Кавказ — неисчерпаемый источник всякого рода богатств и в частности строительных камней, но где их можно найти и каковы их свойства, мы совершенно не знаем. Не представляет в этом отношении исключения и Дагестан, а между тем в нем безусловно имеются огромные запасы естественных строительных камней, могущих при надлежащем изучении их найти широкое применение и сделаться источником для усиления средств народного хозяйства Республики.

Занимаясь с 1907 года изучением естественных строительных материалов на юге СССР и в частности на Кавказе и имея в своем распоряжении данные о некоторых камнях Дагестана, а именно, из окрестностей г. Темир-Хан-Шуры, я позволяю себе дать главные сведения о них в этой статье с целью не только восполнить пробел в наших знаниях о свойствах Кавказских строительных камней, сколько с желанием заинтересовать этим вопросом тех, кому его ведать надлежит, и тем ускорить осуществление планомерного исследования и изучения природных богатств края в этой области. Такое исследование, бесспорно, должно быть одной из составных частей общего плана изучения и исследования страны в целях поднятия ее производительных сил.

Все описанные в этой статье камни доставлены на испытание б. О-вом Владикавказской (ныне Северо-Кавказских) ж. д. при постройке Темир-Хан-Шуринской ветви и добыты в окрестностях г. Темир-Хан-Шурбы.

Названия камней и места их ломок таковы*).

1 (92). Копчугайский бурожелезистый песчаник из ломок Бипилоу близ аула Копчугай.

2 (93). Темир-Хан-Шуринский известняк (мергель) в 25 верстах от г. Темир-Хан-Шурбы.

3 (94). Каранайский известняк у с. Каранай близ г. Темир-Хан-Шурбы.

4 (95). Казанищевский плотный известняк близ аула Верхние Казанищи близ г. Т.-Х.-Шурбы.

5 (96). Дженгутайский известняк близ селения Верхний Дженгутай, верстах в 20 от г. Т.-Х.-Шурбы.

Копчугайский бурожелезистый песчаник (№ 92 а и б).

Камень этот добыт из принадлежавших Бипилоу ломок, находящихся на четырнадцатой версте Т.-Х.-Шуринской ветви С. К. ж. д. близ аула Копчугай (Таркинского участка). Ломки были вскрыты при начале постройки названной жел. дор. ветки для добычи камня на постройку искусственных сооружений. До этого он нигде не применялся, а потому местных сведений о сопротивлении выветриванию не имеется, хотя по внешнему виду отдельных камней он сопротивляется морозу хорошо. Особенностью ломок является наличие в них двух пластов камня, отличающихся окраской и называемых «красный камень» и «белый камень», очевидно обусловленной количеством окрашивающих их примесей. Впрочем, разница между пластами сказывается не только в окраске, но и в механических и физико-технических свойствах, как это видно из приведенных ниже результатов лабораторных исследований.

Цвет породы бурый, сложение от среднезернистого до мелкозернистого. Это бурожелезистый песчаник с очень небольшим содержанием глауконита. Размеры зерен кварца двух главных категорий: более крупные—в среднем около 0,9-1,4 миллиметра и более мелкие—в среднем около 0,3 мм. Цемент состоит из почти непрозрачных бурых окислов железа, в зависимости от количества которых находится окраска камня. Зерна кварца, особенно более крупные, довольно хорошо окатаны. Иногда встречаются зерна мелкозернистого кварцита,

*) Номер обозначает: первый—порядковый в данной статье, а второй—по порядку общего перечня изученных камней.

еще реже—плагиоклаз, микроклин, листочки биопита, москovi-та и кальций.

Свойства камней разной окраски различны.

а.—«Красный камень». Объемный вес камня (вес одного куб. см.) равен 2,47 грамма. Насыщаемость небольшая, равная в течение 4 дней по весу—1,2% или по объему—2,9%. Коэффициент безопасности (отношение груза первой трещины к раздавливающему грузу) у сухих образцов только—0,52, тогда как у насыщенных—1,00. Коэффициент размокания равен 1,00, т. е. камень при насыщении ничего не теряет в своем сопротивлении раздавливанию, которое для сухих образцов равно 1087 кг. на кв. см. При этом интересно обратить внимание на то, хотя быть может и случайное, обстоятельство, что сопротивление образца, подвергнувшегося 25-кратному повторному замораживанию, увеличилось по сравнению с сухим до 1210 кг на кв. см. Таким образом, по своим механическим свойствам «красный камень» оказывается по предложенной мною классификации крепким камнем высшего качества.

б.—«Белый камень». В отличие от «красного» этот камень имеет значительно меньший объемный вес—всего 1,99 г и обладает значительно большей насыщаемостью, а именно, в течение тех же 4 дней насыщаемость весовая равна—9%, а объемная—18%. При одинаковом для сухих и насыщенных образцов коэффициенте безопасности, равном в среднем—0,96, «белый камень» более чем вдвое слабее «красного». Так, сопротивление раздавливанию «белого камня» равно только 417 кг. на кв. см, причем оно почти не меняется ни у насыщенных, ни у замороженных образцов. В зависимости от указанных механических свойств «белый камень» уже относится к камням средней крепости низшего качества.

Что касается морозоупорности и «красного» и «белого» камней, то здесь при лабораторных исследованиях получились два совершенно противоречивых результата. При изучении 1-ой пробы, физико-технические и механические свойства которой только что описаны, оба сорта камня выдержали без всяких повреждений нормальную 25-кратную пробу на замораживание, ничего не потерявши и даже отчасти приобретши в своем сопротивлении раздавливанию. Вторая же проба камней, присланная исключительно для испытания на мороз, этой пробы не выдержала. Так, у «красного камня» после 4-го замораживания обнаружилось окатывание граней, продолжавшееся и при последующих пробах. У образцов же «белого камня» обнаружено слабое выкрашивание по ребрам после 9-го замораживания, усилившееся после 15-го. При этом все испытанные образцы утратили свою правильную кубическую форму.

По поводу только—что приведенных результатов интересно отметить, что в это время как при первой пробе «красный камень» имел очень малую насыщаемость, при второй пробе она оказалась значительно больше и почти сравнялась с насыщаемостью «белого камня». Полагая, что при первой пробе были испытаны свежие камни из только—что вскрытых ломов, а при второй—камни уже подвергавшиеся влиянию различных атмосферных деятелей, можно предположить, что описываемый Копчугайский бурно-железистый песчаник должен на практике оказаться не морозоупорным и сравнительно легко выветривающимся.

Темир-Хан-Шуринский известняк (мергель № 93).

Камень этот добыт из еще не разработывавшихся ломов, находящихся в 26 верстах от г. Темир-Хан-Шурь. Его предполагалось использовать для сооружения опор мостов и труб Т-Х-Шуринской ветви С. К. ж. д.

На вид это сероватобелая с желтоватыми крапинками, марающая руки, порода. Главная масса шифа состоит из известкового шпата (кальцита). Сложение ее неоднородное, благодаря присутствию многочисленных перекристаллизованных участков того же кальцита на местах различных, большей частью неопределимых, органических остатков. Несомненно только присутствие различных фораминифер, характерных для остатков мелового возраста; их много. Сложение породы в общем очень мелкозернистое. В очень небольшом количестве попадаются мелкие зерна кварца и глауконита. Кое-где имеются пятна бурых водных окислов железа. Глина примешана в мелкозернистой массе, цементирующей перекристаллизованные участки кальцитового вещества.

Обладая по лабораторным данным очень высоким сопротивлением раздавливанию, равным 1080 кг на кв. см, камень этот относится к крепким камням высшего качества. При насыщении водою он теряет в своем сопротивлении раздавливанию до 35%, что объясняется его большой насыщаемостью, равной в течение 2 дней по весу—4,6%, а по объему—10,3%. Однако, несмотря на такую большую насыщаемость, камень оказался морозоупорным, выдерживал без повреждений 25-кратное повторное замораживание при нормальной лабораторной пробе на мороз. В связи с большим размоканием камня находится и его коэффициент безопасности, который, будучи равен для сухих образцов—0,90, для насыщенных вдвое меньше и равен только—0,43. Объемный вес камня равен 2,22 грамма

Каранайский известняк (№ 94).

Камень добыт из ломов у с. Каранай вблизи г. Т-Х-Шурь.

По внешнему виду это серый плотный, мелкозернистый известняк. Объемный вес его равен—2,55 грамма.

Под микроскопом видно, что этот известняк сплошь почти состоит из остатков микроорганизмов, главным образом из фораминифер, типичных для мела. В ничтожных количествах в общей массе разбросаны в разных местах зерна кварца.

Образцы камня при нормальной лабораторной пробе на мороз испытание 25 кратным повторным замораживанием выдерживали без всяких повреждений, что вполне объясняется их ничтожным насыщением водою, равном на вес—0,45%, а на объем—1,15%.

Казанищевский плотный известняк (№ 95).

Камень добыт из ломов, расположенных на общественной земле возле аула Верхние Казанищи, Т-Х-Шуринского участка. Ломки разработываются уже давно для местных нужд, причем камень применяется, главным образом, на постройку домов. Под влиянием атмосферных деятелей в некоторых постройках камни дали трещины.

Под микроскопом видна крайне мелкозернистая, действующая на поляризованный свет, однородная масса кальцита. Никаких посторонних примесей, бросающихся в глаза, не замечается.

Объемный вес камня равен—2,89 грамма. Образцы его были доставлены специально для пробы на мороз. Несмотря на сравнительно небольшое насыщение, равное на вес—2,45%, а на объем—6,09% образцы испытания на мороз не выдержали. Образцы начали страдать от мороза с 1-го же замораживания, страдания камней были настолько значительны, что испытание было прекращено после 9-го замораживания, причем все образцы оказались расколовшимися.

Дженгутайский известняк (№ 96).

Камень добыт близ селения Верхний Дженгутай, верстах в 20 от г. Т-Х-Шурь.

Это мелкозернистый известняк, почти лишенный обломочного кварца. Встречается довольно много остатков микроорганизмов, перекристаллизовавшихся в кальцит.

Образцы камня подвергались только пробе на мороз, причем в частях образцов, имеющих включения и прослойки слабо желтого цвета, после 9-го замораживания обнаружены отколы и выкрашивания, продолжавшиеся и при последующих пробах. Таким образом, камень оказался не морозоупорным, что объясняется его большой насыщаемостью, равной по весу—8,1%, а на объем—16,4%

Объемный вес камня равен—2,02 грамма.

Из приведенных кратких, случайных, не систематических исследований ясно видно, что в Дагестане можно найти камни, залуживающие серьезного внимания специалистов. Поэтому, заканчивая настоящую статью, я еще раз говорю, что детальное выявление, исследование и изучение камней Дагестана — одна из первоочередных задач молодой Республики.

Новочеркасск,
Ноябрь, 1925 г.

Заведующий Лабораторией
испытания материалов ДПИ.
Профессор **Н. М. Абрамов.**

Заметка о сернистых источниках Дагестана.

Дагестан богат минерализованными источниками — углекислыми, щелочными, щелочно-железистыми и особенно разного рода сернистыми, — правильнее сульфидными или сероводородными. Многие из них известны только местным жителям, многие недоступны по отсутствию путей сообщения и рельефу местности, но некоторые получили уже общественное значение и доступны не только для местного населения.

Таковы Миатлинские, Каякентские, Ахтинские и Талгинские сульфидные и щелочные источники. Все они горячие, с температурой от 37,7 до 54°C и даже выше.

Талгинский источник.

Особого внимания заслуживает среди них Талгинский, находящийся в 17—18 верстах от г. Махач-Кала.

Все сульфидные (сероводородные) источники должны быть разделены на 2 группы: одни — с содержанием сероводорода до 70 мгрм. на литр, другие с более высоким % содержанием этого газа. Первые много не только на Кавказе и в прилегающих районах Турции и Персии, но и в других местах Союза и Европы. Вторые редки и известны все наперечет. Таковы: источник Harrogate в Англии с содержанием сероводорода 78—99 мгрм., Deutsche Altenburg — с содержанием до 160 мгрм. Шарлоттенбург в Канаде с 179 мгрм.; у нас — Псекупские близ Краснодара — с 81 мгрм.—140 мгрм.; Сураханский близ Баку — с 160—170 мгрм.; Мацестинский близ Сочи — с содержанием до 220 мгрм. и, наконец, Талгинский — с 334—370 мгрм. сероводорода в литре.

Воды с таким высоким содержанием сероводорода обладают особым своеобразным и сильным физиологическим и терапевтическим воздействием на животный организм, влияя на игру кровеносных сосудов, на нервно-мышечный, а повидимому, и на соединительно-тканый их аппарат. Они могут успешно конкурировать с углекислыми водами, как Nauheim, как Кисловодский Нарзан, репутация которых по отношению к болезням сердца и сосудов давно уже установилась.

Наблюдения Подгурского, Гальперина, Правдина, Ушинского на Мацестинских водах ясно свидетельствуют в пользу этого.

Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН

instituteofhistory.ru

Погруженная в содержащую сероводород воду часть тела сильно краснеет вследствие расширения кровеносных сосудов. Краснота ограничивается только погруженной частью и резкой линией отделяется от части тела, которой вода не коснулась. Распределение крови по телу изменяется; расширение русла сосудов в значительном пространстве ведет к понижению кровяного давления, и, следовательно, к облегчению и регуляции работы сердца, особенно в случаях повышения кровяного давления, как это бывает, например, при артериосклерозе. Правильная игра и функционирование кровеносных сосудов имеет определяющее значение для работы самого сердца: без помощи сосудов сердце не в состоянии справиться с своими задачами. Вот почему говорят теперь о так называемом «периферическом» сердце. В сероводородных водах мы имеем мощный рычаг, при помощи которого мы можем регулировать работу как сосудов, так и сердца, производя расширение обширных районов кровеносных сосудов. Они вызывают заметную гиперемии, т. е. начинают заметно влиять на сосуды (независимо от температуры ванны) лишь тогда, когда содержание сероводорода достигает 68—70 мгрм. на литр.

На этом и основывается упомянутое выше разделение сульфидных вод на 2 группы: одну с слабым содержанием сероводорода,—эти будут находить себе обычное применение сернистых вод; другую с большим содержанием сероводорода,—область их применения гораздо шире, и особенно важно применение их при заболеваниях сердечно-сосудистой системы.

Талгинский источник содержит необыкновенно большое количество сероводорода, минерализация его достаточная—4,15 на литр, температура 37,7°C, дебет—колоссальный,—до 170.000 ведер в сутки; целебное значение его неоспоримо. За ним должно быть признано общегосударственное (общесоюзное) значение, как за единственным в своем роде не только в нашем Союзе, но и во всем свете.

В 1916 году А. С. Ермолов издал в трудах Геологического Комитета («Материалы по общей и прикладной геологии», вып. 22) описание этого источника под заглавием: «Гиик-Салганский или Талгинский горячий минеральный серный источник в Дагестанской области, близ гор. Петровска», в котором тогда уже указывал на его общегосударственное значение.

В заседании научно-бальнеологической секции «Всероссийского Общества для развития и усовершенствования русских лечебных местностей» 21 марта 1916 г. А. С. Ермолов сделал доклад об этом источнике, после которого секция единогласно признала, что «этот источник по своим целебным свойствам заслуживает самого серьезного внимания». Проф. С. У. Залес-

ский охарактеризовал его как «сернисто-газовый муриахически сульфидный источник, пригодный не только для наружного, но и для осторожного внутреннего употребления». Тогда же было возбуждено ходатайство о признании местности, где расположен источник, лечебной, имеющей общественное значение и об установлении вокруг нее округа горной и санитарной охраны. Последующие события остановили ход этого дела. Оно не закончено и до сих пор, но привести в исполнение упомянутое постановление необходимо.

Талгинский источник—это мировой гигант среди минеральных вод своего рода и не должен далее оставаться в заброшенном состоянии. Тем более, что близость его к Махач-Кала (б. Порт-Петровск)—всего 17—18 верст,—наличность сносной уже теперь, доступной даже автомобилям, дороги, близость прекрасного морского пляжа и лечебных грязей в Махач-Кала, обилие и удобство под'ездных путей к последнему,—создают все условия для образования в Махач-Кала крупного курортного центра, как на это также указывал в своей работе А. С. Ермолов.

Климатические условия Махач-Кала не так плохи, как думают некоторые. По приводимым Ермоловым метеорологическим данным, сообщенным ему Помощником Директора Николаевской Главной Физической Обсерватории А. А. Каминским за 30-летний период с 1882 по 1911 год видно, что пользоваться Махач-Калою и окрестностями, как курортом, вполне возможно с мая по октябрь. В течение этих месяцев метеорологические условия представляются в следующем виде:

Месяцы.	Средняя температура.	Минимум.	Максимум.	Число ясных дней.	Число дней с осадками.	Количество осадков.	Число дней с туманом.	Число дней с сильными ветром.
Май . . .	16,8°C	2,8°C	30,9°C	6	7	31 мм.	2	4
Июнь . . .	22,1°C	5,8°C	33,6°C	7	7	42 „	1	4
Июль . . .	25,1°C	12,5°C	36,8°C	10	5	24 „	6	2
Август . . .	24,4°C	11,4°C	35,2°C	11	6	37 „	1	3
Сентябрь . .	19,5°C	6,8°C	31,1°C	8	7	46 „	2	4
Октябрь . .	14,0°C	— 2,6°C	27,5°C	6	8	39 „	4	5

Духоты, подобной Бакинской, в Махач-Кала не ощущается; ветер не достигает силы Норда в Баку и обыкновенно прекращается к вечеру. Малярийность местности может быть значительно уменьшена соответственными мероприятиями,—ведь удалось же обезопасить от малярии Сочи, Мацесту и их окрестности. Расходы с избытком окупаются через короткий промежуток времени и Махач-Кала с полным правом может

расчитывать на большой успех. Необходимо лишь приложить к делу настойчивую, разумно направленную энергию и не бояться небольших относительно затрат на приведение местности в должный в санитарном и курортном отношении вид.

В настоящее время в Махач-Кала имеется водо-и-грязелечебница с морскими ваннами, приспособлениями для лечения электричеством, светом, массажем и т. п., с прекрасным морским пляжем, с мягким песком для купания в море. Невдалеке находится небольшое грязевое и соляное озеро. Все усроено песно, бедно, слабо оборудовано, но работает, насколько возможно, исправно и пользуется в округе значительным успехом.

Грязевое и соляные озера, к сожалению, очень запущены; вблизи были недавно даже свалки городского мусора; никаких приспособлений для взятия грязи из озера нет, нет и надзора за озером. Летом оно пересыхает порою совершенно. Грязь между тем очень хорошая, подобная грязи знаменитого Сакского озера в Крыму. Запасы ее не велики, но при разумном отношении к делу озеро могло бы свободно обслуживать и расширенную грязелечебницу в течении ряда лет. Так же запущены и соляные озера. Городской пляж за пределами грязелечебницы находится в возмутительном антисанитарном состоянии. Здесь широкое поле для плодотворной работы, которая в будущем должна принести не ожидаемые даже, по видимому, городом плоды.

Особенную ценность представляет близость к городу Талгинского источника.

Дорога к нему идет сначала вдоль моря и линии железной дороги по ровному месту, среди довольно бедной травяной растительности. Верстах в 8—9 от города она поворачивает ручья Черкез-Озень по ущелью вглубь страны. Дорога и здесь не дурная и легко может быть приспособлена даже для рельсового пути. В Талгинском ущельи из под поверхностных наносных слоев появляются местами мергеля и меловые известняки.

Там и сям находятся выходы нефти в небольших количествах. Окрестности источника испещрены относительно неглубокими шахтами, во многих из которых постоянно скопляется нефть. Верстах в полуторах от источника в юго-восточном направлении имеется выход горючих газов почти постоянно горящих по сторонам неглубокой вырытой ямы.

Современным своим состоянием источник обязан попыткам добывать нефть. В 1902—1903 году на месте нынешнего источника было произведено бурение нефти. Когда дошли до глубины 133 саженей, из отверстия хлынула сероводородная

вода. Попытки остановить ее не удалось, источник получил здесь новый выход взамен естественных, которые находились в Гиик-Салганском ущельи в расстоянии 2—3 верст от современного выхода. Естественные выходы ныне изсыкли, но до сих пор можно найти на местах их скопление гипса и особенную окраску камней в их бывшем ложе.

Из этого видно, как осторожно надо относиться к бурению в окрестности минеральных источников. Можно, ведь, не только удачно переместить выход их, но и совсем утратить источник.

В настоящее время источник выходит из буровой скважины на дне шахты глубиной в 2—2½ сажени; шахта прикрыта деревянной постройкой в виде низенькой башенки, высотой около 1½—2 саженей. Вода бурлит в шахте от выделяющихся пузырьков сероводорода и вытекает из нея в двух направлениях. В одну сторону она идет по закрываемой в случае надобности шлюзом бетонной трубе в бетонный бассейн для купанья. В другую—вытекает каналом аршина 1½ глубиной и столько же шириной в искусственно образованное озерцо, служащее началом оросительной канавы для полей расположенного в 2-х верстах хутора Кавтар. Вода течет здесь сильной струей, очень насыщена сероводородом, имеет температуру 30°. И озеро и канава служат также для купания людей, а пониже по течению и лошадей. На дне озерца залегает порядочный слой черного цвета грязи, весьма пластичной и липкой, которой с большой охотой пользуются купающиеся. Грязь эта частью выносится, по видимому, источником из глубинных слоев, частью образуется на поверхности земли под влиянием воздействия на почву воды источника в связи с некоторыми биологическими факторами.

Изучение генезиса этой грязи заслуживает большого внимания и, несомненно, осветит многие темные до сих пор процессы в происхождении лечебных грязей вообще. Необходимо сделать возможным и поставить изучение, как образования грязи, так и жизни самого Талгинского источника.

Прочный бетонный бассейн вмещает около 2500 ведер, обнесен саманной невысокой стеной с прорезанными в нескольких местах продолговатыми отверстиями, крыши не имеет, да и делать ее в виду громадного содержания газа нельзя. С одной стороны к нему примыкает крытое саманной постройкой помещение для раздевания. Через бассейн протекает в час приблизительно 500 ведер свежей воды. Вода постоянно остается прозрачной, зеленого цвета вследствие примеси постоянно образующегося в воде, мельчайшего порошка желтой серы к естественному синеватому цвету самой воды; поверхность

воды бывает покрыта порошком агглюминированных (слипающихся) частичек серы. Температура воды постоянно около 30° (37.7° С.). Купанье производится в этом бассейне под непрерывным наблюдением фельдшера или санитаря ввиду того, что нередко у купающихся наблюдаются обмороки (см. ниже).

Многие купаются в вышеупомянутом озерце и канаве, соединяющей озерце с источником. Содержание сероводорода в канаве еще больше, а температура на несколько десятых градуса выше, чем в бассейне.

Состав воды (по анализам Э. Э. Карстена в 1915 г.) следующий: в 1 литре минеральной воды содержится определенных анализом составных частей (в граммах):

	Талгинский источник	Мацестинский источник № 3
Окси лития	0.00316	—
„ натрия	1.2898	4,4235
„ калия	0.0589	0,1573
Аммиака	следы	—
Окси магния	0,1279	0,2972
„ кальция	0.5885	0,7475
„ стронция	следы	—
„ бария		
Хлора	1.4538	6,3124
Брома	0.00524	—
Иода	0.00008	—
Серн. кисл. ангидр.	0.6413	0,00384
Серноватист. кисл. ангидр.	0.0020	0,00344
Фосфорн. к-ты ангидр.	следы	—
Мышьяков.к-ты ангидр.		
Углекислоты	0.6417	0,4283
„	0.2242	0,1978
002	0,1933	0,0327
„	0.2896	0,22183
Сероводорода	0.0512	следы
„	0.2384	0,22185
Кремнев. к-ты ангидр.	0.0262	0,0107
Органич. веществ. окисл. в гр. кислорода	0.0068	—
Сухого остатка (высуш. при 180° С)	4.154°	10,8080

Комбинация составных частей примерно соответствует раствору, содержащему в литре:

Хлористого лития	0.00893
„ калия	0.0932
„ натрия	2.2469
Бромистого „	0.00804
Иодистого „	0.00004
Сернистого „	0.1176
Серноватистокисл. натрия	0.0033

Сернокисл. магнелии	0.3127
Сернокисл. кальция	0.7365
Хлорист. магн.	0.0543
Двууглекисл. кальция	0.8254
Кремнев. к-ты ангидр.	0.0262
Органич. веществ (окисл. в грам. кислорода)	0.0068
Свободной углекислоты	0.1933
Свободного сероводорода	0.2384

Э. Э. Карстенс дает следующие сопоставления (см. А. С. Ермолов с. с. стр. 17 и 18).

	Талгинский или Талгинский источник	Пятигорск Александровск. Ермоловск. источник	Кумгорский источник	Серноводский горячий источник	Мацестинский грифон № 6.	Добавлено Аахен.
Время набора	16/XI-15 г.	24/II-10 г.	24/IV-14 г.	2/XI-11 г.	1/XII-10 г.	—
Температура по С	37,7°	46,2°	31,2°	71,3°	24°	6,5°
Суточный дебет в ведрах	155000	51000	5000	85400	50-80 м.	—

Комбинации составных частей по определениям того же исследователя таковы:

Хлорист. лития	0,00893	0,00112	—	—	не определ.	—	0,0033
Двууглекисл. лития	—	—	0,00213	0,00371	—	—	—
Хлорист. калия	0,0932	0,1149	0,0132	0,0250	0,2489	—	—
Хлорист. натрия	2,2469	1,6466	0,6196	1,8642	8,3299	0,0015	2,6115
Двууглекисл. напр.	—	—	1,2622	1,0643	—	—	0,9187
Сернист. напр.	0,7776	0,00089	0,0177	0,0051	—	0,0181	0,0136
Серноватист. к. напр.	0,0033	0,00143	0,0092	0,0041	0,00556	—	—
Сернок. напр.	—	1,1414	0,0229	0,2406	—	0,0469	0,1517 0,2834
Бромист. напр.	0,00844	0,00630	0,00053	0,0032	Не определ.	—	0,0036
Иодист. напр.	0,00009	0,00027	0,00012	0,00026	Не определ.	—	0,0005
Двууглек. кальц.	0,18254	1,8011	0,0303	0,0758	—	0,5181	0,2274
Сернокисл. кальц.	0,7365	—	—	—	0,0065	—	—
Хлорист. кальц.	—	—	—	—	0,9765	—	—
Двууглек. магн.	—	0,3004	0,0133	0,0416	—	—	0,0771
Сернок. магн.	0,3127	0,0648	—	—	—	—	—
Хлорист. магн.	—	—	—	—	0,7015	—	—
Кремнев. к-ты	0,0262	0,0559	0,0325	0,0475	0,0107	0,0185	0,0661
СО. связанной.	0,1933	1,0069	0,0820	0,2442	0,0327	0,661	0,2515
свободн.	0,2384	0,01023	0,0479	0,230	0,2218	0,0205	0,00238

Из этих сопоставлений видно, что Талгинский источник, уступая аналогичному ему Мацестинскому источнику по содержанию плотного остатка и хлористого натрия, превосходит его температурой и содержанием сероводорода.

Наблюдения, — пока, благодаря существующей обстановке, недостаточные, — подтверждают драгоценные целебные свойства Талгинского источника. Он преобладает к себе должного внимания, оценки и оправы и, будем надеяться, не долго придется ему ожидать этого в настоящее время.

Нынешнее устройство курорта и постановка дела на нем примитивны до крайности.

Источник выходит на краю довольно обширного плато, образованного склонами возвышающейся над курортом с запада горы Нарип-Любек (Еловая гора). К востоку плато круто опускается к долине ручья, который принимает в себя и воды самого источника. Плато довольно обширно; на его плоской части расположено упомянутое озерцо или пруд сероводородной воды с частью оросительной канавы для полей находящегося в 2 верстах хутора Кавтар. Невдалеке стоит саманное здание раздевальни, позади его бассейн для купания, далее деревянный временный барак, в котором помещаются стражники и некоторые группы больных, затем кухня и два небольших домика для администрации и для больных. Все здания одноэтажные, саманные и с земляным полом. Все эти здания расположены на плато на расстоянии 20—50 сажен от источника. За пределами плато на юго-запад мягкие, постепенно поднимающиеся склоны горы Нарип-Любек (Еловая гора). Кругом типичное для Дагестанских гор отсутствие крупной лесной растительности. Склоны гор покрыты сероватой зеленью, благоухающей полынью, среди которой выделяется местами сочная зелень капорцев, кое-какие цветущие растения и кусты саксаула.

Несмотря на отсутствие леса, духоты не ощущается, благодаря постоянному движению воздуха из ущелий. Воздух необыкновенно прозрачен, чист и напоен особым, свойственным горам Дагестана, благоуханием.

Дагестан славится своим горным воздухом.

К счастью, около источника не возведено до сих пор никаких капитальных зданий и планировка будущего курорта может быть произведена совершенно свободно. Возводить жилые здания в непосредственной близости к источнику, как это сделано теперь, несомненно не следует. Вся площадь вокруг источника может быть занята только парком, ванными и другими зданиями лечебного значения. Для жилых зданий места много в северо-западном направлении. Большие деревья могут расти и развиваться на почве Дагестана, как об этом свидетельствуют некоторые сохранившиеся в ущельях отдельные их экземпляры. Отсутствие леса объясняется, как это указывает проф. Кузнецов, повсеместной пастбищностью, особенно бараньей, и хищническим отношением человека. Недостатка воды у Талгинского источника быть не может, — для поливки может быть употреблена отработавшая вода самого источника.

Общий бассейн для купанья необходимо заменить отдель-

ными ваннами (хотя бы деревянными или бетонными). Не говоря о негигиеничности и неэстетичности совместных купаний, бассейн при Талгинском источнике представляется для купающихся опасным в виду случаев отравления вдыхаемым газом, как я испытал это на себе. Войдя в бассейн, я неожиданно почувствовал затруднение дыхания, почувствовал себя дурно и моментально потерял сознание. Очнувшись я уже вне раздевальни. Меня вытащили из бассейна, пронесли через раздевальню и положили под открытым небом. Как происходило это, я совершенно не помню. Пример это — не единичный, подобные случаи встречаются постоянно, и в прошлом году некоторые окончились смертельно: купающиеся погрузились в воду и утонули. Потеря сознания наступает неожиданно, развивается очень быстро в результате отравления вдыхаемым сероводородом, который является наркотическим ядом для центральной нервной системы. Поэтому на источнике больным запрещается купаться в одиночку; пребывают, чтобы они ходили группами под присмотром фельдшера или санитарки (санитарки).

Температуру сероводородных ванн необходимо изменять во время лечения, колебания ее нужны в пределах от 24 до 32—34° Р. Необходимо, следовательно, устроить особый бассейн для охлаждения очень медленно остывающей воды источника. Бассейн этот должен быть достаточной емкости. Необходимо также обратить особое внимание на вентиляцию будущего ванного здания.

Ввиду общественного значения, которое имеет этот гигантский по дебету и по содержанию сероводорода источник, ввиду его исключительной целебной силы, необходимо внести особое внимание и руководство вполне компетентных людей при устройстве будущего курорта.

Надо сказать, что в настоящее время лечебной постановки дела совершенно не существует. Источником пользуются, как пользовались им местные жители, вероятно, сотни лет тому назад и оставить его дольше в современном состоянии совершенно невозможно.

Общие условия жизни на Талгинском источнике вполне удовлетворительные. Близость к Махач-Кала позволяет ежедневно получать отсюда все необходимое. Окрестные селения доставляют по небольшим ценам прекрасное молоко, яйца, фрукты и овощи. С ростом потребления возрастет, конечно, и предложение. Пресная вода доставляется на волах в количестве до 100 ведер в день из источника, находящегося в 8 верстах от курорта. Вода хорошего качества; очевидно, источник достаточно силен и может обеспечить курорт и при раз-

випии его, тем более, что вода источника может идти на все хозяйственные надобности. Нужна только питьевая вода и вода для приготовления пищи. Упомянутые земляные газы могут обеспечить освещение и отопление кухонь курорта.

Показания к пользованию Талгинским источником могут быть сведены к следующему:

1) Хронический суставной и мышечный ревматизм и артриты разного происхождения.

2) Подагра и подагрические изменения костей, сухожилий и суставов.

3) Невриты и невралгии различного происхождения; неврастенич. состояние, последствия эпидемического энцефалита.

4) Разнообразные кожные болезни.

5) Сифилис в претичном периоде и последствия его.

6) Хронические болезни с инфильтратами, общие и специально женской половой сферы.

7) Геморрой.

8) Хронические болезни сердца и сосудистой системы, — миокардиты, неврозы сердца, артериосклероз, эндоартерииты, пороки сердца без резких расстройств компенсации.

9) Бронхиальная астма.

10) Хронические отравления минеральными ядами — свинцом, мышьяком, фосфором.

Противопоказаниями служат: 1) Туберкулез легких, даже в I стадии. 2) Порок сердца в периоде расстройства компенсации. 3) Ревматизм в остром периоде. 4) Болезни почек.

На V всесоюзном съезде бальнеологов на Кавказских Минеральных Водах в 1925 г. после доклада Н. Г. Ушинского (в социально-организационной секции) было принято постановление о признании большого значения Талгинского источника и о необходимости учреждения для него округа горно-санитарной охраны.

Ахтинские источники.

На Ахтинский курорт НКЗ ДССР обращено теперь внимание и этот старый, давно оцененный населением, курорт приводится в настоящее время в порядок и устраивается.

Курорт расположен на высоте 3863 фут. (1150 метров) выше уровня моря в довольно узком ущельи р. Ахты-чай, в 5 верстах от крупного селения Ахты, с 11—12 тысячами постоянных жителей. Кругом обступают весь горизонт типичные Дагестанские горы. Темные внизу вследствие осыпей и выходов шифера, безлесные, покрытые травой, они, как волны, взмывают кверху своими острыми, доверху зелеными вершинами, изрезанные по склонам глубокими балками и ущельями с отвесными стенами, а на высоте на более пологих местах

покрытые заплатками обработанных полей. По крутым склонам ползает по пастбищам рогатый скот; у подножия шумит мутная, местами бешеная, особенно после дождей, река Ахты-чай, а по берегам ее местами пышно зеленеют фруктовые сады, огороды, луга, покрытые сочной, ярко-зеленой травой. Воздух кристально прозрачен и напоен своеобразным запахом Дагестанских гор. Жары здесь не бывает, по вечерам скорее бывает холодно. Сильных ветров не бывает. Словом, в климатическом отношении Ахты превосходный летний (Luft kurort) воздушный курорт для людей, нуждающихся в отдыхе, в тихой, спокойной жизни после трудовой зимы. Несколько выше, на еще более укрытой от ветров площадке, думают об устройстве санатории для слабогрудых. Но это вопрос будущего.

Ахтинские минеральные воды с незапамятных времен привлекали к себе внимание местного населения. Русские военные власти со времени своего появления также, очевидно, весьма интересовались ими. Источники как-то копированы, на поверхность земли они выходят только в ваннных зданиях. В некоторых местах проведены гончарные трубы, часть которых использована и в настоящее время. Выходы источников и каптаж не исследованы. В 5 местах поставлены ваннные здания; 4 из них, повидимому, на местах выходов источников, к пятому, находящемуся при санатории, вода проведена гончарными трубами саженей 80—90 длиной. В настоящее время использована только труба, несущая горячую воду; рядом с ней проходит неиспользуемая в настоящее время труба, которая несла также серную воду 22° Р, очевидно для разбавления горячей.

Желательно более подробное обследование этих интересных источников.

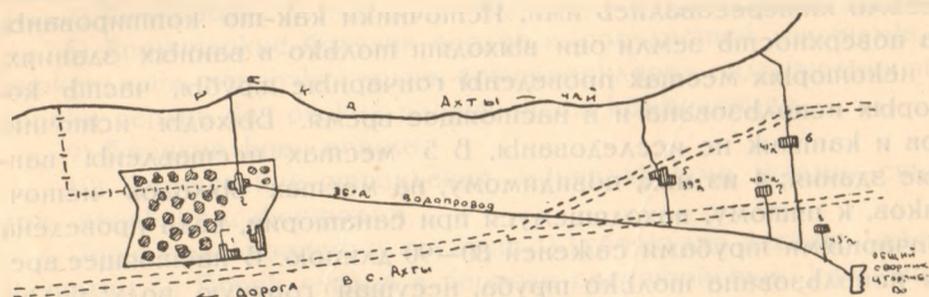
По своему составу вода относится к горячим сернощелочным. Содержание сероводорода относительно небольшое. После кипячения вода получает резко щелочный вкус; после прибавления кислоты наблюдается обильное выделение пузырьков газа; вода очень мягкая, хорошо мылится, не дает осадков с сернокислыми солями. Очевидно, щелочность зависит от присутствия натровых солей (сода), а не известковых.

В настоящем году санаторий восстановлен НКЗ Дагестана. Заново отремонтированы, перестроены (и частью вновь построены) уцелевшие здания санатории, ванн и служб. Санатория имеет очень привлекательный вид, удобно расположена по коридорной системе и непосредственно сообщается с коридором ванного здания на 4 ванны; у наружной стены ваннных комнат расположен бассейн для воды на 2160 ведер; вода проводится сюда гончарными трубами; в трубах температура

ее до 41° P; в бассейне около 36° . В трубах имеется большой осадок мелкого порошка чистой желтой серы в значительном количестве. Вода источников, поступающая в ванны, прозрачна, слегка пахнет сероводородом и при стоянии мутится от выделения серы. Охлаждается вода в случаях, когда желают понизить температуру ее, прямо в ваннах, причем запах сероводорода почти исчезает, выходит, очевидно, и уголекислота, а ванна становится более щелочной. В прежнее время, как упомянуто, сюда была проведена также гончарными трубами более прохладная серная вода, для сбора которой существовал и особый бассейн. Следовало бы восстановить эти устройства и в настоящее время.

Остальные ванны, все заново переделанные, бетонированные и обновленные, построены, повидимому, на местах выходов источников, по склону горы к р. Ахты-чай.

Вот примерный план местности.

1. Столовая и кухня
2. Глав. жилой корпус с 2 ваннами
3. Жилой флигель
4. Общий сборник воды

5. 2 ванны (б. офицерские)
6. Женские 2 ванны
7. Мужские 2 ванны
8. 2 ванны (б. солдатские)

Дебет и температура источников таковы (по данным техника НКЗдрава Толстопятенко).

№ 1—4) (при санатории)	дебет 2150	температура 41° P.	(в бассейне 36° P.)
№ 5) (б. офицерской)	„ 2520 в.	„ 39° P.	
№ 6) (женские обыват.)	„ 7776 в.	„ $41 \frac{1}{2}^{\circ}$ P.	
№ 7) (мужские обыват.)	„ 6912 в.	„ 40° P.	
№ 8) (б. солдатские)	„ 57606 в.	„ 43° P.	

Всего источники дают около 25000 ведер в сутки.

Сверх того не использован сернистый источник с температурой 22° P. и дебетом около 25.000 ведер в сутки. Дебет не изменяется и после сильных дождей.

На дворе санатория имеется довольно значительный источник холодной, ясно щелочной, воды без запаха сероводорода; щелочность также не известковая, а содовая; дебет около 2000 ведер в сутки. Вода употребляется для хозяйственных надобностей.

Произведенный недавно химический анализ минеральных источников дал следующие результаты:

	№ 2	№ 3	№ 4	№ 5
LiCl	0,0036	0,0024	0,0030	0,0030
KCl	0,0479	0,0479	0,0565	0,0575
NaCl	0,2165	0,2662	0,2610	0,2682
CaSO ₄	0,0095	0,0306	0,0296	0,0427
MgSO ₄	—	—	0,0094	0,0228
Na ₂ SO ₄	—	—	—	0,0024
Na ₂ CO ₃	0,8760	0,8876	0,8449	0,8754
CaCO ₃	0,0130	0,0091	—	—
MgCO ₃	0,0178	0,0182	0,0063	—
Fe ₂ O ₃ +Al ₂ O ₃	слабые следы			
SiO ₂	0,0470	0,0470	0,0478	0,0480
Всего	1,2313	1,3090	1,2585	1,3200
CO ₂	0,5334	0,5381	0,4984	0,5120

Использование минеральных вод происходит пока в довольно примитивных условиях. Врачебный надзор осуществляется фельдшером. Приезжает, кто хочет и как хочет берет ванны. Приезжие, в большинстве случаев местные жители, чувствуют себя стесненными в обстановке санатория с ее хорошими кроватями, бельем и т. п.; ванны берутся ими по желанию. Большинство садится в горячую воду и сидит, сколько и как хочет. В прошлом году был случай смертельного исхода после ванны у одной слабой женщины. Надо заметить однако, что установить более правильный способ использования ванн, при современных культурных условиях и мировоззрении населения, очень трудно.

Со временем здесь может развиться прекрасный климатический курорт с щелочными горячими ваннами, но в настоящее время местность доступна лишь людям, привыкшим к местным условиям.

Дорога на Ахтинский курорт—очень интересная для туриста, тяжела для больного человека. От ст. Белиджи тянется она на протяжении около 100 верст. Недалеко от ст. Белиджи приходится переезжать вброд речку Сал; после переезда на ковре нашей линейки, на котором мы сидели, оказалось около полуведра воды. Обратном мы переехали ее на случайно встретившейся арбе на буйволах. На этот раз ни мы, ни наши вещи подмочены не были. Далее дорога идет по возвышенной равнине; в сухое время—очень пыльная. Сзади долгое время видно море, а впереди очертания гор, над которыми возвышается целая шапка Шах-Дага.

С середины пути дорога вступает в ущелье р. Самура и идет по нему все время, два раза пересекая Самур по прекрасным, недавно выстроеным, железо-бетонным мостам. Дорога постоянно то поднимается высоко над уровнем реки, то снова опускается к ней. Местами она тянется по узкому карнизу высоко над бурно шумящей рекой, местами висит над обрывом, местами с вертикальной стеной над Вами свешиваются грозящие падением камни.

И красиво, и для непривычных людей страшно.

Во время дождей дорога сильно размокает и тогда местами она представляет и действительную опасность. Остановка на дороге примитивна, ночлег также удобств не представляет. Раньше здесь был почтовый тракт и можно было проехать все расстояние на перекладных лошадях в один день. В настоящее время почтовый тракт уничтожен; ехать приходится на вольнонаемных лошадях. Обходится это довольно дорого, а ночевка в дороге оставляет желать много лучшего, как в смысле возможности получить что либо поесть кроме чая, так и в смысле обилия насекомых в любезно предлагаемых на ночь коврах и одеялах без кроватей. Путешествие в безрессорных фургонах обходится дешевле, но сидеть бывает неудобно, трясет и на под'емах приходится всем идти пешком.

В силу этого Ахтинский курорт, несмотря на все свои достоинства, будет еще не доступен для курортных гостей, кроме местных жителей, привычных к местным условиям, или живущих вдалеке от железной дороги и поэтому привыкших к переездам на лошадях. Для городского жителя, особенно не вполне здорового, переезд в Ахты представляет довольно трудную задачу.

Общие жизненные условия в сел. Ахты не дурны. Есть базар, на котором можно достать все необходимое и по доступным ценам. Поместившись на курорте, в 5 верстах от селения, приходится уже значительно труднее доставать необходимые продукты; брать их приходится главным образом в сел. Ахты. Небольшой поселок у курорта уже вошел во вкус близости к курорту и с нас, например, взяли за десяток огурцов 75 коп., хотя в то же время в сел. Ахты они стоили 5 коп. две штуки. Приблизительно такой же налог приходится платить за молоко, яйца и т. п.

Профессор Н. Ушинский.

Черноватый дагестанский хомяк.

(Предварительное сообщение).

Свои нижеследующие крайне неполные и отрывочные наблюдения над одним из эндемичных представителей фауны Дагестана, а именно над дагестанским хомяком или хомяком Раде (Mesocricetus Raddei Nehring), я решаюсь опубликовать лишь в виду исключительной бедности литературных сведений о биологии этого интересного, кстати сказать, имеющего немаловажное экономическое значение, как вредителя полеводства, грызуна.

Насколько известно мне, литература о M. Raddei Nehr на русском языке исчерпывается двумя небольшими заметками, а именно: 1) К. А. Самунин. Обзор исследования млекопитающих Кавказского Края. «Записки Кавказск. Отдела Русск. Географич. О-ва» кн. XXIV, вып. 2 (стр. 12, 13, 23, 28, 35, 39 и 58 Тифлис 1903. 2) Л. Б. Беме. К биологии и к распространению некоторых грызунов Северного Кавказа (стр. 10—13). Владикавказ. 1925 г.

* * *

На территории Дагестанской ССР хомяк Раде найден в Аварском округе, в селениях Хунзахского плато (с. с. Баипль, Чондопль, Гонок, Обода, Горпль-Коло, Гозоло-Коло, Хима-Коро, Шопода, Сиух Ахальчи, Танус, Эбута, Гацало, Иштибури-Коло, Мочох, Цатанак и Хунзах). В этом округе он встречается по бокам возвышенности Арактау, отсутствуя однако на ее вершине (7.427 ф.), располагаясь на высоте около 5.500 ф. Встречается он и в Лакском округе—Казы-Кумухское плато (с. с. Кумалу, Хосрек, Джаафараль-Махи, Чирах). Находим его также и в Кайтаго-Табасаранском округе (Верхне-Табасаранский участок).

Что этот грызун весьма нередок, показывает наличие местных названий: по аварски он именуется «анхуара», на даргинском наречии называется «кургуаца», на верхне-табасаранском наречии—«аулак-мишик».

Излюбленной станцией этого вида черноватого хомяка является горная степь и поля, в которые она превращена,—например, Хунзахское плато.

Относительно сезонной и суточной жизни этого грызуна мои сведения крайне бедны.

Очевидно, период зимнего сна у хомяка не очень велик, так как 20(V)/V—24. большинство нор было уже открыто, а 8 IX (26/VIII)—24. грызуны еще не спали, продолжая делать запасы корма на зиму. Прибавлю, что эти наблюдения относятся к Хунзахскому плато.

Экземпляры хомяков, добытые мною в мае месяце, были не хуже добытых в той же местности в сентябре месяце.

В норах, разрытых мной в мае месяце, зимних запасов уже не было и в защечных мешках пойманных ранним утром зверьков я находил листья фиалок.

На поверхности земли я встречал хомяков только ранним утром, да вечером, со времени наступления сумерок.

Движения этого зверька неуклюжи и медленны.

Свое жилище—довольно глубокую и сложную нору—хомяк устраивает с одинаковым успехом как на не распаханых твердых межах, так и среди поля.

Как кажется мне, у описываемого нами хомяка норы бывают двух типов: простые и более сложные. Последние, как показали мои наблюдения, принадлежат более старым особям и своей сложностью обязаны постепенно происходящим пристройкам.

Первый тип нор, более простой, устроен так: одно входное отверстие, диаметром около 9 см., почти отвесно идет вглубь на 15—18 см. Здесь вертикальный ход переходит в горизонтальный, давая две противоположные норы.

Одна, продолжаясь от 117 до 157 см., оканчивается двумя лежащими в одной горизонтальной плоскости камерами—кладовыми для зимних запасов, размером 30 x 11, 34-x 10 см., Форма камер яйцевидно—удлиненная.

Другая нора, имея протяжение до 52 см., углубляясь до 47 см., образует слепой ход, служащих хомяку «спальней».

Что касается нор второго типа, более сложных, то они в общих чертах имеют такое устройство: вертикальный ход идет на глубину до 75 см., давая несколько горизонтальных отнорков, длина которых колеблется от 35 до 55 см. Один из этих отнорков, полого поднимаясь, ведет на поверхность, образуя таким образом второе выходное отверстие. Горизонтальные ходы, упомянутые выше и дающие слепые отнорки, служат «кладовыми» и «спальней» хомяку. Более старые «кладовые» расположены выше, т. е. ближе к поверхности. В этих старых, видимо заброшенных хомяком, помещениях, я находил наполовину стгнившие остатки запасов. Отнорок, служащий в норах этого типа «спальней», выстлан пухом растительного происхождения.

Землю роет хомяк исключительно передними конечностями.

ми, пуская в ход зубы лишь в исключительных случаях, когда, например, на его пути попадает камень (известняк) или крупная кость. Раскапывая норки хомяков Рададе, не раз случалось находить крупные кости и камни с сильными следами зубов этого грызуна.

Если судить о пище хомяка по тем запасам, которые случалось находить в его «кладовой», то можно сказать, что этот зверек употребляет в пищу то из растительности, что расположено ближе к его жилищу; в запасах я обнаруживал и ячмень, и пшеницу, и бобы и даже мелкие картофелины.

В запасах этого хомяка я не находил отдельных зерен, но всегда целые колосья со тщательно обкусанными «усами».

Вес содержимого «кладовых» в норах первого типа был равен 6¼ ф., а в «кладовых» нор второго типа—18 ф. Замечу, что обе эти норы были раскопаны мною 8 IX (26/VIII), т. е. тогда, когда, как я указываю выше, хомяки еще не впали в зимний сон.

Кстати замечу, что норы второго типа, помимо своего внутреннего более сложного устройства, отличаются еще и наружным видом, а именно: в них два входных (одно из них видимо выходное) отверстия. Кроме того, к отверстию, дающему вертикальный ход, ведет ясно заметный, вытоптаный, хорошо видный даже среди скошенного уже посева след. След один; в своем отдаленнейшем от нормы конце он раздваивается, постепенно теряясь. Помимо этого, около нор этого типа, в расстоянии ¾—1 ар. от входного отверстия я постоянно находил порядочной величины кучку земли, происхождение которой очевидно связано с копанием норы.

При разрушении его жилищ хомяк не делает никаких попыток скрыться или сопротивляться; более того—он продолжает безмятежно спать вплоть до момента пока его коснутся.

Предоставленный самому себе хомяк поспешно неуклюжей походкой возвращается в свое жилище, пуще всего боясь солнечных лучей. Я не мог не обратить внимания на то обстоятельство, что хомяк, оставленный не в тени, а на солнце, при температуре воздуха около 16—18° по Р, становится вялым и менее чем через час погибает. Последний опыт я ставил не менее 8—10 раз, получая всегда одни и те же результаты—гибель хомяка.

Как и большинство представителей семейства хомяков (Cricetinae) наш Дагестанский хомяк, не являет исключения и обладает весьма злобным нравом.

Раздраженный прикосновением хомяк не только защищается, но и нападает. С злобным, пискливым хрюканьем, при-

подняв переднюю половину тела, раскрыв рот и распорыв палцы передних лапок вытянутых вперед, этот зверек зорко следит за каждым движением нарушителя его покоя.

Как подтверждение моих слов о злобном и неуживчивом характере этого вида хомяка, может служить следующий случай: один из 4-х живших у меня в разгороженном ящике зверьков забрался к своему соседу и, несмотря на обилие пищи, сожрал его, оставив лишь крупные кости.

Как я мог наблюдать над хомяками, жившими у меня, их излюбленная поза в состоянии сна будет положение на правом боку; зверек сворачивается почти кольцом, пряча голову между задних лапок. Ест хомяк сидя на задних лапках, сильно сгорбившись, держа пищу передними лапками, в позе, столь характерной для всех грызунов.

Последний случай, а также и неоднократные находения костей хомяка в его же обитаемых норах, заставляет меня думать, что вряд ли хомяк Раdde когда либо живет парами, на что указывает Л. Б. Беме (см. выше).

Как я мог заметить, самцы количественно преобладают пред самками.

Приводя ниже таблицы измерений тела и черепов добытых мною экземпляров хомяка Раdde, отмечу, что в окраске прекрасно описанной К. А. Сапуниным (см. выше) я никаких изменений, кроме одного случая (см. таблицу), не замечал, исключая лишь то, что добытые осенью экземпляры окрашены в общем тусклее и бледнее весенних *).

Измерения тела

(размер в миллиметрах)

Измерения	№ 1. Хунзах Аварский ок. 20 V 24	№ 2. Хунзах 8 IX 24	№ 7. Кумалу Лакский ок. 10 X 24	№ 10. Хосрек Лакский ок. 16 X 24	№ 11. Хосрек
Высота уха (а)	23	25	28	20	22
Длина хвоста (с)	26	30	42	22	25
Длина задней ступни (р)	28	26	28	26	25
Длина тела (f)	215	185	253	280	203

Хомяк № 7 окрашен очень бледно. На груди белое пятно. На внутренней поверхности левого бедра полоса белых волос, доходящих до брюха.

*) Прибавлю еще, что упоминаемые мною здесь шкурки с черепами переданы мною и находятся в коллекции профессора 1-го Московского Государственного Университета С. И. Огнева.

Измерения черепа

(размер в миллиметрах)

Измерения	№ 1 Хунзах. Аварский округ 20 V 24	№ 10 Хосрек. Лакский округ 16 X 24	№ 7 Кумалу. Лакский округ 10 X 24	№ 5 Джафараль-Махи. Лакский окр. 11 X 24	№ 6 Чирах Лакский округ 7 X 24	№ 2 Хунзах. Аварский окр. 8 IX 24	№ 11 Хосрек Лакский округ 16 X 24
Кондино-базальная длина	45	48	50,5	44,5	37	42	42
Основная длина	39	40,5	44	38,5	31,5	36	36,5
Наибольшая ширина скуловых дуг	24,5	26,7	—	—	—	24,5	—
Ширина между foramen infraorbitale	8	7,2	8	7	6,5	7,5	8
Наибольшая ширина черепа	18	17	18	17	15,5	17,5	18
Длина носовых костей	18	21,2	22,5	21	17	18	15,5
Ширина носовых костей спереди	4,5	5	6	5	4,5	5	5,25
Высота черепа в области bulla ossae	14,3	16	16	15	13	14,5	14,5
Длина верхнего ряда коренных	7	8	8	8,5	8	8	8,5
Самые узкие места между глазницами	4	5	5,5	5	5,5	5	6,75

Касаясь экономического значения хомяка Раdde, как вредителя полеводства, там, где горная степь превращена в пашни, как, например, это имеет место в Хунзахском плато, должен сказать, что оно не мало: площадь Хунзахского плато (около 2.500 дес.) вся сплошь заселена этим грызуном с плотностью его нор на 1-й десятине от 14 до 56 шт.. Если еще учесть прожорливость хомяка, можно составить себе ясное представление о том, какие опустошения он производит на миниатюрных полях Аварцев.

Ненавидя хомяка Раdde, как весьма неприятного нахлебника на более чем скромном бюджете горца-землепашца, религиозные до фанатизма Аварцы говорят, что ненавистный «Анхуару» рожден диханием свиньи. Туземцы никаких мер борьбы с хомяком не знают кроме, как выстрела из винтовки или удар кинжала при случайной встрече.

Весной 1924 года, я, по поручению Дагестанского НКЗема, проводил борьбу с хомяками в Аварском округе (Хунзахское плато) при помощи двухсернистого углерода (CS₂). Отмечу, что с хомяками Раdde в этой местности была уже организованная борьба химическим методом; это относится к первому десятилетию настоящего века *).

*) Работой руководил тогда старый дагестанский агро-работник, ныне занимающий пост Начальника Сельско-Хозяйственного Управления НКЗема ДССР т. Шульженко Н. Н.

Принимая во внимание некоторые нижеизложенные данные я полагаю, что сероуглерод в борьбе с хомяками средство не радикальное. Вследствие малой посевной площади и обилия скота достать солому или жесткое сено для последующей по заправке забивки нор невозможно, а закупорка мелкими камушками не герметична. Кроме этого хомяки Радде стойко противостоят сероуглероду, как это видно из следующего: в ясный, теплый майский день под низкий, средней величины, паз одновременно были посажены 2 хомяка: самец и самка. Туда же были положены 2 шарика ваты величиной с грецкий орех, напитанные сероуглеродом. Края паса, во избежание доступа свежего воздуха, засыпаны и припорошены мокрой землей. Через 30 минут оба хомяка извлечены из-под паса. Оба без сознания, с коротким прерывистым дыханием; конечности, уши и нос синевато-бледны, холодны. Через 1 час 20 минут самка окончательно пришла в сознание и лишь первое время наблюдалось параличное состояние задних конечностей. Самец, по прошествии 55 минут после извлечения его из-под паса, после неоднократных судорожных попыток стапир на ноги, погиб.

Дальнейшие опыты показали мне, что для положительного результата этот вид нуждается в пребывании в парах CS_2 в печении не меньше как 45 минут.

Принимая во внимание все вышеизложенное, а так же и сравнительно низкую температуру тех мест, где живет *Mesocricetus Raddei*, которая отнюдь не содействует энергичному образованию сероуглеродных паров, я думаю, что для борьбы с этими вредителями можно было-бы с успехом употребить хлор-пикрин ($CCl_3 N_2 O_2$), недавно введенный, как новый инсектицид, в практику борьбы с вредителями с. х.—Это соединение более токсично чем CS_2 и кроме того действует энергично независимо от температуры.

Естественными врагами хомяка Радде я предполагаю лисицу и куницу, т. к. филин (*Bubo*) крупный ночной хищник, в этой малолесистой местности редок.

Энтомолог НКЗ АССР Н. Н. Дюков.

Отдел третий

Отчеты

Работы экспедиций
по
Лингвистике
Археологии
Искусству
Зоологии
Ботанике
Бальнеологии

Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН

instituteofhistory.ru

Работы экспедиций.

О работах этнолого-лингвистической экспедиции 1924 г.

В экспедиции участвовали: проф. Н. Ф. Яковлев, проф. Л. И. Жирков, проф. Н. Б. Бакланов, проф. А. С. Башкиров, В. П. Павлов, А. Я. Васильев, К. М. Пашкевич, А. Шамхалов, проводники и переводчики из местных жителей.

Экспедиция работала с 29 июня по 4-ое сентября, главным образом, в Дербентском и Кайтаго-Табасаранском округах в направлениях: этнолого-лингвистическом, искусствоведения и архитектуры и археологическом. Особым вопросом, возникшем во время работ экспедиции, явилось обследование художественно-кустарной ювелирной и металло-обрабатывающей промышленности сел. Кубачей. Соответственно заданиям состав экспедиции распределялся по отделам: этнолого-лингвистическому (Яковлев, Жирков, Шамхалов), искусствоведения и архитектуры (Бакланов, Васильев), археологии (Башкиров). Все отделы обслуживались фотоаппаратом (Павлов) и переписчиком и заведующим хозяйством (Пашкевич).

Общие результаты работ экспедиции выражаются в следующем: изучение языков велось по даргинскому (урахинское наречие) и кубачинскому языкам. Исследован фонетический состав этих языков, собраны материалы по кубачинскому словарю (1500 слов) и даргинскому словарю (около 1000 слов), исследован грамматический строй кубачинского языка (словообразование, склонение, спряжение) и грамматика даргинского языка (по урахинскому наречию). Записано около 800 слов на аварском языке (в дополнение к словарю Услара), записано около 400 слов в качестве примеров к аварской фонетике. Все материалы и записи по кубачинскому языку являются первыми научно-достоверными сведениями о нем, доказывающими близкое родство этого языка с даргинскими диалектами и его несомненно яфетическое происхождение.

В области фольклора и записей текстов на местных языках собрано: 15 связанных текстов на кубачинском языке (в том числе песни и исторические предания), являющихся первыми научно-записанными текстами на этом языке, 9 преданий, 12 песен, 7 стихотворений и 1 заклинание против градобития на аварском языке.

Произведено описание жилища в сел. Кубачах с терминологией, описание свадьбы в том же селении и танцев холостой молодежи в сел. Амузги.

В области изучения памятников архитектуры и искусства произведены обследования, обмеры и зарисовки 3-х архитектурных памятников Дербента, 3-х архитектурных памятников в сел. Кубачи и 3-х архитектурных памятников в сел. Ицари. Всего исполнено 46 чертежей и кроме того 53 наброска с предметов быта и искусства и пр. (в том числе и акварели).

В области археологии обследован ряд городищ и могильников в районе Махач-Кала, Дербента и Кубачей (в Кайтаго-Табасаранском округе); кроме того археологическим отделом производилось эспандирование рельефных и резных камней.

Экспедицией собрана и вывезена из гор следующая коллекция: 22 каменных плиты с рельефами (весом около 63 пуд.) изображающими людей и животных, — рельефами, относящимися к разным эпохам, коллекция предметов быта и местного художественно-кустарного производства.

Произведено детальное обследование современного состояния художественно-кустарного ювелирного производства в сел. Кубачах. Обследование выяснило исключительную художественную ценность этого сейчас вымирающего промысла и возможность его организации на новых научно-экономических началах для целей экспорта. Кроме того обследованы гончарное производство в сел. Сулевкенте и производство клинков в сел. Амузги.

Произведено свыше 200 фотграфических съемок, снято до 100 эстампажей.

Материалы и коллекции, собранные экспедицией, перевезены в Москву для разработки и изучения; часть их поступила в местный Музей.

До въезда экспедиции в горы и после ее возвращения в гор. Махач-Кала членами экспедиции был сделан ряд докладов, организована отчетная выставка и помещен ряд статей по изучению Дагестана в местной прессе.

Руководитель экспедиции
Проф. Н. Ф. Яковлев.

Изучение даргинского и кубачинского языков.

Работы Н. Ф. Яковлева.

Разработав совместно с членами экспедиции 1924 г. в г. Махач-Кала общий план работ и оставив архитектурный и археологический отделы экспедиции в гор. Дербенте для обследования его древностей, я совместно с проф. Жирковым и сотрудником Пашкевичем и багажем экспедиции выехал 23 июля в сел. Кубачи через Маджалис. Кубачи было намечено центральным пунктом наших работ в Нагорном Дагестане в 1924 г. Осмотрев здесь древние здания, остатки укрепления и сохранившиеся на них каменные барельефы и отметив наиболее интересные пункты для будущей работы архитектурно-художественного и археологического отделов экспедиции, я принял с той же целью ряд поездок в соседние аулы: 1) Амузги — где обнаружены были сохранившиеся остатки аульного

укрепления с башнями, стеной и воротами и надписью, дапирующей последний по времени ремонт крепости; 2) Кара-Корейш (Кала-Коррейш), — где обнаружена была интереснейшая каменная гробница, пипа килевидной колоды, с выгравированными на ней изображениями птиц и животных и надписью с различным орнаментом по краям и интересная по резным дверям и михрабу мечеть; 3) Ицари, — где древний аул — крепость сохранился в наиболее неприкосновенном виде и целый ряд образцов гравированного на камне орнамента устанавливает связь культуры восточного Дагестана с нагорными районами Чечни.

Благодаря предпринятым в самом сел. Кубачах поискам у одного из жителей этого селения была обнаружена целая коллекция купленных и собранных из старых зданий барельефов на камне числом до 8, придержаваемая им, очевидно, с целью продажи и вывоза за границу, который практиковался в Кубачах в довоенные времена. Обещав сначала через председателя местного Исполкома передать эти барельефы экспедиции для Дагмузея, с тем, чтобы в г. Махач-Кала было определено за них справедливое вознаграждение (от экспедиции владелец должен был получить 100 аршин бязи в подарок), владелец, когда за камнями приехали арбы, наотрез отказался отдавать их и потребовал сейчас же наличными 500 руб. Имея в виду большую научную и художественную ценность барельефов и их крайне небрежное хранение у владельца, я решил, несмотря на угрожавшую экспедиции опасность места со стороны последнего, просить СНК ДССР о принудительном изъятии барельефов от владельца, что и было выполнено специально прибывшим в Кубачи агентом угрозыска. К этой коллекции присоединены были еще 2 барельефа, вынутых из полуразрушенной стены старинного общественного здания и 2 барельефа купленных и изъятых из стены частного дома. Кроме того некоторое количество барельефов было намечено к дальнейшей покупке для Дагмузея (о чем было сообщено его Директору Д. М. Павлову). Таким образом коллекция из 22 барельефов (весом до 63 пудов) была вывезена в г. Махач-Кала.

Параллельно этой чисто организационной деятельности, постепенно развертывались мои работы по специальности: фонетическому и словарному изучению местных языков. Уже за кратковременную остановку в сел. Маджалисе мне удалось с помощью его служащих — даргинцев из сел. Урахи установить фонетическую систему даргинского языка по этому наречию.

Основной особенностью его фонетики, новой по сравнению с фонетиками изучавшихся мною ранее языков, явилось образование ряда четвертых выдыхательно-сильных согласных фонем в добавление к известным мне уже раньше тройкам — надгорпанному, звонкому, глухому придыхательному — мгновенным.

Перебравшись в Кубачи я продолжал мои занятия по даргинскому языку (урахинскому наречию) с прикомандированным к нам для этой цели Исмаилом Абакаровым, отзыв о котором дан проф. Л. П. Жирковым в его отчете. Несмотря на добросовестность и усердие, проявленное Абакаровым, я мог использовать его только для собирания даргинских параллелей

к кубачинскому словарю (около 1000 слов), причем многое из терминологии аульского быта оказалось уже забытым Исмаилом. Также полный и ценный материал удалось собрать по кубачинскому языку, несмотря на полное отсутствие по нему такой записи материала, как запись Услара по даргинскому. Кубачинский язык по отзывам местных жителей — не кубачинцев является труднейшим для произношения и исследование вполне подтвердило это мнение. По богатству согласных фонем кубачин. яз. можно поставить рядом лишь с богатейшими в этом отношении черкесским или абхазским на западном Кавказе. В нем также последовательно проведен принцип образования самостоятельных звуков путем усиленного давления, совпадающего с моментом отпора. «Усиленно-выдыхательные» глухие образованы как среди мгновенных, так и среди длительных и аффрикат. В кубачинском, следовательно, в области мгновенных и аффрикат получают такие же четверки, как и в даргинском — надгортанный — звонкий — глухой, придыхательный — глухой, усиленно-выдыхательный, а в области спирантов тройки: звонкий — глухой, придыхательный — глухой, усиленно-выдыхательный. Кроме того для образования согласных фонем в кубачинском использована и лабнализация. В области гласных кубачинский различает долготу — краткость и гортанный оттенок. Все эти средства звукообразования дают в результате в кубачинском 68 фонем. Такому богатству звукового состава вполне соответствует и грамматический строй языка. Значимым элементом в кубачинском, как и в черкесском, нормально является открытый слог типа «согласный — гласный». Многосложные же глагольные формы получают благодаря наростанию к корню префиксов и суффиксов, тоже преимущественно односложных.

Выяснение фонетики шло параллельно с усвоением мною кубачинского произношения и когда эта предварительная задача была выполнена, — составлены таблицы звуков кубачинского языка с примерами на каждый звук, — явилась возможность для меня и для проф. Жиркова, параллельно занимавшегося грамматикой, приступить к записыванию кубачинских слов и текстов. Работа эта, вследствие плохого знания кубачинцами русского языка, оказалась довольно трудной и многие слова требовали многократного контрольного расспрашивания многих лиц. Работа по словарю дала возможность записать до 1500 слов, что представляет собою, вероятно, около половины обычно употребляемых кубачинцами в обиходной речи слов. В том числе извлеклись необходимость тщательного анализа словообразовательного состава каждого глагола для выделения глагольной основы в ее наиболее простом виде.

В общем работа по кубачинскому словарю и фонетике и произведенная проф. Жирковым в области грамматики дают достаточный материал для дальнейших сопоставлений этого впервые обследованного языка с другими яфетическими языками.

Постоянным сотрудником моих занятий был житель верхнего квартала Кубачи Магомед Канаев.

Проф. Н. Ф. Яковлев.

Работы Л. И. Жиркова.

Целью моих работ в экспедиции 1924 г. было изучение языков даргинского и кубачинского. Из этих двух задач: 1) изучение даргинского языка должно было доставить данные для полного переизложения грамматики, представленной в прежней работе П. К. Услара; 2) изучение кубачинского языка должно было дать впервые очерк грамматики этого языка, основанный на некотором количестве текстов живой речи.

По первой задаче, помимо наблюдений над речью отдельных встречавшихся даргинцев, мною было проведено несколько занятий с Исмаилом Абакаровым, уроженцем селения Урахи, молодым человеком, окончившим в Махач-Кала совпартшколу. Товарищ Исмаил, однако, оказался мало пригодным для работ с ним по языку. Прикомандирован к нам он был административной властью (Предокрисполкомом Кайтаго-Табасаранск.) и работал с проф. Н. Ф. Яковлевым по собиранию материалов для дополнения даргинского словаря. Со мной же по наблюдению даргинской морфологии его работа не оказалась особенно полезной по следующим причинам. Товарищ Исмаил является представителем Урахинского (Хюркилинского) наречия, изложенного в грамматике П. К. Услара, и говор его не представил ни малейшего отступления ни в одной форме от зарегистрированных П. К. Усларом. Свое родное наречие тов. Исмаил считал «чистым даргинским» языком, относясь с необоснованным презрением к формам, употребляемым в Уркарахском, Акушинском, Мекегинском и др. наречиях. Моего интереса к формам других наречий тов. Исмаил до конца занятий не мог понять, и его активный интерес не отвечал интересу руководителя. По даргински тов. Исмаил не умеет не только писать, но и читать хотя бы сборник даргинских песен Нурова (изд. Даггосизд). По изложенным основаниям тов. Исмаил, при всем проявленном им усердии, не мог мне дать ничего больше, чем дает книга. Работу, проведенную мною с ним и другими даргинцами, следует еще дополнить работой с даргинцами студентами Кутва, живущими в Москве.

К некоторым выводам мои даргинские занятия, однако, привели. Перечислю их вкратце:

1) Точность грамматики П. К. Услара для хюркилинского наречия поразительна: она ничуть не ниже точности его аварской работы. В дальнейшей разработке безусловно можно опираться на все данные П. К. Услара.

2) Система склонения в даргинских наречиях совершенно параллельна системе аварского языка, однако развитие местных падежей (со значением «внутри»), имеющих родовые окончания, гораздо больше, чем в аварском, особенно в его «междуплеменной» форме. Самые аффиксы систем местных падежей повидимому в даргинском и в аварском склонно различны, при параллельной семантике их.

3) В даргинском спряжении мы имеем замечательное явление наличности правильных форм в одних наречиях, при неправильных в других. Многие глаголы 2-го и 3-го усларовских спряжений (неправильных) в наречии напр. Уркараха следуют

формам 1-го (правильного) спряжения, которое повидимому одно лишь и живо в языке, другие же представляют формы окаменелые.

Осталось невыясненным, возможно ли употреблять эти глаголы факультативно в формах живого и мертвого спряжения, что так отчетливо проведено в аварском языке в его «междуплеменной» форме.

Перечисленные выводы из наблюдений на месте позволяют приступить к переизложению даргинской грамматики П. К. Услара—работе аналогичной той, которая проделана нами в прошлом году по отношению к аварской грамматике.

По второй задаче по кубачинскому языку—было проведено много систематических занятий с двумя сотрудниками кубачинцами: Рабадан Лабазанов и Шамхал Амиров. От них записаны многие фразы разговорной речи, а от Шамхала кроме того 15 связных текстов (фольклор и пр.). Из записанных фраз и текстов сделан экстракт грамматики, весьма полный в отделе склонения и менее полный в отделе спряжения. Оба названных сотрудника заслуживают большой благодарности, ибо работали весьма охотно и всегда старались понять тот научный мотив, который в том или ином случае побуждал меня к любознательности. Главные выводы из занятий этих вкратце следующие:

1) Окончательно падают все легенды о какой бы то ни было связи или сходстве кубачинского языка с французским, латинским и т. п. Наоборот—твердо установлена полнейшая аналогия строя и словаря этого языка с окружающими даргинскими наречиями.

2) Система склонения в кубачинском аналогична обще-даргинской, но развитее и богаче ее в системах местных падежей.

3) Система указательных местоимений, и в связи с ней, система указательных элементов в глаголе, указывающих верх, низ, ровную плоскость,—система в кавказских языках вообще утонченная—достигает в кубачинском языке развития безусловно большего, чем в даргинском и аварском.

4) Константировано корневое (2) удвоение внутри глагола для выражения отрицания (явление требует однако дальнейшего исследования). Аналогии этого явления в других кавказских языках мне в данную минуту неизвестны.

5) Кубачинское спряжение в различении лиц представляет собою как и даргинское, систему спряжения по 2-м лицам (1—2-му). Третье лицо является причастным образованием (аналогично турецким спряжениям).

Параллельно и одновременно с моей работой проф. Н. Ф. Яковлев работал по собиранию материалов для кубачинского словаря. Им собрано более 1000 слов. Его и моя работа позволяют нам иметь очерк кубачинского языка в دستпаточно полном виде.

Проф. Л. И. Жирков.

Изучение памятников искусства.

Руководимая проф. Н. Б. Баклановым архитектурная секция Дагестанской этно-лингв. экспедиции 1924 г. по примеру прошлых лет имела задачей обследование: а) жилища, б) религиозных и в) общественных зданий.

Обследование производилось путем зарисовок, фотопрографирования, глазомерной съемки (схемы зданий) и наконец точных обмеров.

За лето 1924 г. осмотрены нами аулы: Задияв, Дарваг, Ерси, Меджалис, Кубачи, Амузги, Ицарь, Сулевкенд; город Дербент с его стенами.

Обмеры выполнены: 1) В Дербенте: а) Городские ворота $1\frac{1}{2}$ плана, 2 фас. 2 разр. (черт. досок. 6—3), б) Турбо на кладбище—пл., 1 фас. 1 разр. перспект (черт. досок. 4—1), в) Могила 40 братьев—1 план., 1 разр., 1 деталь (черт. досок. 3—1) 2) В Кубачах: а) Придор. фонтан 1 план, 2 фасадо-разр., 1 деталь (черт. досок. 4—1), б) Турбо—2 пл., 1 фас. 1 разр (черт. досок. 4—1), в) Женская мечеть (бывш. башня) с жильем под ней и рядом—4 пл. 4 фас. 2 разр. 1 перспект (черт. досок. 11—5). 3) В Ицари: а) Жилая башня 3 пл., 1 фас., 1 разр. (черт. досок. 5—1), б) Вход в аул (ворота)—1 план, 1 разр. (черт. досок.) $2\frac{1}{2}$, в) Круглая сторожев. башня (1 пл., 1 фас., 1 разр., дет. $4\frac{1}{2}$).

Итого обмеренный материал в чистом виде дает чертеж на 15 листах Вапмана, по трем жилым местам.

Кроме того схематически зарисованы типы жилых домов в Кубачах (2 дома), Ицари (1 д.).

Набросков и зарисовок архитектурно-пейзажного характера—20, с резных камней—5, этнологического характера—21. Всего 46 листов.

Набросков акварелью исполнено в указанных аулах 15 листов.

Кроме того архитектурная секция принимала участие в обследовании работ кубачинских кустарей осмотрев и зарисовав: кузницу, медно-липейную, медно-чеканную мастерские ювелирн., черневую, по серебру, монпировочную, насечку по металлу и кости, эмалевую и филигранн. гончарную в Сулевкенте и обжигательные печи там-же, причем зарисовывались инструменты, способы работ и изготовлялись рисунки для образцовых изделий.

Архитектор Н. Б. Бакланов.

Гражд. инженер А. Я. Васильев.

Изучение памятников старины.

Летом 1924 года мною проведена научно-исследовательская работа на Северном Кавказе и в Крыму.

На Северном Кавказе моя работа являлась продолжением научно-исследовательских изысканий прошлого 1923 г. Летом 1923 г. мои изыскания были в Северо-Западном Дагестане, 1924 г. в Юго-Восточном Дагестане. Как и в прошлом году, мои работы были связаны с комплексной „Дагестанской

Этнолого-лингвистической и художественно-археологической Экспедицией", проведенной на средства и под эгидой Даггес-публики. Обследованию подвергнуты были Дербентский и Кайпаго-Табасаранский и отчасти Махач-Калинский (б. Пепровский) округа.

В Дербентском округе.

Еще в 1923 году были подвергнуты изучению монументальные памятники древности: Городище—Кастель и древние оборонительные стены нижнего города. В 1924 году эти памятники были подвергнуты более детальному изучению. Древнее дербентское укрепление кроме изучения того, что уцелело на поверхности с выяснением их архитектурно-фортификационных деталей с рассмотрением их материалов, техники, обработки и конструктивности при прорисовке их и массовом фотографировании мною были затронуты зондажными археологическими раскопками около так называемых „Шуринских ворот“ для выяснения глубины фундаментов стен, конструкции их в глубоких слоях и одновременно изучались и прилегающие в месте раскопки со стороны территории города древние культурные наслоения. В результате зондажей открыты элементы более древней стены, детали постройки поздней, сохранившейся в большей части до настоящего времени, подробности ряда перестроек и ремонта, которые сказываются как в кладках стен, так и в тесно-прилегающих к стенам и башням культурных наслоениях, дающих возможность приближаться к тем или иным датам постройки, перестроек и ремонта. Обмеры стен в месте раскопок и зарисовки производил гражд. инж. А. Я. Васильев. Одновременно с раскопками производились наблюдения над лепными земляными работами Дербентского Коммухоза по проведению водопровода и канализации в старых кварталах Дербента, где обнажались древние слои города; подвергнуты осмотру старые образцы городской почвы с обнажением в них тех же древних слоев и при детальном осмотре города при обходе его в разных местах зарегистрированы многочисленные архитектурные фрагменты из древних построек.

Дербентское укрепление не ограничивается обороной верхнего нижнего города. Как известно, оно, смыкаясь на востоке с морем, идет далеко на запад, уходя в горы на десятки верст под названием „Дербентской горной стены“. Глубоко интересуясь последней, я подвергнул осмотру стену на расстоянии от Дербента до аула Зиль (последний аул Дерб. окр. на Зап.) Встреченные фрагменты „стены“ зафиксированы в описании и фотографировании. Вкратце она представляет непрерывную цепь укреплений природного и искусственного характера. „Стена“ идет там, где естественная преграда слаба, где скалы гор могут заменить стены—там только постовые сооружения, где природная оборона весьма слаба, там стены усилены особыми фортами, усложненными деталями обороны. Весь фасад „стены“ на С.—т. е. „стены“ защищают Юг от С., горы и их жизнь от степей с их беспокойными жителями.

Наиболее сохранившиеся части „стены“ зафиксированы на Джалганском перевале, в аулах Кемах (или Камах), Билба-

ди, Гемеиди, Дарваг, Зиль и в их пределах. В упомянутом ауле Дарваг изучался древний минарет, хорошо сохранившийся и типичный для XIV-XV в. с фрагментами древней надписи под шурфэ, а в районе аула Зиль—руины древней мечети трехнефной зальной системы и около Гемеиди (к Зап. на дороге на Дарваг) зафиксирован древний могильник с оригинальными килевидообразными гробовидными надгробиями.

В окрестностях города Дербента мои занятия распространялись и к С. и к Ю. по приморской низине. К Сев. до жел. дор. станции Великент, а к Ю. далеко вплоть до самых южных рукавов дельты р. Самура. В ближайших окрестностях Дербента были осмотрены: 1) Старинные его кладбища, находящиеся и к С. и к Ю., где фиксировались редкие по своему художественному характеру с интересной символикой древние надгробия любопытные и в разнообразии их форм и их надписей, дающих возможность классифицировать их по времени; 2) В 2-х в. к С. от города осмотрено городище „Кафырский пост“ где к сожалению все фундаменты в самое последнее время вывезены на постройку аула Сабнаева, 3) Еще далее к С. на 1 версту по дороге на завод „Огни“, фиксирован обширный могильник, состоящий из большой группы курганов, на С. В-ой стороне которого стоит массивный курган Каблук, или Караул-Тепе (раскопанный, но не доследованный). В пределах этого курганного могильника находится интересный могильник с погребениями в склепах, вырезанных в скалистом известняковом грунте на подобие южнорусских керченских или херсонесских катакомб. Ряд вскрытых здесь прежними каменоломными работами склепов осмотрен и описан. 4) К северу от урочища кургана Каблук-Тепе вдоль дороги на завод „Огни“ зафиксирован ряд курганов, стоящих и одиночно и группами от едва заметных на поверхности до 2-х саженой высоты. 5) На той же дороге и в стороне, да и на территории завода „Огни“, осмотрены холмы (тепе) нередко с интересной богатой культурной почвой; фрагменты посуды в обветренных верхних частях—слоях холмов поздние средневековые. Особо интересным является небольшая часть (большая часть уже разрушена заводом) холма на самом заводе „Огни“, где наблюдается несколько культурных слоев, 6) Ряд групп курганов по приморской степной „споловой“ (маджалисской) дороге от зав. „Огни“ до стан. ж. д. Мамед-Кала и также по горной дороге в Маджалис от зав. „Огни“ на краю первого слегка возвышенного плоскогорья к С. С.-З. от имени Геджух, среди полынной степи аналогичная группа курганов на том же плоскогории на дороге в аул Задьян. 7) К Югу от Дербента после осмотра южных поздних могильников с их многочисленными особыми типа надгробиями и древнего могильника со склепами типа материковых, грунтовых (в известняке) аналогичных склепам упомянутым выше в урочище Каблук-Тепе. 8) Далее был совершен дальний рейд на Юг Дербентского округа: сначала на станцию Белиджи, а затем в дельту Самура. На станции Белиджи особое внимание было обращено на грандиозное сооружение, так называемое Торпах-Кала (Земляное укрепление),—огромное квадратное (почти равностороннее, око-

до 1 кв. версты с постройками) городище искусственно-укрепленное глубоким рвом, чрезвычайно мощным валом, сохранившимся на своей вершине фрагменты стен из сырцового кирпича и в перерывах свои следы ворот. Все городище со своей обороной имеет тип северно-персидских или юго-западных туркестанских (Мерв, Аннау и др.) укреплений средневековой поры. Вал в верхних его частях и стены были выложены сплошь из сырцового кирпича, места проездов—ворота, а вероятно и башни из обожженного кирпича. У всего городища тип колоссального укрепленного лагеря, а в Юго-Зап. его стороне на искусственно-возвышенном месте, господствующем над городищем и более укрепленном месте был кастель или своего рода его кремль, или ставка вождя. Внутренняя территория Торпах-Кала может быть весьма интересной, как материал для изучения его культурного облика.

В самой дельте р. Самура изучаемы были к Югу от аула Хпункеза среди лиственного леса ряд огромных курганов, из которых большинство изрыто кладоискателями; курганы, почти полушарной формы с узкой площадкой вокруг (не ров), слегка возвышающейся над современной поверхностью; вокруг них и над ними и на самих курганах возвышается крупный, коренастый чрезвычайно пышный дубовый лес, говорящий о древнем их происхождении. Там же в 1½ в. к Ю. В. в глубоких зарослях дуба и карагача, заплетенных причудливыми лиановидными растениями крупное круглое городище Армен-Кала с кольцеобразным валом, обрамляемое наполовину (с С. и В.) небольшой речкой с узким рвом (ныне сильно заплывшим) и когда то заполнявшееся водой из той же речки, на что указывает заболоченность его в ближайших его частях к речке. Армен-Кала в инженерных конструкциях и материале фортификационных сооружений имеет сплошные аналогии с городищем Торпах-Кала, т. е. так-же вал (а вероятно и стены) выведены были из сырцового кирпича, башни и ворота из обожженного кирпича, фрагменты которого здесь в огромном количестве и красным цветом сплошь окрашивают дно прозрачной упомянутой речки. Рядом с городищем Армен-Кала к Югу на оголенной от леса поляне находится могильник Армен-Кала с надгробиями (типа могильников „40-а святых“ в Дербенте, упомянутого древнего около Гемеиди) в виде опрокинутых огромных слегка долбленных каменных колод с килевидным верхом.

С большим вниманием я всматривался в жизнь и природы и человека в долине дельты Самура и замечал здесь массу весьма примечательных явлений. Прежде всего совершенно плоская (точно по нивеллиру созданна) равнина с красноземной намывной почвой покрыта поразительно сочной и буйной растительностью; на гладких местах сочные густые травы, на запаханых—богатые хлеба, а на покрытых лесами—поразительной густоты в ветвях и листве деревья (дуб, карагач и др.), но в этом видимом богатстве растительного мира из-за чрезвычайного обилия сырости это кажущееся богатство растительности удивительно нездорово. Так, напр., дуб развивается весьма туго, имея ствол чрезвычайно узловатый, а часто преждевременно—трухлявый; еще хуже—с карагачем.

Крупная растительность страдает от лиановидных паразитов, которые с невероятной силой заплетают солидные деревья, душая их многочисленными своими пупами. В жизни человека любопытно сказывается окружающая природа. В жилище: за отсутствием камня все постройки или из сырцового кирпича или глинобитные, чаще в виде обмазки глиной плетений стен из веток или камыша, участие глины во всех постройках с их глиняными плоскими кровлями в окраске их с сохранением цвета глины дает своеобразный колорит обстановке человека.

В моих работах в окрестностях Дербента и в дельте р. Самура сопровождал меня Зав. Дербентск. Ошделом Нар. Образ. Гани-Гасанов, глубоко интересующийся своим краем.

В Кайшаго-Табасаранском округе.

В Кайшаго-Табасаранском округе главным центром археологических работ были аулы Кубачи и Ицари с их окрестностями. В самом ауле Кубачи были изучаемы мною, кроме остатков древних сооружений, состоящих из старых башен, древних остатков домов и др., многочисленные и разнообразные по сюжетам и технической обработке рельефы в количестве до 80 шт., представляющие глубокий интерес для изучения историко-художественных явлений средневекового Кавказа. Материалом для рельефов служит плиточный желто-кирпичный шифер размером от 0,50/0,70 до 0,80/0,90 мтр. при толщине до 1,10. Сюжет рельефов разнообразный, но часто повторяющимся является лев, то нападающий (на кабана, оленя и т.п.), то в геральдической позе (один против другого). Определенные рельефы упоминаются у ряда путешественников по Дагестану, но к сожалению весьма слабо без попытки даже к графическому описанию. Указанные рельефы являются в полном смысле слова новыми в изучении данного края. В 3-х верстах к С. от аула Кубачи, к В. от дороги на аул Уркарах в урочище Деш зафиксировано городище Дешланаг, представляющее фрагменты небольшого кастеля на вершине Дешдаг, а под ним по южному и зап. склону остатки поселения. Того же характера было рассмотрено и другое городище, Айн-Тибачи, откуда будто бы вышли первые жители аулов Кубачи, Амузги и Казикумухского Ишти (или Ашти); у последних, по словам кубачинцев, общий язык с кубачинцами.

В ауле Амузги обследованы в разведочном порядке старинные укрепления, рельефы, частью близкие к кубачинским, частью обладающие особо оригинальными чертами, близкими западному Дагестану, и надпись над древними крепостными воротами, указывающая на время последней перестройки и ремонта фортификационных сооружений и в частности ворот. На башнях укреплений во многих местах сохранились кронштейновидные фрагменты, законченные с внешней стороны скульптурно в виде голов лошади, медведя, быка, козла и даже человека.

Особому вниманию в изучении был подвергнут аул Кала-Корейш. Здесь интересными являются два древних могильника: один к З. от аула у дороги на Кубачи, а другой к Ю.-В. от аула и за-

тем некоторые ценные детали главной Кала-Корейшской мечети. Кала-Корейшские могилы своими килевидными надгробиями сближаются с вышеупомянутыми могилниками: „40 святых в Дербенте“, древнего ок. аула Гемеиди, Армен-Кала и др.. Но среди надгробий западного могилника сохранился один памятник, который своей орнаментикой представляет глубокий интерес и пока уникального характера. На лицевой его стороне изображен по середине орел в фас, поднявшийся на лапы с полураспущенными крыльями, с головой повернутой влево, а по сторонам его в геральдической позе по одному льву с головами en face, пуловище в профиль с одной лапой (симметрично) приподнятой и с сильно взмывающими хвостами. Поверх этой художественной композиции, заключенной в рельефную рамку, идет фриз геометрического орнамента, составленный из разных элементов, также обрамленный узкой рельефной полоской—рамкой. На оборотной стороне на главном поле памятника тамгообразная надпись в виде переплетенных инициал, а над ней в параллель узкой орнаментальной полосе лицевой стороны, между орнаментальными элементами (пара геральдических львов и геометрические мотивы), помещено в орнаментальном типе сочетание букв. Среди орнаментов надгробия и на свободных местах ряд арабских надписей позднего письма типа graffiti.

Среди ценных деталей главной Кала—Корейшской мечети интересными являются в северной стене 2 пары (по 2 створки) деревянных дверей с резной (сплошь на лицевой наружной стороне) геометрической расписной и животной орнаментацией. В середине створок восточных дверей в продолговатом квадрате изображены: на правой (от зрителя) створке два в геральдической позе льва, стоящие друг против друга, головы en face, пуловище в профиль с приподнятыми (по одной) передними лапами, с заброшенными за спину пушистыми хвостами; на левой створке—крест на крест (головами в разные стороны) конь (на переднем плане) и лев (на заднем плане), и в середине створок западных дверей в продолговатом квадрате—на обеих створках по паре птиц (орлы) в геральдической позе, состоящие друг против друга. Означенные деревянные двери представляют исключительный интерес по их художественным данным и по своему характеру весьма различны. Если восточные двери выделяются традициями хотя бы, глубокой древности, то в западных сказывается особая в сюжете оригинальность, близкая к древним ковровым традициям. Внутри той же мечети ценный старинный деревянный резной минбар, вычурно разрисованный михраб и весьма оригинальные по профилям разноформенные столбы, поддерживающие пополок мечети.

Далее нами был обследован аул Ицари, в 4—5 часах езды от а. Кубачи к Ю.-В. в ущелье р. Уллу-Чай, с многочисленными остатками древности. Над аулом у дороги в Кубачи, на небольшом отроге скапа горы, на котором ниже расположен и сам аул, сохранилась весьма хорошо круглая средневековая башня чрезвычайно хороших пропорций и интересных деталей. Аул Ицари поражает своей скученностью, он почти весь со-

стоит из узких полутемных корридоров, над которыми возвышаются дома, нередко имеющие по несколько этажей. При в'езде в аул чувствуется, что построен он, придерживаясь какому-то более древнему плану с определенной оборонительной целью, и при более внимательном осмотре видно, что стены первых его домов или представляют материал более древних построек, или же в целом ряде частей являются определенными остатками древности. Дальнейший осмотр показал, что а. Ицари разросся на руинах замка, перестраивая его и используя его фрагменты. Фрагменты эти отличаются хорошей кладкой хорошо обработанного камня в весьма крупных блоках. Выяснить план этого замка весьма трудно, т. к. позднейшие наслоения требуют огромной работы расчисткой их частей и выделением древних фрагментов, которые порой скрываются в мрачных подвалах. На древних архитектурных частях и часто в новых постройках, где использован материал первых, встречаются: 1) многочисленные памятники резьбы по камню среди сюжетов которых большое количество аналогий к памятникам аварского и андийского округов Дагестана и горной Чечни, открытым в 1923 году вышеупомянутой экспедицией при моем же участии; 2) рельефы голов человека и животных пипа Амузги и горной Чечни. 3) скульптурные памятники близкие кубачинским и 4) зафиксировано много древних надписей.

В кубачах и его окрестностях мною осматривались ряд кустарных производств: так в самих Кубачах—ювелирное и кузнечное производство, в Амузги—кузнечное, в Сулев-Кенпе—гончарное, в Кала-Корейше—ткацкое.

В Махач-Калинском округе.

В заключение необходимо упомянуть и об археологической разведке в ауле Тарки и его окрестностях около гор. Махач-Кала (б. Петровск). Между г. Махач-Кала, аулом Тарки и к Югу от последних до холма, так называемого Тимур-Геде обнаружен ряд монументальных памятников, среди которых целая сеть курганов и в особенности едва заметные фрагменты древних оборонительных стен, идущие от гор к морю (как в Дербенте) с З. на В., но отстоящие друг от друга на чрезвычайно—большом (сравнительно с Дербентом—версты на 2) расстоянии. Площадь между ними почти сплошь представляет культурный слой, сильно потревоженный разнообразными полевыми работами и наполненный строительным и другим мусором. Фрагменты северной стены почти не нащупываются, видно ее ложе, оставленное после расхищения камня стены, вынужденного в огромном количестве на постройку гор. Петровска; остатки неясной стены еще заметны, но и они скоро сравняются с окружающей поверхностью. Грамотные люди из Тарки, указывая на эти фрагменты, говорят, что это остатки древнего Семендера. В самом ауле Тарки взяты на учет наиболее интересные надгробия древнего кладбища с могилником Шамхалов, на которых сказывается и особо-оригинальная форма и высоко—художественная орнаментика; а на верх-

нем плоскогория осмотрены фрагменты позднего укрепления и древний мусульманский могильник.

* * *

Перечисленные памятники и их изучение, зафиксированное в описании, сопровождалось замерами, зарисовками, фотографированием и эстампированием памятников.

Работа продолжалась в течении двух месяцев—июль и август.

Проф. А. С. Баширов.

О работе зоологической экспедиции в 1924 и 1925 г.г.

В 1924-м году

Зоологическая экспедиция, организованная в 1924 году Дагнаркомпросом, имела своими ближайшими задачами сбор выставочного материала для организуемого Дагестанского Музея и обследование фауны Республики.

Первоначально предполагалось ограничиться сбором исключительно высших позвоночных, но так как представилась возможность включить в состав экспедиции специалиста—энтомолога круг ее деятельности был несколько расширен. В конечном итоге в работе ее принимали участие пять лиц: Нач. экспедиции Л. Б. Беме (ассистент при кафедре Зоологии Г. С.-Х. И.), В. Г. Гептнер (студент зоолог—специалист 1-го Моск. Гос. Унив.), М. А. Рябов (специалист—энтомолог, Край—Озр. Ю.—В. России), А. Н. Формозов (студент зоолог—специалист 1-го Гос. Моск. Унив.) и Н. Л. Карагичев (препаратор зоологического кабинета Г. С.-Х. И.). Работа между научным персоналом была распределена следующим образом: Н. Б. Беме—орнитология (Passiriformes и Falconiformes), В. Г. Гептнер—геристология и орнитология (остальные виды), М. А. Рябов—энтомология (главным образом Lepidoptera и друг. отряды попутно), А. Н. Формозов—маммалиология. Н. Л. Карагичев был занят изготовлением чучел птиц (для Музея).

Экспедиция приступила к работе 19 июня и закончила ее 5 сентября. За это время ею были совершены поездки по следующим маршрутам: 23—26—VI—М.-Кала—Темиргое—М. Кала (Л. Б. Беме, В. Г. Гептнер, А. Н. Формозов), 4—VII—27—VI—М. Кала—Буйнакск—Дженгутай—Урма—Леваши—Гуниб—Карахская лесная дача—Гочоб—Перевал Нукаль—Карда—Тлярота—Чодоколо—Орода—Чох—Гуниб—Хунзах—Гуниб—Буйнакск—Кумторкале—М.-Кала (вся экспедиция); II—VIII—15—VIII—М. Кала—Манас—Карабудахкент—М.-Кала (Л. Б. Беме, М. А. Рябов); 11—VIII—2—IX—М. Кала—Белиджи—Ахпы—Рутул—Куруш—Ахпы—Белиджи—М.-Кала (В. Г. Гептнер—М. А. Рябов, А. Н. Формозов); 15—VIII—17—VIII—Махач-Кала—Дербент—(Л. Б. Беме); 19. VIII—30—VIII—Махач-Кала—Гудермес—Кизляр.—Мал. Арешивка Б.—Арешивка—Тушиловка—Кизляр—М. Кала. (Л. Б. Беме.)

Таким образом были обследованы округа и районы: М.-Калинский, Кизлярский, Гунибский, Буйнакский, Аварский, Кюрин-

ский и Самурский, очень поверхностно осмотрены: Кайтаго-Табасаранский и Даргинский. Основываясь на сборах и наблюдениях, произведенных во время работы сотрудником экспедиции М. А. Рябовым был сделан на съезде Горских Краеведческих Организаций доклад о биогеографических участках Дагестана, напечатанный Дагмузеем, и я поэтому считаю излишним останавливаться в своем кратком отчете на описании ландшафтов посещенных местностей.

Во время работы было собрано и дано в Дагестанский Музей довольно значительное количество чучел, шкурок и др. материалов превышающее количеством обусловленное договором с Н. К. П.

Из собранного материала, исчерпывающая научная обработка которого не окончена, в предварительном отчете следует упомянуть некоторые находки, представляющие особый научный интерес.

Основываясь на сборах 1924 г. конечно, полного представления о фауне Дагестана в целом сделать нельзя, т. к. в работе не затронуты округа Х.-Юрповский и Андийский и весь Караногай, но после того, как была окончена работа экспедиции 1925 г. по местностям, не затронутым обследованием 1924 г., можно считать экспедиционное изучение фауны высших позвоночных законченным и перейти в будущем к работе стационарной.

Л. Беме.

В 1925 году.

Второй год работы Зоологической Экспедиции Дагестанского Наркомпроса является завершением определенной программы, выработанной участниками Экспедиции и одобренной Советом Обследования и Изучения Дагестана. В виду этого отчет этого года должен быть несколько более подробным, чем отчет предыдущего года.

Зоологическое изучение Кавказского перешейка, являющегося, быть может, наиболее интересной проблемой современной зоогеографии, до недавнего времени основывалось, главным образом, на работе центральных научных учреждений страны (Ленинграда и Москвы) и местного Краевого центра (Тифлиса). Последнему, в лице бывшего Кавказского Музея, в деле естественного-исторического познания Края принадлежит почетнейшая роль, поставившая его в ряду научных учреждений общегосударственного и даже мирового значения. При изучении Кавказа Дагестан в старых административных границах, а в особенности в северной части его современной территории (Хасав-Юрповский и Кизлярский районы), оставался наиболее обойденным вниманием исследователей. Между тем Дагестан, ограниченный и с севера и с юга отрогами громадного горного хребта, представляет настолько обособленную зоогеографическую область, что знание его фауны является совершенно необходимым не только само по себе, но и при изучении истории фауны всего Кавказа в целом.

Тем не менее даже экспедиции бывшего Кавказского Музея посещали Дагестан на весьма непродолжительное время

(эпизодически), имея строго-специальные задания, и местным силам осталось обширнейшее непронятое поле для всесторонних исследований. Оживленная деятельность на непронятой почве этого поля возникла пошчас, как была превозглашена автономия ДССР. По почину Народного Комиссара по Просвещению на территории Дагеспублики производились и производятся исследовательские работы целого ряда экспедиций, с каждым днем все более выясняющие физиономию своеобразного и во всех отношениях интересного Края.

В 1925 году в состав Экспедиции вошли: Л. Б. Беме преподаватель Горского С.-Х. Института, начальник Экспедиции, —(орнитология) и следующие сотрудники: А. Н. Формозов научный сотрудник Зоологического Исследовательского Института при Московском Университете (млекопитающие), Н. Я. Юматов, студент Горского С.-Х. Института (сборщик), Д. Б. Красовский, студент Горского Педагогического Института (сборщик), В. К. Федулов, преподаватель Государственных Мастерских Наглядных Пособий в Москве, А. Н. Кириченко, старший зоолог Зоологич. Музея Рос. Академии Наук (энтомология), Ивонна Донатовна Богдановская-Гиенев (гео-ботаник), И. П. Щелыкин, научный сотрудник С.-К. Института Краеведения (художник и фотограф). Кроме того, под руководством Экспедиции в ее составе на особых условиях временно работал М. В. Гущин, местный охотник.

По сравнению с прошлым годом состав Экспедиции увеличился на 3 постоянных и одного временного сотрудника. Преемственность двухгодичной работы Экспедиции осуществлялась персонально в участии в обеих их начальника Л. Б. Беме и А. Н. Формозова.

По заданиям Дагмузея Экспедиция отчетного года распалась на две вполне самостоятельные части: 1) изучение природы Караногайской степи и поймы системы реки Терека (Кизлярский округ) и 2) Нагорного и Южного Дагестана (Андийский, отчасти Лакский, Гунибский, Самурский округа). Кроме того, обследовались окрестности города Махач-Кала, где была база Экспедиции и стационарно собирался зоологический материал в Хасав-Юрте.

Таким образом, маршрутами отчетного года было закончено предварительное зоологическое (орнитологическое, отчасти герпетологическое и маммалогическое) исследование почти всего Дагестана в его современных границах. Если учесть еще научные результаты поездок Л. Б. Беме в 1921—23 годах в Кизлярском округе, то является возможность уже достаточно полной характеристики животного мира (позвоночных) Республики. Экспедициями 1924—25 годов не были посещены Ачикуллакский район бывшей Ставропольской губернии и Андийский округ в Нагорном Дагестане; посещение последнего округа по предварительному плану было включено в программу работ Экспедиции, но не осуществилось вследствие сокращения продолжительности работ Экспедиции с 4 на 2 месяца. Экспедиция в полном составе сформировалась в Махач-Кала и работала в ближайших окрестностях его в начале мая, в начале и конце июня и начале июля. С 1-го по 2-е мая орнитологи предприняли двухдневную экскурсию на озера Ики-

Терек и Озень. С 7-го мая по 2-е июня был посещен Кизляр, пересечена Караногайская степь, — с одной стороны до границы с Астраханской губернией, с другой почти до Ачикуллакского района, пройден путь вдоль берега моря от пристани Брянской до Кизляра. Июнь месяц посвящен был работе в горной части Дагестана, при чем принят был метод работы отдельными отрядами. Большая часть Экспедиции (орнитолог, сборщик, энтомолог и художник) совершила маршрут Махач-Кала — Буйнакск — Урма — Казикумух — Цудахар — Ходжал-Махи — Буйнакск. Вторая и третья поездки в том же составе — Кум-Торкале и Дербент.

Отдельными заданиями Зоологической Экспедиции было посещение и изучение фауны барханных песков у станции Кум-Торкале и фауны окрестностей Дербента, где соприкасаются границы четырех отдельных зоогеографических округов.

Изучение, к сожалению крайне кратковременное, барханных песков в окрестностях Кум-Торкале дало крайне важные в зоогеографическом отношении результаты. Фауна этих песков представляется очень интересной в научном отношении, так как является маленьким, позднейшего происхождения, островком обширной Арало-Каспийской фауны. Исследование фауны, преимущественно безпозвоночных, в окрестностях Дербента являлось дополнением к исследованию 1924 г. и дало возможность собрать, кроме материала по безпозвоночным, ряд картин и фотографий, иллюстрирующих древнюю историю города.

Зоолог А. Н. Формозов с препаратором и охотником — сборщиком прошел маршрут Махач-Кала — Белиджи — Усух-чай — Куруш и стационарно работал в Куруше. Ботаник И. Д. Богдановская — Гиенев совершила поездку в Гуниб по маршруту Махач-Кала — Буйнакск — Леваша и стационарно работала в Гунибе. Сборщик Д. Б. Красовский провел июнь месяц в Хасав-Юрте. Охотник М. В. Гущин был командирован в Ики-Терек, на Аграханский залив, Озень и в сел. Копчугай за добычей птиц, а в июне принял участие в поездке А. Н. Формозова в Самурский округ для добычи крупных млекопитающих. Таким образом, за 2 месяца Экспедиция проделала следующие маршруты:

Экспедиция в полном составе: 30 апреля, 1—6 мая Махач-Кала; 7 Махач-Кала — Кизляр; 8—10 Кизляр; 11 Кизляр — станица Александроневская; 12 Александроневская — Летовка Мамай-аул; 13 Мамай-аул — ставка Терекли Мектеб; 14—17 Терекли Мектеб; 18 мая Терекли Мектеб — Летовка в 15 верстах от Терекли Мектеба; 19 до Черного Рынка; 20 Черный Рынок. В. Берюзьяк; 21 до Берюзьяка; 22—21 Берюзьяк; 25—26 Рыбный промысел в 5 верстах от Берюзьяка; 27 Берюзьяк — Брянское (морем); 28 Брянское — Тушиловка; 29 Тушиловка; 30 Тушиловка — Малая Арешевка; 31 Малая Арешевка; 1 июня Малая Арешевка — Кизляр; 2 Кизляр — Пепровск; 3—10 Махач-Кала;

Л. Б. Беме, А. Н. Кириченко, Н. Я. Юматов, И. П. Щелыкин: 11 июня Махач-Кала — Буйнакск; 12 Буйнакск; 13 Буйнакск — В. Джэнгунай — Урма; 14 Урма — Цудахар; 15 Цудахар — Казикумух; 16 Казикумух; 17 Казикумух — Цудахар; 18 Цудахар — Ходжал-Махи; 19 Ходжал-Махи — Урма; 20 Урма — Буйнакск; 21—24 Буйнакск; 25—26 Махач-Кала.

А. Б. Беме, Н. Я. Юматов: 1 мая Махач-Кала—Ики-Терек; 2 Ики-Терек—Озень—Махач-Кала.

А. Н. Формозов, В. К. Федулов, М. В. Гуцин 11—13 июня Махач-Кала; 14 Белиджи; 15 Усук-чай; 16 Куруш.

А. Н. Формозов, В. К. Федулов: 21—29 июня—Куруш; 30 Кирка; 1 июля Белиджи.

А. Б. Беме, А. Н. Кириченко, И. П. Щеблыкин, Н. Я. Юматов: 26 июня Кум-Торале; 27—28 Махач-Кала.

А. Н. Кириченко, И. П. Щеблыкин, Н. Я. Юматов: 29 июня—3 июля Дербент.

А. Б. Красовский: 28 мая—23 июня Хасав-Юрт и окрестности.

К сожалению, Экспедиция 1925 года, по первоначальному плану рассчитанная на 4 месяца, была принуждена по материальным соображениям сократить время своей деятельности на половину и, таким образом, работать в течение только части вегетационного периода (2 месяца). Это особенно важно отметить, так как и работы Экспедиции 1924 года так же охватили часть вегетационного периода (июль—август) в виду чего для большинства местностей, посещенных экспедициями за 2 года, имеются наблюдения и собран материал лишь для краткого периода времени. Это обстоятельство, особенно важное в отношении позвоночных животных в области энтомологии и ботаники, в значительной степени лишает производную работу законченности.

Задачи Экспедиции были главным образом исследовательскими и заключались в подробном изучении фауны Дагестана, преимущественно позвоночных животных, выяснении их географического распространения, биологии и т. д. С другой стороны Экспедицией должен был собран зоологический материал для организуемого Естественно-Исторического Отделения Дагестанского Музея. Участие в Экспедиции ботаника и художника—фотографа, помимо самодеятельного значения, давало возможность значительно углубить и расширить работу Экспедиции, главным образом зоологическую, введением флористического и гео-ботанического элементов, и иллюстрировать главнейшие ландшафты фотографическими снимками и живописью. Чисто прикладными заданиями экспедиции были научные выяснения охотничьих богатств Дагестана и экономическое значение промысловых зверей и птиц, выяснение главнейших вредителей сельского хозяйства—грызунов и насекомых, выяснение экономического значения грача и т. д. Отдельно приходится говорить о задачах экспедиции по вопросу о выяснении необходимости установления в целях природоохранения ряда заповедников и заказников, составление школьной зоогеографической карты Дагестана.

По всем этим заданиям, конечно, постольку, поскольку можно говорить об их выполнении в предварительном отчете, изготовленном в период полевой работы, сделано следующее:

Фауна высших позвоночных Дагестана, о которой в литературе не было сколько либо исчерпывающих данных выяснена и составлены ее списки. Особенно подробно исследована орнитофауна, которая по самому своему характеру поддает-

ся более легко учету при экспедиционных исследованиях. Согласно работе К. А. Самунина в Дагестан входят 4 зоогеографических участка, после нашей работы является возможность, исправив Самуниевские границы участков и сузив их, разбить их на более мелкие единицы—на биологические станции. Для целого ряда форм, представляющих научный интерес либо благодаря своеобразным условиям жизни, либо благодаря своему географическому распространению, по возможности полностью выяснена биология. Целый ряд животных, собранных в процессе двух—летней работы, окажутся новыми в науку формами. Это относится к млекопитающим и насекомым. Из млекопитающих некоторые свойственны исключительно Дагестану, т. е. являются для него эндемичными. Как на пр., можно указать на следующих: купора из Туниба *Neomys* sp. домашняя мышь и соня из долины реки Самура, 2 формы высокогорной водяной крысы и некоторых других, впервые найденных нами. Некоторое количество птиц, главным образом, свойственных Арало—Каспийской фауне, распространение которых до сего времени не выходило за пределы Закавказья, постольку поскольку это известно было в литературе, найдены и указываются нами для Дагестана. Это белоусая славка, зеленая щурка, сернобрюхий рябок, каспийский зверек и т. д. Из рептилий—сухопутная черепаха, каспийская черепаха, впервые найденные нами так далеко на севере. Что касается коллекторской работы Экспедиции, предназначенной и производимой для добычи экспонатов для Дагмузея, то за два года работы Музеем передано около 300 чучел, около 600 тушек зверей и птиц, 300 рептилий и около 5.000 насекомых, в текущем же году сюда прибавили значительный гербарный материал, довольно большое количество фотографий и ряд эскизов, написанных художником экспедиции И. П. Щеблыкиным.

Из заданий литературного характера, которые благодаря произведенной работе могут быть выполнены в ближайшем будущем, следует указать на гео-ботаническое описание некоторых районов, произведенное ботаником экспедиции И. Д. Богдановой-Гионеф; описание охотничьих богатств и промыслов Дагестана будет сделано сотрудником экспедиции ученым охотоведом А. Н. Формозовым; вредителям грызунам Горного Дагестана будет дано подробное описание и, наконец, завершением работ явится труд, посвященный описанию фауны Республики.

* * *

Подводя итоги в настоящем отчете двухлетнего исследования Дагестана в зоологическом отношении, было бы уместно коснуться и плана будущих работ естественно-исторического изучения Края в том виде, как он рисуется участникам экспедиции Дагестанского Наркомпроса. Экспедиции 1924 года и 1925 года настолько густо покрыли географическую карту Дагестана сетью своих маршрутов, в их составе работали зоологи многих специальностей и поэтому научные результаты Экспедиций уже и теперь могут служить отправным пунктом будущих экспедиционных и в особенности стационарных исследований природы Дагестана. Как было

указано выше, главное внимание Экспедицией было уделено позвоночным животным и, естественно, достижения в этой области особенно велики. Так напр., можно считать в главных чертах выясненным мир пернатых, видовой состав птиц Дагестана, распределение их по территории Республики, их вертикальное распространение и отчасти биологию. Дальнейшей ступеню орнитологического изучения Края надо считать стационарное исследование на местах, изучение осеннего и весеннего пролета, пролетных путей на территории Республики, зимовок, применение кольцевания птиц и т. д. В частности для планомерного пополнения орнитологической и маммалогической коллекции Дагмузея, последнему, по мнению Экспедиции, крайне полезно было бы привлечь на постоянную службу подходящее лицо из местных охотников, могущее по заданиям Музея доставлять материал. Точно также собранная коллекция пресмыкающихся и земноводных дает достаточно полную картину герпетологической фауны Дагестана, обильной и богато представленной на плоскости и крайне обедненной в Нагорном Дагестане. Это тем более важно, что наиболее авторитетный исследователь пресмыкающихся и земноводных в России проф. А. М. Никольский в своей большой работе 1913 года определенно говорит: «В герпетологическом отношении Дагестан изучен менее, чем всякий другой участок Кавказа. Поэтому ближайшая задача Кавказских герпетологов должна заключаться в изучении именно Дагестана. Возможно, что при первом обстоятельном исследовании окажется, что и в герпетологическом отношении Дагестан может быть выделен в особый округ.» Дальнейшая работа по изучению гадов Дагестана должна состоять в стационарном исследовании на местах и привлечении специалиста по этой группе животных для кратковременной поездки в Нагорный Дагестан.

Исследование млекопитающих Дагестана имеет свою некоторую, значительно глубже уходящую в древность, историю и поэтому к началу 1924 года мы имели по ним, в особенности крупным промысловым животным, некоторую литературу. В Экспедициях Дагестанского Наркомпроса собран по ним ценнейший и обширный материал, который позволит дать характеристику всех посещенных местностей с точки зрения современного распространения млекопитающих. В этом отношении млекопитающие представляют громадный научный интерес, так как на ряду с рецессивными формами земля и ее недра много дали науке, а еще более хранят в себе палеонтологических остатков прежде живших форм. Последние позволяют на основании современного распространения этой группы животного мира с уверенностью говорить о ее прошлой истории и истории земли, на которой она живет или жила в прошлом.

Очередные задачи изучения млекопитающих Дагестана, которое по своей законченности далеко уступает птицам и гадам, так как многие формы, ведущие чрезвычайно скрытый образ жизни и легко ускользающие от наблюдения и не могут быть коллектируемы обычными экспедиционными способами, заключаются в стационарных исследованиях на ме-

стах. Так замечательнейший во многих отношениях зверь, столь характерный для Дагестана, — гигантский слепец (*Spalax giganteus* Nehring), в огромных количествах населяющий Кизлярский район и низовья Сулака, где открытая равнина полупустыня, бесплодная многочисленными земляными холмами гризуна, тем не менее до настоящего времени является мифическим для всех зарубежных и громадного большинства русских ученых и, следовательно, изучен пока совершенно недостаточно. К. А. Сапунин говорит, что «географическое распространение гигантского слепца представляется еще совершенно загадочным». Точно также ногойский или мохноногий тушканчик — *Dipodipus nogai* Sat., следы которого, по наблюдениям Экспедиции, в громадном количестве покрывают барханы песков сыпучей Караногойской степи и приморских дюн окрестности Махач-Кала, известен пока только в единственном экземпляре. Эти и подобные факты показывают насколько велико еще поле будущей работы по исследовании фауны млекопитающих Дагестана, по самому своему существу требующей длительного пребывания на одном месте.

Что касается последнего отдела позвоночных, именно рыб, то по плану Экспедиции они совершенно были исключены из круга исследовательской деятельности экспедиции по следующим основаниям. Во-первых, рыбы Каспийского моря, а равно проходные и пресноводные Каспийского бассейна в настоящее время уже довольно хорошо известны, достаточно напр. сослаться на работы Каспийской экспедиции проф. Н. М. Книповича, экспедицию 1909 года проф. Л. С. Берга, широкую деятельность Астраханской и Бакинской Ихтиологической Лаборатории. С другой стороны ихтиологические исследования, в особенности морские, требуют особого и сложного инвентаря, орудий лова, средств передвижения и т. п. и поэтому вполне естественно, что ихтиологические исследования могут вестись исключительно специальными экспедициями и при том организованными лишь центральными научными учреждениями.

Переходя к исследовательской деятельности Дагмузея в отношении беспозвоночных приходится отметить, что в противоположность вышеизложенного она нуждается в наиболее плодотворной работе многих отдельных специалистов путем экспедиций и стационарных работ на местах. В организованных Дагнаркомпросом зоологических экспедициях 1924—25 гг. из всех беспозвоночных изучались и коллектировались только насекомые и, следовательно, планомерное исследование всех остальных беспозвоночных составляет будущую работу Дагмузея. Энтомологические исследования 1924 и 1925 года производились, как это уже отмечено выше, только во время части вегетационного периода, исследования эти велись только двумя специалистами в то время, как энтомологические исследования по самой своей сущности требуют весьма продолжительного времени и очень многих лиц различной специальности. Поэтому работу энтомологов в составе экспедиций 1924—25 годов, также как и отдельные экспедиции и поездки в Дагестан, организованные Академией Наук, Русским энтомологическим Обществом и Кавказским Музеем мы впра-

ве рассматривать лишь как отдельные разорванные звенья и цепь может быть составлена только упорной и продолжительной коллективной работой, в которой доля Дагестанского Музея, надеемся, будет велика.

*А. Н. Кириченко. Л. Б. Беме.
И. П. Щерблякин. А. Н. Формозов.*

Зоологические исследования в Караногайской и Ногайской степях Д.С.С.Р. в 1926 г.

Зоологические исследования фауны позвоночных в степной части Д.С.С.Р. в 1926 году производились в период времени между 15 мая и 1 июля.

Экспедиция, руководимая зоологом Л. Б. Беме, с участием зоолога В. Г. Гептнер, состояла из шести лиц и совершила раз'езд по следующим маршрутам: Махач-Кала, Кизляр, Александро-Невская, Терекли-Мектеб, Ачи-Кулак, Камыш-Бурун, защитные лесные насаждения Ачи-Кулакского района, Моздок, Станица Старогладовская, Парабочевская лесная дача.

В трех из указанных пунктов, представляющих по своему положению при основных типа ландшафтов степной части Дагестана,—а именно в районах Терекли-Мектеба, Ачи-Кулака и Старогладовской, было произведено обследование, могущее считаться до некоторой степени стационарным (от 7—до 15 дней), а затем, путем боковых раз'ездов, т. е. путем экспедиционных, были выяснены и характерные представители фауны основных единиц, входящих в данный район—поймы Кумы и Терека, открытых сыпучих песков, задернованных песков, песков облесенных, полынной степи, разнотравнозлаковой степи и глинистой степи.

Говорить до окончания научной обработки материала об итогах работ экспедиции трудно, но и при предварительном просмотре собранных объектов и наблюдений можно уже сейчас сделать следующие выводы:

1. Подтверждается несомненная связь фауны Прикаспийских степей Предкавказья, с одной стороны, с фауной Закавказской, с другой с Закаспийской (т. е. фауна их больше всего состоит из аралокаспийского элемента).

2. Фауна Предкавказья, благодаря работе Экспедиции—только по птицам обогатилась следующими шестью несомненно гнездящимися здесь формами: а) сибирский белокрылый жаворонок, б) лесная малиновка, в) тонкоклювая камышевка, г) испанский воробей, д) кречетка и е) кулик песочник.

3. О некоторых характерных представителях фауны, о которых ранее имелись в литературе краткие заметки и которые имелись в коллекциях в единичных экземплярах (например, песчанки—полуденная и гребенчуковая), удалось выяснить более подробные данные, рисующие их биологию, а также собирать их целыми сериями.

4. Распространение некоторых форм, которые были найдены на Северном Кавказе работами Дагестанских Зоологи-

ческих Экспедиций 1924 и 1925 годов, (например, белоусая славка и зеленая щурка), удалось довести до Западной и Северной границ Дагестана.

5. Добыты некоторые формы интересные по своей редкости (например, трехпалый ногайский тушканчик и гигантский слепец).

6. Собран материал в значительной мере пополняющий научную и выставочную коллекции Дагестанского Музея.

7. Собраны сведения по биологии отдельных представителей фауны, а так-же коллекции, иллюстрирующие ее.

Резюмируя вышесказанное, приходится отметить, что работа 1926 г. явилась логическим завершением работ предыдущих лет и закончила разрешение вопросов, намеченных в прошлые годы в деле изучения позвоночных степной части Республики.

Л. Б. Беме.

О геоботанических исследованиях летом 1925 г.

Согласно заданию Дагестанского Музея ботаническая работа заключалась: 1) в геоботаническом исследовании посещаемых районов; 2) в собирании гербарного материала.

Она распадается на 2 части: исследование Караногай и Кизлярского округа, произведенное совместно с Зоологической экспедицией, и изучение растительных формаций в Горном Дагестане.

Первая поездка совершена по маршруту: 8—10. V—Кизляр, 11. V—путь в ст-цу Александро-Невскую, 12. V—летовка Мамай-аул, 13. V—путь в ставку Терекли-Мектеб, 14—17. V—Терекли-Мектеб, 18. V—летовка в 15 верст. на NE, 19. V—путь на Черный Рынок, 20. V—Черный Рынок, въезд в Берюзьяк, 21. V—путь в Берюзьяк, 22—25. V—Берюзьяк, 26. V—рыбный промысел в 5 верст., 27. V—переезд в Брянское (морем), 28. V—путь в Тушиловку, 29. V—Тушиловка, 30. V—путь в Мал. Арешевку, 31. V—М. Арешевка и 1. VI—путь в Кизляр.

Маршрут поездки в Горный Дагестан следующий: 12. VI—Буйнакск (Г.-Х.-Шура), 13. VI—Урма, 14—16. VI—Леваши, 17. VI—Хаджал-Махи, 18—26. VI—Гуниб, 27—30. VI—Карахская дача, 1—3. VII—Ругжа, 4—6. VII—Гуниб, 7. VII—Гергебиль, 8. VII—Буйнакск.

Всего собрано около 2500 гербарных листов; но часть собранных растений находилась в вегетативном состоянии и, таким образом, теряет некоторую долю своей ценности в качестве музейного материала. При сборе обращалось особое внимание на мхи, т. к. бриофиты Дагестана сравнительно мало изучены.

Было сделано около 30 почвенных разрезов и взято около 65 почвенных образцов. Сравнительно небольшое количество почвенных разрезов объясняется недостатком средств.

Произведено около 52 описаний растительных сообществ.

Геоботаническое исследование ставило себе различные задачи в Караногае и в Горном Дагестане, в зависимости от различного характера районов и количества литературных сведений о них.

В Караногае, совершенно еще не исследованном, насущною задачею являлось дать общую картину растительности в связи с основными ландшафтами этого обширного района, подробно же останавливаться на отдельных элементах ландшафта не было возможности за отсутствием времени.

Иначе обстоит дело с Горным Дагестаном, который является сравнительно хорошо изученным в ботаническом отношении. Здесь мы имеем уже целый ряд работ (Раде, Буша, Кузнецова и др.), дающих общую ботанико-географическую картину Края, и ландшафтное описание проф. Добрынина. Благодаря этим работам, исследователь имеет возможность заняться изучением отдельных вопросов, что мы и попытались сделать. В Гунибском округе главная наша задача была — изучение горных лугов и взаимоотношение луговых ассоциаций с лесными и отчасти с «фриганой» (горностепной растительностью). Работа, поэтому, носила в известной мере спацио-нарный характер и мы решили ограничиться небольшим районом. В то время, как сухоходные и заливные луга России довольно хорошо изучены, почти нет никаких специальных работ по горным лугам Кавказа. Между тем, этот вопрос представляет не только большой теоретический интерес, но имеет большое практическое значение, так как скотоводство является одной из основ народного хозяйства горцев, и крайне важно, чтобы эксплуатация пастбищных и сенокосных угодий производилась бы целесообразно. Последнее может быть достигнуто только в том случае, если формы этой эксплуатации будут базироваться на данных научного луговедения.]

Наша работа по изучению луговых ассоциаций Дагестана не может претендовать на полную; ее можно рассматривать лишь, как первый шаг в области изучения горных лугов.

Главные результаты нашей геоботанической работы сейчас могут быть формулированы лишь провизорно.

В Северо-восточной части Дагестана можно наметить 3 района, геоморфологически различных, но тесно связанных между собой: Караногай, Приморская Низменность и низовья реки Терека.

Первый из них, наиболее древний, расположен в области Арало-Каспийских оплодений и является третьей морской террасой. В нем можно различить 3 основных формации: 1) солончаки полупустынного типа, покрывающие огромные пространства, 2) травянистую степь — полынную и злаковую, комплексного характера, на светло бурых почвах, более или менее солонцеватых, 3) бугристые пески, частью закрепленные, частью лишенные всякой растительности и подвижные.

Приморская низменность *) является геологически более молодой областью, поднятие которой и поныне продолжается, вследствие этого, мы здесь можем наблюдать превращение первой морской террасы во вторую. Таким, образом, здесь имеется, кроме более старой, вполне установившейся второй террасы, и молодая вторая терраса, покрытая растительностью, но заливаемая водой во время сильного прилива.

Молодая часть второй террасы покрыта иногда зарослями *Stachys*, чаще же всего, на илисто-песчанной почве, нередко при избыточном увлажнении, развивается ассоциация с господством злака *Atropis convoluta* Gris. Еще ближе к морю, наступая на него, располагается пояс камышей с примесью просника (*Scirpus talbernaemontani* (Gmel.) Döll., *S. triquetus* h., *Phragmites communis* Trin. и др.)

На второй террасе мы находим полынную степь и различные солончаковые ассоциации. Гребенчуки (*Tamarix*) нередко встречаются в довольно большом количестве, определяя физиономию ландшафта.

Дельта р. Терека **) сильно отличается от предыдущих районов. Почвы здесь аллювиальные, илистые, лучше промытые от солей; растительность, может поэтому, лучше развивается и является более богатой. Она имеет ясно зональный характер: ближе к руслу рукавов реки тянутся светлые ивовые заросли с травянистым покровом, за ними идет зона первоняка, еще дальше мы находим лоховые заросли, очень своеобразные, с невысокими деревьями, расстущими на значительном расстоянии друг от друга, и со сравнительно пышным травяным покровом.

Что касается Горного Дагестана, то здесь нами описаны: 1) ассоциации меловых и известняковых склонов (Леваши, Ругжа, Гуниб), 2) лесные ассоциации: субальпийские березняки (Верхний Гуниб, Карахская дача) и сосновые леса (Карахская дача), 3) луговые ассоциации (Гуниб, Ругжа, Карах). Эти последние могут быть подразделены таким образом: 1) луговые ассоциации в зоне субальпийских березняков, 2) луговые ассоциации в зоне сосновых лесов, 3) альпийские луга, расположенные выше границы лугов, 4) лугово-степные ассоциации на южных склонах с более или менее обильной примесью ковыля. Первые две категории лугов вторичного происхождения, т. е. развиваются на месте вырубки лесов, при условии пастбища скота или сенокосения. Последние 2 категории, наоборот, являются исконно травянистыми.

Исследования этого года в Горном Дагестане, как и в Караногае, не смогут дать сколько нибудь исчерпывающий ответ на вопросы, возникшие в процессе работы. Но они дают возможность поставить целый ряд вопросов и наметить пути к их разрешению; остается надеяться, что геоботаническая работа на этом не остановится и в ближайшее же время получит дальнейшее развитие.

И. Богдановская-Гисенф.

Ознакомление с бальнеологическими средствами г. Махач-Кала и его окрестностей.

При своей поездке летом 1925 г. мы имели целью ознакомиться с бальнеологическими средствами города Махач-Кала и его окрестностей и наметить некоторые мероприятия, которые дадут возможность использовать эти средства.

Осмотр показал, что к числу бальне-лечебных средств,

*) Берюзьяк, Черный Рынок, Тушиловка, М. Арешевка.

**) Кизляр — М. Арешевка.

которыми располагают окрестности города Махач-Кала, могут быть опнесены: 1) Талгинский горячий серный источник, 2) грязевое озеро, 3) озеро с горько-соленой водой и 4) Каспийское море.

* * *

Талгинский горячий серный источник, с температурой 37,7° С и с дебетом около 150.000 ведер в сутки, находится верстах 18 от города и расположен при слиянии Талгинского и Гиик-Салганского ущелий. Из данных анализа видно (см. таблицу № 1-й), что вода источника имеет сухой остаток, равный 4,778 гр. на 1 литр и обладает колоссальным содержанием сероводорода, определенным в 0,3427 грамм на 1 литр.

До сих пор самым сильным в мире источником по содержанию сероводорода считалась терма в Бруссе (Анатолия), в которой количество этой составной части доходило до 0,31 гр. на 1 литр. В настоящее время пальма перевенства в этом отношении переходит к Талгинскому источнику. Обстоятельство это заставляет обратить на него самое серьезное внимание, особенно имея в виду то значение, которое за последнее время начинают приобретать серные источники в деле лечения сердечных заболеваний.

В настоящее время Талгинский источник выходит из буровой скважины глубиной 123 саж., перехватившей естественные выходы серной воды, которые до проведения скважины выходили на более высоком горизонте. Скважина была проведена в 1902/3 годах с целью поисков нефти, естественные выходы копорой наблюдаются в этой местности. Никаких данных о разрезах встреченной буровой мы найти не могли. Устье ее в настоящее время скрыто в шурфе, наполненном водой. Шурф имеет неправильное четырехугольное сечение с размерами около $4\frac{3}{4} \times 4\frac{3}{4}$ арш. Стенки шурфа уже значительно обвалились и закреплены теперь простым плетнем. Из шурфа большая часть воды поступает в небольшой пруд, а из последнего уходит по канаве и используется для оросительных целей. Другая часть минеральной воды отводится в купальный бассейн, находящийся в расстоянии 10 саж. от источника.

Выход источника расположен на левом склоне долины, на высоте около 8—9 саж от русла ручья, протекающего по ней. Расстояние между ручьем и источником равно примерно 25 саж. Почти к самому выходу источника подходит глубокий овраг, впадающий в этот ручей. Склон оврага сложен из делювиальных глин, в которых, очевидно, и был проведен шурф, а затем прошла на некоторую глубину и буровая скважина, прежде чем встретит коренные породы.

Такие условия выхода источника заставляют очень pessimistically смотреть на его будущее. Нет сомнения, что рано или поздно минеральная вода, стремясь найти себе выход на более низком горизонте, пробьется через наносные отложения и уйдет в овраг, вершина которого почти вплотную подошла уже к источнику.

Для предотвращения этой опасности следует по возможности скорее каптировать источник. Для того, чтобы состав

вить проект каптажных работ, необходимо предварительно подготовить подробный план местности соседней с источником в масштабе 10 саж. в 1", с горизонталями через 0,25 саж., и провести небольшое разведочное бурение.

Бурение главным образом должно выявить характер и состав наносных отложений, из которых выходит минеральная вода, а также глубину залегания под ним коренных пород.

Вторым мероприятием по отношению к Талгинскому источнику должно явиться определение округа его охраны. Предварительные работы в этом отношении были уже выполнены в 1925-ом году Н. М. Ледневым, который составил весьма обстоятельный доклад, касающийся геологического строения соседнего с источником района. Однако отсутствие картографического материала не дало ему возможности точно наметить границы округа охраны и совершенно естественно, что в своем отчете он ограничился лишь соображениями общего характера относительно этих границ. Поэтому для того, чтобы вопрос об округе охраны Талгинского источника получил надлежащее разрешение, следует прежде всего озаботиться составлением подробной топографической карты, хотя бы в масштабе 250 саж. в 1" с горизонталями через 5 саж. Съемка должна охватить район около источника, площадь, примерно, около 400 кв. верст. Имея такую топографическую основу, необходимо будет затем составить детальную геологическую карту, которая и даст возможность выявить условия выхода и питания источника, а вместе с тем и наметить границы, в пределах которых должна осуществляться его охрана.

Наконец, в качестве третьего мероприятия по отношению к Талгинскому источнику, следует выдвинуть немедленную организацию систематических наблюдений над температурой, дебетом и химическим составом минеральной воды.

Сравнивая химический состав воды Талгинского источника, определенного в 1925-ом году (см. табл. № 2), с составом по анализу, относящемуся к 1915 году (табл. № 1), нетрудно видеть, что состав этот подвержен каким то изменениям. При этом весьма интересно, что при повышении общей минерализации наблюдается понижение содержания некоторых составных частей. Результаты только двух анализов, да еще отделенных между собой периодом в 10 лет, представляют слишком мало материала, чтобы можно было делать какие либо предположения о причинах изменения состава источника и о какой либо закономерности в этих изменениях. Для того, чтобы выявить этот вопрос, необходимо установить хотя бы ежемесячные наблюдения над дебетом и температурой источника и в эти же сроки набирать пробу воды для анализа. Результаты подобных наблюдений окажутся весьма полезными не только для общих суждений о генезисе источника, но и для практического решения вопроса о каптаже его и для установления границ округа охраны.

* * *

Грязевое озеро находится около самого города Махач-Кала. Черная пластическая грязь, находящаяся на дне озера,

по качеству и составу (коэффициент коллоидальности равен 5,66; коэфф. густоты—59,8) тождественна с грязями, завоевавшими себе лечебную славу. О запасах грязи сказать ничего определенного нельзя и для выяснения их необходимого в ближайшем будущем поставитъ небольшие разведочные работы. Кроме того в числе мероприятий, которые должны послужить к охране этого резервуара лечебной грязи, следует наметить: 1) обводнение озера, которое в настоящее время периодически пересыхает ввиду весьма небольшого количества находящейся в нем концентрированной рапы и 2) санитарные мероприятия с целью предохранения озера от внешнего загрязнения.

* *

Озеро с горькой-соленой водой расположено почти рядом с грязевым озером и имеет площадь в несколько сот десятин. Оно заполнено водой, обладающей минерализацией значительно более высокой, чем Каспийское море, (см. табл. 2-й). По насыщенности солями вода эта в общем приближается к океанскому типу, отличаясь от последнего лишь значительно меньшим содержанием магниевых солей и большим натриевых соединений (сернокислого и хлористого натрия). Проба воды, послужившая для анализа, была набрана нами в начале июня и можно предположить, что концентрация солей к середине и к концу лета еще более возрастает. Без сомнения, вода этого озера может сыграть видную роль в развитии лечебных средств будущего курорта и послужит как для отпуска соленых ванн разной концентрации (добытой путем естественного испарения), так и в качестве прибавления к серной воде. Наконец, она может быть широко использована для инголятория.

В настоящее время около озера проводится ирригационный канал, который предполагается ввести в упомянутое озеро. Если это будет сделано, то неизбежно произойдет разжижение озерного рассола. Во избежание этого необходимо принять меры к тому, чтобы воды из канала отнюдь не спускались в озеро, а были бы отведены в какое нибудь другое место.

Каспийское море, как лечебный фактор, не требует особых пояснений.

* *

Где же должен быть расположен будущий Дагестанский курорт?

Мы думаем, что там, конечно, где все лечебное средство, которыми он располагает, могут быть собраны воедино. Таким наиболее подходящим местом является район берега Каспийского моря около упомянутых выше грязевого и горько-соленого озер. Само собой разумеется, что в связи с проектом создания курорта на этом месте возникает вопрос о возможности проведения сюда Талгинской серной термы, являющейся одним из главных лечебных факторов. Проведение серной воды от источника до места, намеченного нами для курорта, потребует постройки трубопровода, длиной приблизительно в 15 верст. Такое сооружение, без сомнения явится весьма солидным, особенно, если принять во внимание, что воду

необходимо будет провести от источника к месту потребления по возможности не изменяя ее физико-химических свойств.

Однако на основании опыта у нас и за границей можно определенно сказать, что техника сумеет справиться с этой задачей.

На возможность проведения Талгинской серной воды без ущерба для содержания сероводорода указывают между прочим и данные исследования над Талгинской водой при проведении ее и сохранении в открытых пещинах (см. табл. anal. № 2). Правильно сооруженный трубопровод может довести эту воду до будущего курорта с небольшой лишь потерей сероводорода, не превышающей 10% его первоначального содержания, т.е., другими словами, в конечном пункте содержание сероводорода будет не меньше 0,30 гр. на 1 литр. Главным затруднением при проведении воды явится, конечно, сохранение ее температуры, но потеря нескольких градусов не будет иметь особенного значения, так как всегда возможно будет нагреть ее в месте потребления. Конечно, стоимость трубопровода будет весьма значительной, но она уравнивается удобствами и преимуществами, которые даст концентрация всех лечебных средств в одном приморском санитарном городке близ Махач-Кала. Здесь будет легче организовать и снабжение продуктами, и провести питьевую воду и, наконец, воспользоваться ирригационным каналом для разведения зеленых насаждений, без которых немислим правильно организованый курорт. Стоимость водопровода серной воды не превысит кроме того, по всей вероятности, расходов, которые были бы вызваны устройством хороших и удобных путей сообщения в Талгинское ущелье, при условии устройства там курорта, доставкой туда строительных материалов, пациентов, пищевых и других продуктов, а также необходимостью переселения целого аула к месту выхода источника, как это предполагалось сделать. Наконец, необходимо отметить, что вблизи от Талгинского источника нет хороших источников пресной воды, которыми можно бы воспользоваться для водоснабжения курорта, если бы таковой захотели создать около самого источника.

Э. Э. Карстенс.
А. Н. Огильви.

Анализ

Талгинского серного источника.

Время набора воды: 16 ноября 1915 г.
Температура источника по С. 37, 7°.
Дебит источника—по измерениям в июне и сентябре 1915 года—155.000 вед. в сутки.

Составные части.

В 1-м литре минеральной воды содержится грамм:

ZnO	0,00316
Na ₂ O	1,2898
K ₂ O	0,0589
N ₂ H	Следы
MgO	0,1279
CaO	0,5885
SiO	Следы
BaO	—
MnO	—
FIO	—
Al ₂ O ₃	Следы
F	—
Cl	1,4538
Bz	0,00624
S	0,00008
SO ₃	0,6413
S ₂ O ₃	0,0020
P ₂ O ₅	Следы
AS ₂ O ₅	—
B ² O ₃	0,6417
CO ²	0,2242
Всей Связанной Свободной	0,1933
	0,2896
H ₂ S	0,0512
Всего Связанной Свободной	0,2384
SiO ²	0,0262
Органич. веществ окисл. в гр. кислорода	0,0068
Сухого остатка (высушен. 3. при 180° С.)	4,1540

Анализы

Талгинского серного источника, пресных родников, различных образцов рапы из грязевого и соленого озера, воды Каспийского моря и грязи из окрестностей г. Махач-Кала Даг. С.С.Р.

	Пресные источники	Рапа из грязевого озера близ Махач-Кала	Рапа из Каспийского моря из лагуны, общ. слани, близ Махач-Кала	Контрольный анализ рапы из озера близ Махач-Кала	
Талгинский источник	Р. Чачла-Булак по дороге из Махач-Кала к Талгинскому курорту	ИЗ Изна-Читсань-го родника впадающего в озеро	Рапа из большого соленого озера близ Махач-Кала	11-VI-25г.	Раствор в воде состоит из рапы (характер соли) в проц
Время набора	12-VI-25г.	12-VI-25г.	11-VI-25г.	11-VI-25г.	14,83/10
Температура по С.	37,7°	12,2°	Не характерна ибо нагревается солнцем		5,47°/0
В 1000 куб. сант. воды грамм:					2,83°/0
Сухого остатка	4,7780	0,9160	278,82	11,8200	1,03°/0
Серной кислоты анг. (SO ₃)	0,5933	0,0639	103,95	2,1879	0,56°/0
Хлора (Cl)	1,9170	0,0185	52,93	4,5143	
Окиси кальция (CaO)	0,6140	0,0495	0,8800	0,6400	
Окиси магния (MgO)	0,1290	0,1710	10,0900	2,2833	
Углекислоты связанной (CO ₂)	0,1725	0,0496	0,2156	0,0754	
Сероводорода всего *) (H ₂ S)	0,3427	0,1833	0,1724	0,0538	
Жесткость в нем град.	32°	27°	Неп.	Неп.	
Орган. вещ. в грам. ки-слор.	0,0028	0,0020	87,13	12,13	
Аммиака	Неп.	Неп.	146,83	8,01	
Азотистой ки-слоты	Неп.	Миним. следы	30,10	3,19	
	Неп.	Неп.	2,10	2,62	

Кoeffициент густоты грязи —59,8.
Кoeff. гидро-сульфидной кол-лоидальности 5,66.
Вычислен на су-хую грязь

*) — "— H₂S в воде, выт. из устья трубы в открыт. бассейны —0,2033.
— "— H₂S в воде бассейна (в среднем) простоявш. при слабом обмене около 2 час. —0,2179.

О поездке в район Кумторкале-Темиргое-Чир-Юрт для геоботанического исследования.

Наметив днем въезда в исследуемый район 18 июля 1925 г., я несколько колебался, предпринимать ли самое исследование, так как время было уже позднее (прим. задержка с въездом на место вызвана была болезнью) и не сулило обильных ботанических сборов (гербарного материала).

Одной из главных задач намеченной поездки было: 1) проверить на месте те схемы и выводы относительно построения барханных кумторкалинских песков и распределения на них разнородных ботанических сообществ; 2) проследить детально, для каждого отдельного растения, распределение по пескам вновь открытых в Кумторкале туркестанских видов (песков) *Eremosparton ophyllum*, *Astragalus Lehmannianus*, *Astrag. Karakugensis* и *Asperula Danileuskionia*; 3) проследить связь флоры кумт. песков с флорой окрестных склонов гор; 4) с флорой соседней степи; 5) с флорой (древесной) местных садов; 6) ознакомиться с результатами посадок для скрепления местных песков, предпринимаемых время от времени железно-дорожным ведомством.

Поставленные задачи и были все разрешены удовлетворительно и в полном виде в настоящую поездку.

1) В пределах барханных Кумторкалинских песков были проделаны новые маршруты в разных направлениях, изучены растительные сообщества, особенно туркестанских видов,— в сопоставлении с прежним их распределением в 1915—1919 г.г.

Собран гербарий.

2) Прделаны маршруты в области контакта горного Кумторкалинского хребта с областью вып. песков и собран гербарий (по левому берегу р. Шура—озень, за пределами ущелья).

3) Исследована горная группа Уллушик (в 7 верстах от аула Кумторкали) и прилегающий степной район.

Собран гербарий.

4) Сделана поездка степью (круговая) от Кумторкали до Темиргое и в направлении к Чир-Юрту и обратно (другой стороной) в Кумторкали. Вся местность представлена полынной степью (полынные формации с *Artemisia* типа *maritima* L.), испещренной многочисленными пятнами—на местах посевов, на увлажненных местах от горных потоков и т. д.—(разнообразной растительности сорного происхождения: то сплошные массы *Salsola Kali* L., то *Alhagi Camelorum* Fisch., то *glycyrrhiza glabra* L. var. *glandulifera* Willd.; в области Темиргое полынная степь разрешена—на месте разлива водных потоков—пятнами солончаковых формаций с *Kalidium Caspium* и др.

Есть и искомые нами песчаные образования. Вообще вся степь, по почвенному покрову, представляет собою песчаный, песчано-иловатый и ракушечный осадок бывшего на этом месте прежде Касп. моря. Пески выходят прямо на поверхность. Кроме того, вдоль большого Сулакского канала, с левой его стороны (если ехать в направлении Чир-юрта) висится над степью саж. на 1½—2 обрывистый край песчанистой (очевидно древне-каспийской) террасы. Она аналогична песчано-мор-

ским образованиям у Кумторкали. Есть сходство и в растительности, даже полное, за исключением упомянутых выше видов. По крайней мере последние мною не найдены и их отсутствие здесь в настоящий момент объясняется, по моему, только малой подвижностью песка, слабым развеванием, т. е. чисто экологическими условиями. Так, по краю не видно и обычного всюду *Calligonum aphyllum*. По условиям развития здесь растительности данную террасу можно приравнять к успокоившимся пескам правого берега р. Шура озень,—на котором тоже отсутствуют *Astragalus Karakugensis* и *A. Lehmannianus*, здесь нет палочниковых, характерных для данных растений площадей первичного развевания, а *Eremosparton* обильно представлен потому, что явления движения барханов выражены ярко (2 и 3 стадии).

Упомянутая терраса до Чир-юрта, развеваемая в древности более интенсивно, очевидно, и служила местом, соединявшим древне-эловые Кумторкалинские пески и их растительность с растительностью подобного типа в Терск. области в Ереуих и за Волгой,—когда у края этой террасы плескалось еще древне-Каспийское море.

В заключение, относительно кумторкалинских песков, останавлиюсь еще на одном явлении, имеющим большую научную и общественную важность.

Песчаная гора Сары-Кум, против Кумторкали, имея высоту над своим основанием около 100 саж. (абс. выс. 120 саж.) является, по моим многократным исследованиям, всецело барханным образованием, сложившимся из песка развеваемой древне-каспийской террасы (описанной еще Барботом-де-Марни) под влиянием встречи в этом пункте трех, косых между собою, ветров, постоянных направлений: W, E. и отчасти SE. Слагающиеся в таких условиях в Туркестане горы из песка носят назв.—по Мушкетову «барханных гор.» Кумторкалинская гора Сары-Кум своей высотой превосходит все подобные образования в Азии, уступая лишь так наз. «большим дюнам» Сахары (250 саж.). Она является наследием после ледниковой пустынной эпохи, так как современные ветра более слабые лишь способны поддерживать барханное ее состояние.

В этом случае гора Сары-Кум для нас является памятником природы—от предыдущей геологической эпохи—необычным и исключительно эффектным, по ее местоположению у подножия Дагестана, на окраине бывшей Азиатской пустыни.

Ту же картину представляет и местная растительность, одевающая кое-где ее склоны и подножие. В составе местной флоры мной найдено всего 4 новых и необычных для Кавказа вида специального происхождения из пустынь Туркестана. Таковы: *Eremosparton aphyllum* (впервые открыл Пастуховым) *Astragalus Karakugensis*, *Astragalus Lehmannianus* и *Asperula Donilevskiana* специальные виды редких песков Туркестана (образцы их ныне можно видеть в Дагестанском Музее). Это—тоже древний памятник, своего рода живой и подлинный музей древней пустынной флоры, ныне всюду исчезнувшей к западу от Каспия. По моим многократным исследованиям с 1915 г. по сей 1925 г. по наблюдениям над условиями жизни и распространения данных редких растений—все они принадлежат к составу местной ко-

ренной флоры песков, т.е. не являются каким либо образом пришлыми в последнее время (напр. с железной дорогой в Т.-Х.-Шуру), но настоящими реликтами. Поэтому существование их на Кумторкалинских песках, а так же и их охранение приобретает исключительный научный и общественный интерес, как и самая гора Сары-Кум. Со временем, должно ожидать, в этот район пройдет, ради научного интереса, не одна научная экскурсия, мимо гор не пройдет ни один ботаник, географ и геолог,—не говоря уже о толпах школьных экскурсантов каждый год.

Выступает для Дагестанского Музея работа об охране этого великого и необыкновенного памятника природы.

В то же время местные пески доставляют много забот и расходов железно-дорожному ведомству. Делаются упорные попытки, с самого проложения линии, укрепить пески в районе ст. ж. д. Кумторкале и я, как ботаник, наблюдавший (со стороны) все время результаты этих попыток, сейчас считаю долгом подать голос против данных попыток лесоукрепления песков, так как они:

- 1) до сих пор почти не привели к цели,
- 2) ведут к уничтожению и той первобытной растительности, которая одевала и одевает еще песчаную гору,
- 3) и скажут естественность растительных сообществ из 4-х названных туркестанских видов и ведут к их гибели и еще большему движению песков,
- 4) создают без пользы для дела опасность засорения местной оригинальной флоры пришлыми и привозимыми издадека видами.

Именно: сначала, по моим сведениям, сообщенным мне Упр. Владик. ж. д. в 1915 г., были высеяны 15 пуд. семян песчаного овса (*Elymus giganteus*) аспраханского посева и высажено 7 вагонов лозы—краснопала (*Salix acutifolia*), взятого в районе Кизлярской ветки. По моим набл. посева не дали результата, а посадки ивы почти все погибли, за малыми исключениями. Дали некоторые результаты лишь посадки черенков местного происхождения пустынной ивы.

Тем не менее в 1922 г. посадки краснопала были возобновлены в обширных размерах и с тем же результатом: в настоящее время мы видим обширные кладбища этой ивы на месте новых посадок.

В приемах 1922 г. видно и кое-что новое и более целесообразное, но неумеренно употребленное.

Для посадок в 1922 г. правильно была использована местная растительность, но вместо того, чтобы брать с осторожностью черенки, не повреждая живых кустов, были просто вырублены сотни прекрасных кустов многолетних: *Calligonum arhyllum* *Artemisia arenaria*—наиболее деятельных по отношению к скреплению песка и др.

В результате погибла большая половина новых посадок местной наземной флоры, погибла и самая флора—сотни кустов упорно взращенных природой и густой прежде от растительности склон к станции и линии жел. дороги сильно оголился.

Полагаю: 1) Сейчас Дагест. Музею необходимо принять

шаги перед высшим местным правительством, чтобы без ведома Музея не производилось никаких в дальнейшем посадок и порубок.

2) Поднять вопрос об охране Кумторкалинских сыпучих песков как памятника природы не только местного, но и общесоюзного значения.

До рассмотрения вопроса специальной комиссией от себя считаю уместным высказать:

1) Необходимо совершенно воспретить посадку или посев в Кумторкале привозных, чужеродных семян и черенков не местного происхождения.

2) Необходимо избежать всяких опытов с пересадкой черенками, кустами или посевом семенами: *Eremosparton*, *Astragalus karokargensis*, *A. Lehmannianus*, *Asperula Danilewskiana* и не повреждать мест их распространения—для охранения естественности природной их сообществ.

По моим наблюдениям, данные распыления в Кумторкале обладают большой силой распространения и способны самостоятельно закрепить большую часть песчаного пространства. Этот научный вывод совпадает и с отзывами местных аульных стариков, по словам которых при них и их дедах (т.е. до вмешательства человека) данные распыления: *Eremosparton* и оба астрагала гораздо гуще одевали пески и были шире распространены.

3) Для посадок в наиболее угрожаемых для жел. линии пунктах (именно, у обоих семафоров) считаю наиболее целесообразными посадки черенками и пересадки (взятые с осторожностью) местных же растений: песчаной полыни (*Artemisia arenaria* DS.) и безлистного кустарника—*Calligonum arhyllum* (Pall.) Zärke.

4. Вообще—выскажу—наилучшей мерой укрепления местных песков более является тщательное окарауливание одевающей их сейчас растительности от всяких поправ скопом и порубок. Тогда местная растительность быстро сделает свое дело и залечит раны, наносимые ей до сих пор человеком.

Ботаник А. А. Майоров.

R.S. За время поездки всего собрано около 300 листов гербария, взяты образцы барханного песка с г. Сары-Кум и гальки с пустынным засором, найден в песке наконечник древней железной стрелы (?) и взяты и доставлены в Музей для выставки в монтирован. виде отпрыск 4-х туркестанских песчаных растений.

А. М.

Поездка в геоботанических целях в 1926 г.

Ботаник А. А. Майоров в июле 1925 года экскурсировал, по поручению Дагестанского Научно-Исследовательского Института, в районе ст. ж. д. Кумторкале—в области местных сыпучих песков и в горах к югу от Кумторкале. Им собран гербарий в несколько сот листов, сделаны биологические и систематические наблюдения над растительностью песков, местными посадками для укрепления песков. Исследователь обращает внимание, что по его многолетним наблюдениям и ис-

следованиям местные эоловые пески, представляющие сами по себе необыкновенный для всей Евразии феномен природы, для укрепления более нуждаются в охране — строгой — местной туземной растительности, нежели в посадках и посеве — да еще чужеродными семенами и саженцами. Местная растительность в силах покрыть пески, если она будет ограждаема от поправ скотом, порубок и от стараний более культурных, но тем более опасных вредителей. — Поднимаясь на 200 метр. (около 100 саж.) относительной высоты над местностью пески Сары-Кум, против Кумторкале, являются, по сложению и происхождению, типичной «барханной горой», образованной постоянным действием противоположных косых ветров. Подобной высоты барханные образования являются еще лишь в Сахаре (так наз. большие дюны в большом Эрге, в 500 метр. выс.). Бугор Сары-Кум является памятником пустынной послеледниковой эпохи и соответственно и в полном смысле слова живым Музеем тогдашней флоры, так как у подножия кумторкалинских песков мы находим сейчас, среди растительности, 4—5 редчайших Туркестанских вида, которых сейчас уже нет ни на Кавказе, ни к северу от него — до самого Арала. Тем более самые пески (релвиф) — и растительность на них должны тщательно охраняться, а всякие лесоводственные опыты по закреплению песков должны допускаться с величайшей осторожностью, чтобы не обезобразить вековой необыкновенный памятник природы и не засорить местную флору чуждыми растениями, напр. Туркестанскими, случайное происхождение которых потом — может оказаться — трудно будет открыть.

Ботаник *Майоров.*

Библиография

Рефераты

Рецензии

Библиография.

• **Беме, Л. Б.** «Результаты орнитологических экскурсий в Кизлярский округ Даг. Республики».

Северо-Кавказский Институт Краеведения, Владикавказ 1925 г., стр. 29.

Работа является результатом 4-х поездок автора в Кизлярский округ в 1921—22 г. г. и имеет характер предварительного сообщения.

Наибольший общий интерес представляет даваемое автором разделение «округа пустынных Прикаспийских степей Предкавказья» Сатунина на более мелкие единицы, несомненно неточно называемые автором «стациями». Их различает пять: 1) пойменные леса, сады и культурные посевы, 2) правянисто-злаковые степи, 3) глинисто-солончаковые степи, 4) барханные пески и 5) приморско-болотная полоса.

Отмечено, повидимому, довольно характерное птичье население отдельных участков. В следующем далее статистическом перечне приводится 154 вида птиц. Впервые указывается для Северного Кавказа белоусая славка (*sylvia mystacea Mén*), до сих пор известная из Закавказья. В заключение достаточно неожиданно дается краткий перечень наблюдавшихся автором в описываемом районе млекопитающих (18) видов.

М. Р.

• **Бакланов Н.** Златокузнецы Дагестана (О кузнецах-металлистах сел. Кубачи).

Центральное издательство народов СССР М. 1926 г.

Печатается по распоряжению Комитета по изучению языков и этнических культур восточных народов СССР. 67 стр. 25 иллюстраций. Цена 2 р.

В предисловии дается описание аула Кубачи и сообщаются общие сведения о разных видах кустарной промышленности в Дагестане.

В изложении подробно, с иллюстрированием, характеризуется работа кустарей металлстов аула Кубачи, изделия коих имеют известность как на Кавказе, так и в крупных центрах России. Характеристика дается всесторонняя: со стороны процесса, орудий, выработок, орнаментировки, материала, изделий, экономики производства и перспектив развития его.

В общем очерк дает полное представление об интересной работе Кубачинцев, с каковой во время своих двухкратных поездок по Дагестану хорошо ознакомился автор, опнесшийся к вопросу с большим вниманием и углубленным интересом.

С внешней стороны издание выпущено безупречно. Мало книг по Дагестану за последние годы издавалось с таким большим вниманием к эстетической стороне издания. Часть рисунков хорошо исполнено графической манерой.

Цена издания, несмотря на хорошие качества последнего, все же несколько высока. Желательно понижение ее. Это несомненно увеличит спрос на книгу и приблизит ее к населению.

Хотелось бы выразить пожелание, чтобы и другие работы сотрудников Комитета, бывавших в Дагестане, скорее были с той же тщательностью, как и работа Н. Б. Б., выпущены в свет, чему, несомненно, не откажет в содействии и местный Госиздат, до сих пор не выпустивший еще ни одной книги научного характера, даже близкой по содержанию к интересам широких масс.

П. Д.

• **Григорович-Березовский, Н. Проф.** Полезные ископаемые Дагестана.

«Северо-Кавказский Край», 1925 г. № 1, 154—165 стр.

Содержание очерка: а) геология местности, б) перечень полезных ископаемых по отдельным их видам, с краткой характеристикой важнейших, с изложением краткой истории их обследования и эксплуатации, в) путные общие выводы о значении главнейших минеральных богатств Края и о возможностях их использования в дальнейшем.

Очерк написан бывавшим в Дагестане специалистом, читается легко и представляет несомненный интерес, хотя про него так же, как и про многое из материалов, печатаемых в давшем ему приют журнале, нельзя сказать на какого читателя он рассчитан: если на широкую публику, — то непонятно зачем было перечислять большинство месторождений поименно, с точным

Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН

instituteofhistory.ru

обозначением территорий выхода; если для специалистов и для справок практическим работникам—то нельзя объяснить: почему список полезных ископаемых во первых далеко не полон (даже сравнительно с напечатанным в 1923 году подобным же списком в № 1 «Отчета ДагЭкосо», пример—о «железных рудниках», «серных залежах» и т. п.), во вторых местами лишен точности в указаниях мест. Эти две черты лишают работу значения справочника по полезным ископаемым Д—на, составление которого продолжает оставаться очередной задачей Дагестановедения.

Д. П.

«Дагестанский Музей». Бюллетень № 1, № 2.

Издание Музея. 1925—1926 г. г. стр. 116, 138.

Очень опрятно изданные брошюры производят весьма благоприятное впечатление со стороны программы и содержания.

Программа состоит из трех частей: а) статьи Краеведческого и Музейного характера, б) хроника Краеведческого (научно-исследовательского) движения в Дагестане и в) перечень новой литературы по Дагестану.

Содержательно заполненная небольшая программа дает вполне ясное представление о том, каким темпом и по каким направлениям научно-исследовательская работа в Дагестане за последние годы идет.

Большим вкладом является и перечень новой литературы по Дагестану, где с исчерпывающей полнотой отмечаются и вновь выходящие печатные издания, и новые рукописи.

В общем, настоящее издание по справедливости может быть причислено к образцовым. Если бы другие Горские Музеи хотя бы раз в год выпускали подобные бюллетени—и им, и интересующимся их работой деятелям была бы ясной картина Музейно-Краеведческого движения в горских областях.

Д.

«Дагком». Первая Дагестанская Конференция Р. К. П. (б) 28—30 ноября 1921 года.

Дагосиздат. Буйнакск, 122 стр. с 15 таблицами. Тираж—500 экземпляров.

Изданная на плохой серой бумаге, но для 1921 года довольно удовлетворительно, книга заключает в себе следующий материал: а) отчетный доклад Д. К. Р. К. П., б) доклад Нонейшвили: «о задачах партийного строительства» в условиях Дагестанской действительности, в) доклад И. Алиева об отделении церкви от Государ-

ства, г) доклад Корк масова: «Наша политика в Дагестане».

Ко всем докладам приложены стенографические записи прений и резолюций.

Нет никакого сомнения в том, что издание подобного рода книг, заключающих в себе первостепенной ценности и очень обильный материал для истории, является делом важным. Однако, нельзя не отметить, что опубликование подобного материала должно было бы носить форму, более приспособленную к нуждам широких читательских масс, чем форма отпечатания всей целиком стенограммы. Массовому читателю одалеть книгу почти в полторы сотни страниц совсем не легко, тем более, что стенограммы отображают не только существенно ценный, но и сырой материал (подробности процедуры заседания и т. п.).

Ввиду этого было бы желательно, чтобы при дальнейших изданиях подобного рода отчетов, помимо обязательного опубликования расширенных на узкий круг специально подготовленных читателей стенографических записей, опубликовывались и сокращенные отчеты для массового распространения, в форме доступной среднему или даже малоподготовленному читателю.

Подобные сокращения очень просты в смысле технического и, поскольку для них можно использовать в большей части готовый набор, сравнительно дешевы.

Д. М.

«Дагсовнархоз». Дагестанская промышленность за пять лет (1920—1925). Общий обзор ко дню пятилетнего юбилея Даг. Ц. С. Н. Х.

Буйнакск 1925 года. Типография Дагнаркомпроса. Тираж 550 экземпляров, 237 стр., 9 таблиц, 2 карты, 7 диаграмм (в красках).

В значительном по размерам и интересно задуманном «Сборнике» материал трех сортов: после носящего вступительный характер очерка Х. Хан-Магомедова—«Экономические предпосылки и перспективы промышленности Д. С. С. Р.», идет тоже вводный «Очерк работы Президиума ДСНХ в области восстановления, управления и развития Дагестанской промышленности», потом следующие очерки деятельности важнейших промышленных предприятий (вместе с сводным отчетом ДСНХ-оза и его торгового отдела); в конце помещается ряд статей по отдельным вопросам Дагестанского Народного Хозяйства, составленных видными специалистами, работавшими на протяжении пяти лет по специальным

заданиям. («О нефтеносных районах»—К. П. Калицкого и Д. В. Григоровича,—«О серных и ртутных месторождениях» и т. д.).

Производящий весьма благоприятное впечатление разнообразием и обилием ценного материала, «Сборник» подкупает в свою пользу и полной серьезностью трактовки вопросов, нигде не сбивающейся на шаблонный юбилейный жаргон.

Метод сравнительной перспективной характеристики; широкое использование самых последних и при том точных данных; осторожность в выводах и обобщениях—все это позволяет учитывать опубликованные в «Сборнике» сведения как солидный материал для характеристики современного состояния и для суждений о предстоящих перспективах Дагестанского Народного Хозяйства.

С внешней стороны сборник издан с тщательностью и был бы удовлетворительным, если бы его не распирали громоздкие и пухлые таблицы. Кроме того нельзя назвать удовлетворительными диаграммы и карты, грубоватые по чертежу и пестрящие слишком яркими красками.

П. Д.

«ДагЭкосо». Отчет № 1 (с октября 1922 г. по март 1923 г.).

Москва, 1924 г. Издание отдела печати и информации Наркомнаца 125 стр. Тираж 1000 экземпляров.

Очень тщательно изданная книга состоит из двух частей: а) доклад об экономическом состоянии Дагестана Н. Самурского и б) самый отчет ЭКОСО.

В первой части самым интересным материалом являются сведения о том, как гражданская война отозвалась на экономике Дагестана и с каким материальным балансом Край вступил в эпоху нового экономического строительства. Сведения относящиеся к характеристике природных ресурсов Дагестана то же представляли бы значительную ценность, если бы не были присущи некоторым особенностям манере их изложения, делающей их часто трудно усвояемыми. Как на наиболее яркий пример последнего можно указать на помещенный в главе о горной промышленности перечень полезных ископаемых Дагестана, в котором даже с картой трудно разобраться.

Отчет «Экосо»—обычная ведомственная характеристика работ как самого учреждения, так и хозяйственных органов Республики в области сельского хозяйства, промышленности, коммунального и финансов.

В общем отчет дает достаточный материал для суждения по запрашиваемым в нем вопросам и в этом смысле опубликование его, как бы воскрешающее оправдавшую себя старую традицию издания областных «Ежегодников», должно быть встречено полным сочувствием. Очень жаль, что в следующие за 1924-ым годы подобных (или может быть несколько иных по форме) отчетов мы не имеем.

Систематическое ежегодное опубликование подобных материалов (если, конечно, они точны) и для современности, и для истории безусловно необходимо.

Павлов.

«Добрынин Б. «Ландшафты Дагестана». Географический очерк с картой.

«Землеведение» т. XXVI, вып. 1—11, стр. 93—113. Москва, 1924.

Автор дает краткую, в общих штрихах, характеристику ландшафтов и ландшафтных районов Дагестана (в границах до 1923 года) на основании собственных географических исследований Дагестана в 1916, 1922, 1923 г. г. и имеющейся литературы.

Он делит территорию этой страны прежде всего на следующие пять частей, отличающихся в ландшафтном отношении: I. Терско-Сулакская низменная полупустынная (иначе Кумьико-Ногайская) плоскость; II. Приморская низменность Дагестана; III. Предгорный Дагестан; IV. Внутренний Горный (по преимуществу известняковый) Дагестан и V. Высокогорный Альпийский (по преимуществу сланцевый) Дагестан.

Кроме этого основного продольного или высотного деления на ландшафтные области—зоны, Дагестан необходимо так же разделить на две части поперек или широтно на: А. Северный и Б. Южный.

В дальнейшем автор приводит характеристику некоторых из намеченных ландшафтных зон и районов в их основных чертах и особенностях, а именно Приморской низменности Дагестана и Предгорного Дагестана.

В кратких чертах характеристика их сводится к следующему: Приморская низменность Дагестана имеет «молодые, недавно возникшие формы рельефа (приподнятая береговая платформа Каспия). Климат преимущественно сухой и тепловый, с осенними и зимними дождями. Солонцеватые почвы. Ряды песчаных дюн по берегу моря. Соленые озера и солончаки. Мелкие, разбивающиеся на рукава, реки, нередко иссякающие. Преобладающий пустынный тип раститель-

ности, несколько более сочный и яркий осенью и весной, с рядом быстро вегетирующих и отцветающих форм. Летом доминируют седая полынь, сизая солодка, верблюжья колючка, желто-зеленые и серые солянки, на солончаках и берегах рек высокие кусты тамарисков с изящно рассеченной зеленью и карминовыми метелками цветов. В немногих теплых и влажных местах—роскошный перевитый лианами лиственный лес. Летом—безлюдье, малярия, одиноко пробегающий поезд. Редко где небольшие культурные участки. По берегу моря кое-где рыболовные вагаги и в море—рыбачьи паруса. Зимой большие стада овец и наскоро построенные лагуны и загонны спустившихся с гор скотоводов».

Автор отмечает, что климат низового Дагестана и в настоящий момент обнаруживает, хотя и в ослабленном виде, некоторые черты средиземноморского типа. Это обстоятельство благоприятствовало сохранению тут многих форм органического мира, реликтов, указывающих на прежние более частые связи страны со средиземьем и позволяющих нам признать Дагестан крайним восточным районом средиземноморского ландшафтного мира.

Что касается Предгорного Дагестана, то здесь «формы рельефа представляют собой большей частью молодое, концентрическое и последовательное происхождение, невысокие складчатые горы—короткие сводовые хребты с отпрепарированными эрозией в виде гребней боковыми крыльями; синклиналильные понижения, образующие широкие котловины». Почвы зональные: в нижней зоне (подзоне) каштановые, в верхней—каштаново-черноземные и горно-черноземные. Климат в общем мягкий; распахиваемость довольно богатая, кроме отдельных безводных пустынных местностей в нижних горизонтах, на бесплодных песчаниках или соленосных глинах. Ландшафт варьирует с высотой и географическим положением; по высоте выделяются нижняя (50—300 саж. над морем) и верхняя (от 300 до 600 саж.) подзоны. Нижняя полоса наиболее характеризуется ксерофитными кустарниками средиземноморского типа (шибляк), а в южном районе—отдельными уголками лианового леса. Верхняя полоса—густые дубово-грабово-буковые леса и сочные травяные лужайки. На южных сухих и каменистых склонах во всем Предгорьи—ксерофитная травяная растительность степного типа или типа фельганы. Культурный ландшафт свя-

зан с развитием земледелия—хлебопашества, садоводства и виноградарства—в нижней.

Небольшая работа Б. Ф. Добрывина представляет значительный интерес, как первая попытка изучения и описания географических ландшафтов Кавказа.

А. Ляйстер.

Эрмолов А. П. Письма.

Предисловие А. А. Тахо-Годи. Издание Ассоциации Северо-Кавказских Горских Краеведческих Организаций. Махач-Кала. 1926 г. 55 стр., 3 рисунка.

В ряду изданий, выпущенных за последний год Ассоциацией, письма известного деятеля Кавказских войн генерала Ермолова по научной ценности занимают одно из первых мест. Письма эти являются очень ценным вкладом в историческую литературу о Кавказе.

Ермолов, как известно, был большим охотником до переписки. А так как он, закоренелый холостяк, всю жизнь заполнявший только делом, не имел никаких интересов, кроме широко общественных, то из его переписки соспавился значительный том значительных исторических материалов.

Публикуемые теперь Ассоциацией письма могут быть даже более значительны, чем опубликованные раньше другими издательствами.

Адресованные одному из самых близких Ермолову друзей, занимавшему высокий пост при дворе, письма эти и по полной откровенности, и по крупности тем—несомненно выдающийся документ.

Интересны они как материал для характеристики самой личности Ермолова; интересны для характеристики современной этому деятелю эпохи; интересны для пополнения картины борьбы русского империализма с Кавказскими горами, в частности с Дагестаном.

Ценны как исторический документ—письма Ермолова представляющие несомненный интерес и просто как материал для легко усвояемого серьезного чтения. Образный и сочный стиль; разнообразие и колоритность затрагиваемых сюжетов; наконец самый тон,—энергичный и четкий, местами доходящий до подлинной чеканности—все эти качества писем дают полное основание приравнять их к очень хорошему литературному произведению.

С внешней стороны книга издана очень хорошо. Богатая обложка (полупереплет), техническая безупречность набора и верстки—все это, несмотря на некоторую побитость

старого шрифта,—выгодно выделяет издание из серенькой продукции современного провинциального книжного рынка.

Нельзя не пожелать самого широкого успеха этому интересному и ценному изданию.

Нельзя вместе с тем не выразить крайнего сожаления о том, что в силу несовместности Госиздата и Конспиративного агентства—являющихся почти монополистами нашего книжно-распространительного аппарата,—распространение подобных рецензируемому провинциальных изданий по Союзу Республик почти невозможно.

На эту, первостепенно важную сторону дела, наносящую бесконечный ущерб работе провинциальных издательств, как можно скорее должно быть обращено соответствующее внимание.

Д. П.

Э. Плановое хозяйство Дагестана. Ежемесячный журнал Госплана Дагестанской Республики.

Махач-Кала. 1927 г. №№ 1—3.

Задачей журнала, как сказано в редакционном предисловии, «является освещение всей совокупности вопросов народно-хозяйственной и культурной жизни Дагестана. Вопросы статистики, промышленности как ценовой, так и кустарной, вопросы экономики и организации сельского хозяйства, вопросы социально бытового порядка—здравоохранения, просвещения, жилищного дела и т. д. должны получить в журнале всестороннее освещение».

«Журнал не должен иметь ведомственный характер. Он должен стать центром советской общественности, занятой непосредственно строительством или заинтересованной в нем, или сочувствующей выполнению тех сложных задач культурного и хозяйственного подема, без разрешения коих мы не можем считать себя достойными членами Союза Советских Республик».

В связи с такими взглядами журнал в первых своих №№ дает место статьям разнообразного содержания, большинство коих, однако, затрагивает темы, связанные с народным хозяйством,—промышленностью, торговлей, финансами.

Среди этих статей, наряду с мелкими набросками, имеются капитальные этюды (пример—о балансе народного хозяйства Дагестанской Республики, о дорожном деле в Дагестане и т. д.), кои могут быть интересными не только для одних узких специалистов.

Несколько непонятными являются отделы «по Советскому Союзу» и «за границами СССР». Не вполне ясно их назначение, поскольку им дает место Дагестанский журнал, не вполне понятен и принцип подбора в них материала. По сколько в них дается место сведениям, например—об Азербайджане, ценность их ясна, но поскольку говорится, например, и о восстановлении центральной черной земной области, возникает вопрос о мотивировке».)

Судя по первым №№ журналу удалось привлечь к сотрудничеству работников разных специальностей, кои к своей работе отнеслись с подобающим вниманием. В связи с этим фактом не оставляет сомнений надежда, что с каждым следующим № журнала будет приобретать большую программную (в отношении отдельных №№) выдержанность.

Нельзя не закончить искренним пожеланием полного успеха новому начинанию Даггосплана.

П. а.

Э. Три имама. Мемуары Мюрида Шамиля Магомета Тагира (из Кораха).

Перевод Г. Маллачи-Хана, под редакцией А. А. Тахо-Годи.

Издание Дагестанского Научно-Исследовательского Института. Махач-Кала, 1927, стр. 144.

Изданная с большой тщательностью в изящной зеленой обложке, с портретом Шамиля, подкупающая своей внешностью, книга по содержанию должна быть названа выдающимся явлением в исторической литературе о Дагестане.

Название книги (—данное редакцией во имя интересов удобства) не является точным переводом авторского заглавия. Не вполне совпадает оно и с содержанием: о двух первых имамах здесь говорится очень кратко,—при чем новых существенных моментов в историю их не вводится. Большая часть содержания относится к Шамилю. Эта часть не обнимает полностью всей эпохи владычества знаменитого Дагестанского героя,—нет материалов о конце его эпохи,—тем не менее по своей значительности она совершенно необычайна.

Необычайность ее в том, что ею устанавливается новый,—сравнительно с доселе установившимся,—взгляд и на самого претертого имама, и на характер его исторической роли, и на самый ход его действий.

*) На ряду с этим совершенно отсутствует хроника народно-хозяйственной и культурной жизни Дагестана, случайные отрывочные заметки о коей интересующиеся попрежнему вынуждены собирать со страниц местной газеты.

Высокая ценность рукописи к большому сожалению несколько уменьшается многими неточностями, допущенными переводом, и рядом довольно крупных ошибок в начертании местных географических терминов и собственных имен.

Безусловно желательно, чтобы второе издание этого ценного исторического документа (которое несомненно скоро потребуется) было произведено по новому вполне точному переводу.

Вполне желательным является и издание этой работы на местных языках.

Д. М. Мих.

● **Самурский (Эфендиев) Нажмудтин.**—Гражданская война в Дагестане.

Даггосиздат, Махач-Кала, стр. 32 Тираж—200 экземпляров.

Задача очерка, как отмечает автор,—обрисовать основные моменты гражданской войны в Дагестане. Автор не претендует на полную картину и всесторонность характеристики: у него нет материала „о борьбе бедноты Южного Дагестана“, „о борьбе рабочих города Пепровска“, „о всех „группировках, которые тогда существовали и сталкивались между собой за власть“. Он дает только общую канву главнейших революционных переживаний Дагестана,—начиная с образования Временного Областного Совета (1917 года), кончая подавлением последних противосоветских восстаний (1921 года). Поскольку для описания многих из затронутых в очерке событий автор является первоисточником и поскольку о всех описанных описываемых фактах он имеет сведения из первых рук—его небольшая работа является ценным вкладом в очень скудную литературу об исторических переживаниях Дагестана последних годов.

Появление реферлируемого очерка надо приветствовать и как первую попытку связного изложения эпохи гражданской войны в Дагестане.

Полная чрезвычайного интереса и колоритности, эта эпоха до сих не находила своих бытописателей. Хотелось бы думать, что работа тов. Самурского послужит и поводом и побуждением к появлению ряда других, сродных ей по теме, очерков.

В этой работе—только канва событий. Дальнейшая задача—подробное изложение каждого из отдельных моментов истории. „Областной Совет“ 1917 года и Владикавказский Майский Съезд, Узун-Хаджи и Гоцинский, Шариатское Эмирство в Чечне и Милли-Комитет, „Газават“ за мус-

саватистов, дашнаки, а потом турки в Дагестане, Буйнакский, Дахадаев, Военно-Революционный Комитет, Бичерахов, диктатура Тарковского и Халилова, Горское (Коцевское) Правительство, английские войска, Пржевальский и добровольцы в Дагестане, морские операции, казачьи отряды и карательные экспедиции по крепостям, роль Областного Комитета РКП и организация восстаний, отдельные моменты борьбы в горах, Совет обороны, азербайджанское и грузинское вмешательство, Казим-Бей, Нури-паша, Саид-Бек, Алиханов, осада Хунзаха и Гуниба, Араканская история, походы в „Гунибском и Хунзахском направлениях“, помощь дагестанским партизанам со стороны Красной армии—все это такие значительные темы, кои заставляют желать и ожидать отдельной их разработки в целях последующей широкой зарисовки всей общей картины.

Нет сомнения, что целый ряд живых очевидцев послереволюционных переживаний Дагестана имеет сказать свое слово по поводу каждого из перечисленных событий и явлений и надо настоятельно пожелать, что бы это слово ими было сказано как можно скорее.

Наступившее умиротворение дает возможность спокойно разобраться в происходившем, а расстояние в несколько лет уже создало достаточную для сравнительной объективности перспективу.

И если к пятилетию Советской власти в Дагестане мы имеем только одну маленькую упомянутую брошюру т. Самурского, то надо пожелать, чтобы на протяжении ближайших годов интересующиеся дагестанским прошлым смогли увидеть в печати длинный ряд не только общих схематических очерков, но и монографических описаний и мемуаров.

Было бы чрезвычайно значительным, если бы к десятилетию Советского строительства в Дагестане оказались возможности осветить послереволюционные переживания и в серии мемуаров, и в подробном специальном труде.

П—а.

● **Н. Самурский (Эфендиев).**—Дагестан.

Изд. 1925 года, 140 стр., 1 карта; рисунки—в тексте. Ц. 85. к.

Брошюра написана по заданию Комитета ЦК РКП(б.) по изданию национальной литературы. Автор откровенно признает, что за недостатком свободного времени и в силу отсутствия точных статистических данных и исторических материалов „многие

вопросы“ им „оставлены без ответа, на многие дан ответ с недостаточной полнотой“.

Цель его была „дать общее представление о Дагестане“.

В этих видах, после небольшого, но интересного по постановке ряда вопросов, введения сообщает краткие сведения о территории и населении Дагестана (1 гл.), о главных датах его исторического развития (2 гл.), о быте населения (3 гл.), о разных влияниях на развитие промышленности в крае (4 гл.), о развитии сельского хозяйства и скотоводства, о старой колонизаторской и переселенческой политике (5 гл.), о культуре и просвещении Дагестана в прошлом (6 гл.). Более подробно он останавливается на характеристике революционных и оппозиционных течений и общеполитических группировок в Дагестане до Февральской революции (7 гл.), на ходе событий от февраля 1917 г. до апреля 1920, на развитии коммунистических организаций (8 гл.). Потом кратко характеризует современное экономическое положение Края (9 гл.), советское строительство и участие в нем местного трудового населения (10 гл.), культурное (11 гл.) и партийное строительство (12 гл.) в послеоктябрьский период и до настоящего времени, взаимоотношения мусульманского духовенства и советской власти (13 гл.). В заключение говорит об очередных хозяйственных задачах Республики.

Группированный применительно к столь обширной программе материал не может быть признан имеющим одинаковую ценность: компилятивные, часто основанные на устаревших или приблизительных материалах характеристики территории, населения, быта и исторического развития Края, конечно, не могут быть поставлены вровень с основанными на первоисточниках и живо изложенными обрисовками послереволюционных событий и партийного строительства в Дагестане,—сведения о коих, правда, уже опубликованы автором в отдельной специальной брошюре, мало в чем пополненной настоящими главами.

С внешней стороны книга издана очень хорошо.

Хотелось бы видеть значительное лучшее только иллюстрационный материал. Совершенно не соответствует внешним достоинствам брошюры и мало помогает уяснению сообщаемого материала плохо исполненная, излишне скромная и по размерам, карта.

Д. М. П.

● **Ал. Тодорский.** „Красная армия в горах“. Действия в Дагестане.

Изд. „Военный вестник“, Москва 1925 года 187 стр., 1 табл., 43 чертежа в тексте.

Тов. Тодорский—бывший начальник оперировавшей в Дагестане 32 стр. дивизии, командовавший Дагестанской группой войск с ноября 1920 года до половины апреля 1921 года,—т. е. как раз в период наиболее интенсивного развития здесь противосоветского повстанческого движения и ликвидации последнего. Это обстоятельство во многом делает его авторитетным историком событий и придает его книге исключительный интерес.

Книга состоит из 4 глав, заключения и написанного С. Каменевым предисловия.

Первая глава, названная: „Военный обзор Дагестана“, представляет из себя ничто иное, как общую характеристику Дагестанского Края со стороны физической географии, населения и экономического положения. Изложенная всего на 28 страничках, т. е. крайне сжатая и схематичная,—составленная по старым источникам, с использованием иногда совершенно устаревших цифр—эта характеристика не представляет ни ценности, ни интереса.

Вторая глава: „политический обзор Дагестана и предпосылки восстаний“, „скомпанованная на основании личных указаний т. п. Коркмасова, Самурского, Габиева и Тахо-годи,—активных участников революционного движения в Дагестане“—представляет из себя связный рассказ о смене главнейших моментов гражданской войны в Дагестане,—рассказ и по структуре, и по содержанию почти идентичный с выпущенной Даггосиздатом, освещающей ту же тему, брошюрой Н. Самурского.

Ценность книги—в 3-ей и 4-ой главах и в приложениях, написанных по архивным делам штаба XI армии за 1920—21 годы.

3-ья глава посвящена характеристике Дагестанской повстанческой армии со стороны ее состава, вооружения, состояния, управления и руководителей. Здесь собран в высокой степени интересный и в значительной мере важный материал. Некоторым недостатком главы является местами излишняя схематичность изложения, оставляющая необходимость в значительных пополнениях,—в особенности поскольку идет речь о главнейших деятелях движения. Зато с полной обстоятельностью разработана последняя (5 глава), практическая о «боевых действиях»: она дает отчетливое представление и о

всех перипетиях восстания, и о всех трудностях направленной против него борьбы, потребовавшей огромного напряжения и очень больших жертв (5000 погибших!) со стороны Красной армии.

Эта глава, — достигая своей главной цели: сделать достоянием военных кругов редкий опыт работы Красной армии в исключительно трудном горном районе, — одновременно с сим является общинтересной страницей к истории испытанных в последние годы Дагестаном переживаний, давая «правдивый, — как пишет в своем предисловии м. Каменев, — материал для следующей работы историка».

Представляя значительный интерес со стороны содержания, книга Тодорского почти не имеет погрешностей (помимо уже отмеченной схематичности) и в отношении манеры изложения материала.

«Автор не делает из своего повествования ни выводов, ни обобщений, ни поучений» (С. Каменев).

Работа его — объективна, порою почти летописна. Случаи пристрастности суждений — редкое исключение, почти не нарушающее общей выдержанности спокойного и уравновешенного тона повествования.

Такая манера, — столь не частая в литературных трудах непосредственных участников боевых событий, — придает реферируемой книге особо значительный уделный вес и во много раз увеличивает ее и без того немалую ценность.

Д. П.

3 Тахо-Годи А. А. — Революция и контр-революция в Дагестане.

Издание Даггосиздата и Даг. Научно-Исследовательского Института. Махач-Кала, 1927 г. 230 стр., 16 рисунков на отд. листах

Книга состоит из двух частей: а) схематического изложения событий, имевших место в Д-не с 1917 года и б) приложений, — перепечатки ряда относящихся к указанным событиям исторических документов.

Торопливый очерк происходившей в Дагестане гражданской войны, — не смотря на неблагоприятные условия написания (— в санатории, во время лечения автора) — должен быть признан вполне отвечающим своему основному назначению: дать канву для предстоящей подробной зарисовки сложной и колоритной пережитой Дагестаном революционной эпохи.

Первые послефевральские события 1917 года; деятельность Даг. Гражд. Исполкома; работа шариятского блока и социалистической группы; Нажмудин Гоцинский и Узун-Хаджи; Юго-Восточный Союз; первые шаги

большевизма в Дагестанской обстановке; поиски национальным правительством союзников на Востоке; Тарковский, Бичерахов, турки; революционное движение в смежных с Дагестаном территориях; Горская Республика; Халилов, Деникин; восстания в Д-не; победа Советской Власти и контр-революционное движение 1921 г. — все это на страницах книги нашло подробное и, — что для подобного рода работ очень важно, — достаточно объективное освещение.

Автор справедливо полагает, что после его труда для других участников гражданской войны в Д-не будет значительно легче выполнить свой долг перед местной историографией дополнительными сообщениями о событиях свидетелями коих им дана возможность быть историкам.

Написанная легко и живо — книга Тахо-Годи несомненно встретит значительное распространение среди широких масс населения.

С внешней стороны книга издана почти безупречно. Прекрасный новый шрифт; очень приятный формат; отличный набор, верстка, печатание и брошюровка; стильный рисунок обложки — все эти технические достижения делают несомненную честь Буйнакской Типо-литографии Даггосиздата, настоящим изданием ставшей вровень с столичными полиграфическими заведениями.

Хотелось бы, пользуясь случаем, выразить сожаление, чтобы с этой высотой в отношении книжной техники типография в дальнейшем не спускалась.

П. а.

3 Фатеев А. К. Потребительская Кооперация Дагестанской Республики (5 лет работы Советской Потребительской Кооперации Дагестана).

384 стр. с 84 иллюстрациями. Изд. Дагест. Союза Потреб. Обществ. Махач-Кала, 1925 г. Тираж — 1000 экземпляров.

Очень объемистая книга одного из б. ответственных работников Даг-союза п. Фатеева, как видно по предисловию, имела целью дать «общий очерк Дагестанской кооперации... и, вообще дать более или менее полное представление о кооперативном движении в Дагестане, со стороны итогов, ошибок и достижений.»

Автор уверенно утверждает, что «удовлетворить эту потребность» «выпуском настоящей книги удалось».

К сожалению, с ним едва ли может согласиться читатель: не смотря на свою, — более, чем значительную, — объемистость, книга не дает не только «полного представления», но даже

«общего очерка» кооперативного движения в Дагестане. Она трактует только о потребительской кооперации, оставляя в стороне и сельскохозяйственную, и кустарно-промысловую и кредитную.

Структура книги такова: предисловие; ч. 1 — общая характеристика Дагестана со стороны географии, истории общей и истории революционного движения в частности, сельского хозяйства, промышленности и естественных богатств; 2 — исторический очерк кооперативного движения в Дагестане; ч. 3 — обзор деятельности районных кооперативов; заключение — итоги и перспективы.

Эта структура, однако, оказывается совершенно не выдержанной. 2-ая глава, вопреки плану, трактует не об истории кооперации в Дагестане, а исключительно почти о Дагсоюзе, исторические же данные о росте отдельных (районных) кооперативов вкраплены в 3—6-ю главу.

Из других недостатков построения книги надо отметить несомненную ненужность первой главы. В Дагестане стало какой то модой выпускать ведомственных изданий предварять «общими очерками» Края. Даг-Экосо, составляя отчет Совету Труда и Обороне, пишет «общий очерк»; АСУ даже в своем журнале дает ряд «общих очерков» — и т. п. Эти очерки обычно составляются по старым печатным источникам и только повторяют их ошибки. Очерк п. Фатеева от них отличается разве только тем, что при составлении его использованы недавно вышедшие брошюры по Дагестану (Самурского, Габиева), то же в использованных Фатеевым частях не прибавляющие к прежней литературе нового.

Переходя к оценке содержания книги надо сказать, что далеко не все ее части имеют одинаковую ценность.

«Общий очерк» Края, — неуместный по соображениям структуры книги, — вызывает возражения и со стороны содержания: поверхностность его, очевидная неправильность многих

данных (пример — утверждение, что $\frac{1}{5}$ Дагестана представляет из себя «высокие и отвесные горы») недостаточная внимательность к терминам (Дагестан граничит с «Терской губернией»), наличие категорически высказываемых утверждений, на которые далеко не дает права современное состояние наших знаний о Крае (пример — утверждение, что «большинство дагестанских племен не имеет ничего общего между собою») — все это заставляет относиться к очерку, как к произведению очень сомнительной ценности.

Несколько иными являются главы, посвященные развитию основной темы автора, практические о кооперации в Дагестане со стороны ее истории и современного состояния. Можно желать от них большей полноты, можно возражать против частностей построения (плана), — но отнюдь нельзя отрицать ценности их, как обработанной сводки доселе неопубликованных данных.

Составление этих глав, безусловно потребовавшее от автора значительной затраты энергии и времени, восполнило существенный пробел в литературе по экономике Дагестана. Эти главы, несомненно, прочтутся с интересом не одними только кооператорами.

Заключительная глава («итоги и перспективы» кооперативного движения в Дагестане) отнюдь не может быть трактуема как заключение: это не объективный вывод из содержания книги, а изложение в большинстве случаев совершенно субъективных предположений автора, — с которыми может быть частично и можно согласиться, но которым место только в периодическом органе, — да и то в отделе статей, помещаемых в дискуссионном порядке.

Из 84 иллюстраций, какими автор снабдил свою книгу, $\frac{8}{10}$ не имеют никакого отношения к кооперации. Их не следовало помещать так же, как и вступительную главу и заключение.

П. Д. М.

Оглавление

Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН

instituteofhistory.ru

Предисловие

3

Материалы:

Г. Ясулов — Хаджи-Мурат	7
Песня о Надир-Шахе	51
Теймир-Хан	57
Сказка о верности жен	60
„ Чалтык Ахмед	61
„ О Джебинцах и топорах	63
„ Кто лучше соврет	64
„ Перепутанные ноги	62
„ Охота	70
„ Мулла-рассказчик	70
„ Завещание осла	65
„ Кумык под орехом	71
„ Мельник и лиса	66
„ Лиса и змея	69
Манай — Адамь кумыков	73

Исследования:

Жирков Л. И. — Старая и новая аварская песня	106
Прозрителев Г. Н. — Посольство от Шамиля к Абадзехам	125
Яковлев Н. Ф. — Кубачинская ювелирная промышленность	131
Ушинский Н. — Заметки о сернистых источниках Д-на	155
Абрамов Н. М. — Камни окрестностей Т.-Х.-Шурьы	148
Дюков Н. Н. — Дагестанский хомяк	169

Отчеты:

Яковлев Н. Ф. — Экспедиция С.-К. Комитета 1924 г.	227
Яковлев Н. Ф. и Жирков Л. И. — Изучение Даргинского и Кубачинского языков	228
Бакланов Н. Б. — Архитектурная секция Даг. Экспедиции	233
Башкиров А. С. — Изучение памятников старины Д-на	233
Беме Л. Б. — О работе зоологической экспедиции в 1924 г.	240
Богдановская И. Д. — Геоботанические исследования 1925 г.	249
Майоров А. А. — О поездке в Кум-Торкале, Чир-Юрт для геоботанических исследований	258
Огильви А. Н. и Карстенс Э. Э. — Ознакомление с бальнеологическими средствами Махач-Кала и его окрестностей	251

Библиография

- М. Р.* — Орнитологические экскурсии в Кизокруг (Беме). . . . . 265.
П. — Злапокузнецы Дагестана (Бакланов). . . . . 265.
Д. П. — Полезные ископаемые Д-на (Березовский). . . . . 265.
Д. — Дагестанский Музей (Редакция Д. М. Павлова). . . . . 266.
Д. М. — Первая Дагестанская конференция Р.К.П.(б) (Дагком). . . . . 266.
П. Д. — Дагестанская промышленность за 5 лет (ДСНХ). . . . . 266.
П-в. — Отчет ДагЭкосо № 1. . . . . 267.
Ляйстер А. Ф. — Ландшафты Дагестана (Добрынин). . . . . 267.
Павлов — География Дагестана (Добрынин). . . . . 267.
Д. П. — Письма А. П. Ермолова. . . . . 268.
П. Д. М. — Плановое хозяйство Д-на (Госплан). . . . . 269.
Д. М. — Три Имама (М.-Тагир). . . . . 269.
П-в. — Гражданская война в Дагестане (Самурский). . . . . 270.
П. — Дагестан (Самурский). . . . . 270.
Д. П. — Современный Дагестан (ДНРКИ). . . . . 271.
П-в. — Революция и Контр-Революция в Даг-не (А.Тахо-Годи). . . . . 272.
Д. М. — Красная армия в горах (А. Тодорский). . . . . 271.
Д. М. П. — Потребительская Кооперация Дагреспублики (Фатеев). . . . . 272.

Буйнакская Типо-литография Даггосиздата им. Е. Г. Гоголева.
Даглиц № 240

Тираж 1000 экз.

Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН

instituteofhistory.ru

